

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И ПРАВОВАЯ
ИДЕОЛОГИЯ

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский Ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра государственно-правовых наук

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Республиканский межвузовский сборник
научных трудов

Под общей редакцией В.О.Миллера

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1977

В сборнике рассматриваются вопросы становления государственно-правовых наук в ходе социалистического строительства в СССР, а также некоторые аспекты современной правовой идеологии:

Издание предусматривается для студентов юридического факультета ЛГУ и преподавателей государственно-правовых наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.О.Миллер

В.Я.Калниньш

Э.А.Иостсон

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЛГУ им. П.Стучки от 28 октября 1977 года

© Латвийский государственный университет им.П.Стучки, 1977

С 11001-166у 211-77
М 812(11)-77

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА В 1929-1931 гг.:
РАЗВИТИЕ, ДИСКУССИИ, КОНСОЛИДАЦИЯ

Основные направления развития советской юридической науки и в частности науки общей теории права в первой половине тридцатых годов прямо вытекали из намеченного Коммунистической партией курса на всемерное использование возможностей науки для решения практических задач социалистического строительства.¹ В области общей теории права основные усилия были сосредоточены на разработку проблемы права при социализме и проблемы социалистической законности.

Коммунистическая партия организовала решительную борьбу с проявлениями буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, с правым и левым уклоном в партии. Обостряющаяся политическая борьба с правым уклоном диктовала необходимость раскрыть научную несостоятельность теоретических устоев этого уклона и, с целью пресечь дальнейшее проникновение идей правых оппортунистов в общественные науки, критически пересмотреть состояние научно-исследовательской работы. Судя по плану работы Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП/б/ на 1928 год, этот отдел являлся организатором теоретических дискуссий по проблемам философии, политэкономии и других общественных наук². В конце двадцатых - в начале тридцатых годов имели место оживленные дискуссии, которые "определили основные направления развития экономической и философской мысли, помогли ученым сплотиться на марксистских позициях, ликвидировать наметившийся разрыв между теоретической деятельностью ряда творческих коллективов, отдельных исследователей и практикой социалистического строительства".³

1 "Известия ЦК ВКП/б/", 1929, № 28, с.22; "Партийное строительство", 1931, № 7, с.67.

2 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.74, д.65, л.1.

3 История КПСС, т.4, кн.2. М., 1971, с.92.

Философская дискуссия завершилась принятием 25 января 1931 года Постановления ЦК ВКП(б) "О журнале "Под знаменем марксизма"". В постановлении в качестве важнейших задач журнала были упомянуты: "действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они не маскировались. Журнал должен разрабатывать теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции".⁴ Итогом философской дискуссии было установление в качестве исходных для дальнейшего развития науки следующих положений: во-первых, признание разработки ленинского этапа в развитии марксистской философии важнейшей теоретической задачей; во-вторых, перенесение центра тяжести научно-исследовательской работы на решение задач, которые вытекают из практики социалистического строительства; в-третьих, поворот к конкретному знанию, т.е. признание необходимости использования при философских обобщениях фактического материала других наук; в-четвертых, заострение качества партийности марксистской философии.⁵ Вышеперечисленные положения вместе взятые выражают суть осуществленного в конце двадцатых -- в начале тридцатых годов поворота в научно-исследовательской работе по общественным наукам. Необходимость подобного поворота в области юридических наук ставилась на пленарном заседании Института советского строительства 29 мая 1929 г., где в адрес теоретиков права прозвучал упрек в отрыве от практики. Дальнейшие события в области общей теории права в силу ряда причин отличались определенной спецификой по сравнению

4 "Под знаменем марксизма", 1930, № 10-12, с. 2

5 Митин М. Очередные задачи работы на философском фронте в связи с итогами дискуссии. - "Под знаменем марксизма", 1931, № 3, с. 18, 24, 26, 33

6 ААН СССР, ф. 350, оп. I, д. 77, л. 12, 27.

о уже завершившимися или проходившими полным ходом дискуссиями в других науках.

Первая особенность в расстановке сил в этой области заключалась в том, что остаточное влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в науке проявлялось не только и не столько в теоретических ошибках ученых марксистов, сколько в практической деятельности "находящихся у дела" представителей унаследованной от старого строя профессуры.⁷

В области общей теории права во второй половине двадцатых годов научно-исследовательским центром общесоюзного значения являлась секция общей теории права и государства. Секция объединяла авторитетнейших ученых марксистов и являлась общепризнанным идейным руководителем по отношению к другим научно-исследовательским учреждениям, а ее журнал "Революция права" - ведущим юридическим журналом в стране.

На местах, особенно в высших учебных заведениях, главенствующую роль играли старые научные кадры.⁸ Поэтому первой своей задачей ученые марксисты-ленинцы считали - объединение ученых-юристов на принципиально марксистско-ленинско-

7. Накануне философской дискуссии в области философской науки сложилась следующая ситуация: имелись марксистско-подготовленные кадры в центре и на местах, но осуществивал определенный стрыв Института философии Коммунистической академии от других научных учреждений. Сосредоточенные в институте виднейшие философы во главе с А.М. Дебориным по ряду вопросов давали явно неверные установки, в частности, переоценивали значение гегелевской диалектики, философских работ Плеханова и явно недооценивали философское наследие В.И. Ленина (Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917-1969). Л., 1971, с.156-163).

8 В Азербайджанском государственном университете еще в 1928 году общая теория права изучалась по учебнику Н.Н. Коркунова (ЛИПАН, ф. I, оп. 5, д. 87, л. 10). В.С. Ундревич в статье "Вузы советского строительства и права" дает целый перечень городов, в вузах которых подготовка студентов еще в 1930 году в основном находилась в руках буржуазной профессуры, в том числе Иркутск, Казань, Саратов, Киев, Минск, Баку, Ташкент ("Известия", 1930, 24 октября).

кой платформе в масштабе всей страны. Инициатором такого объединения являлась секция общей теории права и государства Коммунистической академии. На заседании бюро секции 1 марта 1929 года было признано нецелесообразным существование Общества деятелей советского права при I Московском государственном университете, объединяющем не только не марксистские, но и антимарксистские силы, и было решено организовать Общество марксистов - деятелей советского права при секции. Уже к июлю был подготовлен проект устава общества, но потом вследствие происшедшего слияния секции с Институтом советского строительства организационные работы были временно приостановлены. После создания объединенного Института права и советского строительства усилия в этом направлении были немедленно возобновлены. Исчерпывающее представление о задачах, которые при этом ставились, дает письмо ИПОС за подписью ученого секретаря Я.Л. Бермана в ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 года. Создание общества в нем расценивается как средство укрепления идейных позиций марксистско-ленинской теории государства и права, т.к. это "даст возможность сплотить вокруг ИПОС всех работников, принимавших платформу Института, распространить влияние Института на основные кадры работников...руководством их работой в о-е". В качестве другого средства объединения всех ученых - действительных марксистов-ленинцев в письме упоминается созыв конференции по вопросам права, государства и советского строительства.⁹

Еще к моменту второго Всесоюзного совещания по подготовке кадров советского строительства и права в январе 1931 года засилье буржуазных профессоров сохранилось в Институте советского строительства и права Грузии. Выступившие на совещании представители Ленинграда, Казани, Украины, Азербайджана, Узбекистана докладывали об очищении преподавательского состава институтов и факультетов советского строительства и права от старой профессуры. В ряде мест в виду отсутствия марксистско подготовленных кадров занятия пришлось вообще отменять или привлечь к преподавательской работе студентов старшего курса. (АИПАН, ф. I, оп. 5, д. 161, л. 69, 79, 87, 104, 334-335, 348, 373, 384)

9 АИПАН, ф. I, оп. 5, д. 78, л. 23; д. 87, л. 7

23 марта 1930 года на заседании бюро ИССП была образована организационная комиссия по созыву учредительного собрания общества во главе с М.Е.Климовым. С фактом образования этой комиссии знакомила статья М.Е.Климова "Общество марксистов-государственников", опубликованная в апрельском номере журнала "Советское государство и революция права". Вкратце охарактеризовав стоящие перед учеными кризисными задачи, выполнение которых требует новых организационных форм, автор разъяснил, что марксистско-ленинская теоретическая платформа вновь организуемого общества представляет собой "материалистическое, революционно-диалектическое и классовое понимание права, государства и советского строительства"; активную борьбу за марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата, против всевозможных форм юридического мировоззрения и разоблачение всех попыток искажения марксистско-ленинского учения в области права, государства и советского строительства.¹⁰

16 мая состоялось учредительное собрание Общества марксистов-государственников, на котором присутствовали представители РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказских республик. На собрании было принято обращение "Ко всем работникам в области советского строительства и права" и избрано Оргбюро общества.¹¹ В обращении были сформулированы первоочередные задачи общества: во-первых, решительная борьба против всех уклонов от генеральной линии партии; во-вторых, теоретическая разработка наиболее актуальных проблем советского государства и права; в-третьих, борьба против всевозможных форм юридического мировоззрения, буржуазных теорий государства и права.¹²

¹⁰ "Советское государство и революция права", 1930, № 4, с.125-126

¹¹ АИГПАН, ф.1, оп.1, д.10, л. 6-7

¹² Ко всем работникам в области советского строительства и права. - "Советское государство и революция права", 1930, № 7, с.186-188

На первом заседании президиума общества были образованы секции: советского строительства, советского права, агитации и пропаганды, международного права и методико-педагогическая.

Вторая характерная особенность сложившейся в области общей теории права ситуации заключалась в том, что в стенах Коммунистической академии сложились две самостоятельные концепции права: П.И.Стучки и Е.Б.Пашуканиса. Обе концепции, первоначально схожие критической переработкой взглядов на право путем применения метода диалектического материализма, признанием правоотношений и регулируемых ими общественных отношений как формы и содержания, оценкой правоотношений как важнейшей части структуры права, уже с момента возникновения носили в себе зародыши будущих разногласий. П.И.Стучка и Е.Б.Пашуканис по-разному представляли практическое применение метода диалектического материализма при разработке общего учения о праве, экономическую обусловленность права, соотношение права и государства. Для организационного объединения теоретиков права требовалась единая теоретическая почва. "Меновая" концепция права в неизменном виде такой почвой служить не могла. В конце двадцатых годов стало очевидно, что ее основные положения находятся в явном противоречии с практикой советского права и в какой-то мере служат теоретическим обоснованием нигилистического отношения к советскому праву. Ни к чему, не привели неоднократно предпринятые попытки устранить противоречия путем соединения основных положений обеих концепций.¹³ Поэтому дискуссия в 1930 г. в общей теории права началась с новой попытки на базе "меновой" концепции права разработать новую, усовершенствованную концепцию. Такую попытку пред-

¹³ См.: Резунов М. К вопросу о методе изучения права - "Советское право", 1928, № 3, с. 59; Стальгевиц А.К. Пути развития советской правовой мысли. М., 1928, с. 65

ставляли собой тезисы А.К.Стадьгевича "Марксистская теория права". 30 марта 1930 г. А.К.Стадьгевич выступил на объединенном заседании секций общей теории права и конкретного права ИССП с докладом на тему "Система и принципы курса общей теории права". 13 апреля бюро ИССП КА, учитывая уже выявившиеся разногласия, одобрило публикацию тезисов доклада, но без штампа института.¹⁴

В тезисах А.К.Стадьгевича была дана общая оценка научно-исследовательской работы в области правовых наук. Революционная роль трудов П.И.Стучки, Е.Б.Пашуканиса и других работников секции общей теории права и государства усматривалась в том, что в этих трудах конкретизировалась марксистско-ленинская методология и благодаря этому, по мнению А.К.Стадьгевича, с них началось становление новой - марксистской правовой науки. С другой стороны, автором прослеживалась связь между философией неокантианства, формально-логическими конструкциями в экономической науке и юридическим нормативизмом, сводящим "объективно существующий правопорядок к абстрактной норме, оторванной от своего реального содержания"¹⁵, критиковались проявления методологии правового уклона в общей теории права (теория социальных функций, теория юридического компромисса и др.).

Считая, что назрела необходимость критически переработать сложившуюся к тому времени систему взглядов на право, А.К.Стадьгевич сформулировал исходные положения для подобной переработки. К таковым он отнес: во-первых, признание связи общей теории права со всеми составными частями марксизма. "Общую теорию права как науку - писал А.К.Стадьгевич - можно строить лишь на основе марксистско-ленинской тео -

14 АИПАН, ф.1, оп.5, д.133, л.41

15 Стадьгевич А.К. Марксистская теория права. Система и принципы курса. Тезисы. М., 1930, с.7

рии: политической экономии, истории и философии марксизма" ¹⁶; во-вторых, признание правоотношений первичным моментом правовой формы и исходным началом изучения права; в-третьих, признание советского права новым историческим типом права.

Отвергая целесообразность существования школ в рамках марксистско-ленинской общей теории права, А.К.Стальгевич столь необходимого для дальнейшего развития науки единства намеревался достичь путем новой попытки объединения основных положений обеих господствующих в общей теории права направлений. В тезисах, как и ранее в книге "Пути развития советской правовой мысли", право объяснялось как форма, коренящаяся в отношениях товарного производства и обмена. В трактовке советского права Е.Б.Пашуканисом, на наш взгляд, преобладали моменты преемственности У П.И.Стучки, наоборот, в центре внимания - новое качество и революционная роль советского права. А.К.Стальгевич констатировал одновременно наличие революционной сущности советского права и реакционной возможности, обловленной тем, что источником права являются "отношения товарного производства и обмена, рождающие капитализм". Из этого, по его мнению, вытекает двойственная природа советского права "как формы общественных отношений, своим содержанием имеющей в качестве единства противоположностей диктатуру пролетариата, социалистическую плановость и отношения товарного оборота, по своей сущности отношения классового неравенства и эксплуатации.. У Е.Б.Пашуканиса проблема взаимосвязи государства и права отступает на второй план; он ограничился выводом, что государство и право в одинаковой мере порождаются

¹⁶ Стальгевич А.К. Марксистская теория права. Система и принципы курса. Тезисы. М., 1950, с.8

¹⁷ Стальгевич А.К. Марксистская теория права, с. 36-37

многими отношениями. А.К.Стальгевич, объясняя государство и право как системы общественных отношений, вслед за П.И.Стучкой подчеркнул важность изучения диалектики их взаимоотношений. "Государство и право — утверждал А.К.Стальгевич — различие внутри единства. Государство не является непосредственным источником права, хотя и, находясь в диалектической связи с ним, в известных условиях, способно вызвать правовые явления, придать необходимую устойчивость как отдельным правовым отношениям, так и всей системе права, а в моменты революционной ломки и реконструкции экономических отношений произвести ломку и превращение правовой формы. Из этого следует, что качество правового отношения определяется как отношениями товарного обращения, так и в известной степени государством в их диалектическом соотношении. Право же, в свою очередь являясь внешним опосредствованием известной части государственных отношений, само в определенных условиях опосредствуется политически в форме законности".¹⁸

В тезисах еще ощущается сильное влияние взглядов Е.Б.Пащуканиса, в частности, генезис права усматривается в первичных меновых актах, правовое отношение и его элементы выводятся из менового отношения, отрицается социалистический характер права переходного периода, переход на социалистические формы хозяйства расценивается как предпосылка обрасивания правовой формы.

А.К.Стальгевич воспроизводил укоренившийся к тому времени в марксистско-ленинской общей теории права тезис об определяющей роли правоотношений в юридической надстройке, однако непомерно расширил эту сторону права, относил к ней, наряду с объектом и субъектом, правовую норму и правовую

¹⁸ Стальгевич А.К. Марксистская теория права, с.17

идеологии, т.е. фактически почти все правовые явления.¹⁹

На заседании бюро ИССП КА 13 мая было решено опубликовать в журнале "Советское государство и революция права" в виде статьи под названием "Система и принципы общей теории права" заключительное слово А.К. Стальгевича при обсуждении его тезисов.²⁰ Статья была опубликована в седьмом и десятом номерах журнала, но под названием — "Основные вопросы марксистской теории права". Судя по содержанию статьи, уже в ходе обсуждения тезисов А.К.Стальгевича выяснилось, что в общей теории права дискуссионными являются не столько частные проблемы, сколько методологические проблемы науки. Популярность "меновской" концепции права среди советских ученых юристов во второй половине двадцатых годов в значительной мере была вызвана тем, что Е.Б.Пашуканис своей работой пытался логически воссоздать процесс применения марксистской методологии при изучении права. Применение методологии диалектического материализма в общей теории права он понимал как перенесение в область правовой науки методов марксистской политэкономии и соответственно свел ее к воспроизведению в своей исследовательской работе хода экономических исследований К.Маркса и к поискам связей между категориями обеих наук. Такой прием позволил Е.Б.Пашуканису правильно выявить точку соприкосновения экономического базиса и юридической надстройки, однако методологические приемы диалектического материализма были освоены им не полностью. Методологическая слабость "меновской" концепции права проявлялась в

19 Стальгевич А.К. Марксистская теория права, с.10-11

20 ЛИГАН, ф.1, оп.5, д.133, л.61; Пашуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте. — "Советское государство и революция права", 1930, № 11-12, с.25

том, что право усиленно изучалось в одних связях в то время как другие оттеснялись на второй план или вообще замалчивались; развитие права представлялось абстрактно как развитие понятий и категорий и игнорировался революционный переход от права одного типа к другому — более высокому.

Тем не менее, если не считать неоднократные критические выступления П.И.Стучки, в научной литературе эти недостатки долгое время замалчивались. Статья "Основные вопросы марксистской теории права" знаменует поворот в дискуссии — с нее начинается критическая переоценка "меновый" концепции права в целом и ее методологических основ в частности.

Критический пересмотр методологических основ "меновый" концепции права А.К.Стальгевич намеревался проделать, оставаясь на почве тех же приемов, которыми пользовался Е.Б.Пашуканис. Воспринимая, как неоспоримые, посылки Е.Б.Пашуканиса разработать методы изучения права путем перенесения в эту науку методов марксистской политэкономии, он критиковал односторонность и неполноту работы, проделанной в этом направлении, пытался уточнить связи, раскрытые между категориями политэкономии и общей теории права и расширить круг экономических категорий, непосредственно связанных с юридическими, в частности, частную собственность и право А.К.Стальгевич трактовал как выражения соответственно потребительской и меновой стоимости.

А.К.Стальгевич заострил вопрос об исходном, отправном моменте марксистской общей теории права. Е.Б.Пашуканис предполагал, что правоотношение начинается с юридического субъекта. А.К.Стальгевич именуется его взгляды

по этому вопросу субъектной концепцией. Теория Е.Б.Пашуканиса, по его мнению, "как теория субъектная, не в силах вскрыть подлинно классовую природу права, скрывающуюся не в абстрактной личности субъекта - товаровладельца, а в сокровенных недрах товарного производства".²¹ А.К.Стальгевич обуславливающим моментом правоотношения считает объект. При этом он ссылается на К.Маркса, который в экономическом анализе в качестве отправного момента выделил товар, юридическим выражением которого и является объект правоотношения.

Логическим развитием взгляда о доминирующей роли правоотношений в юридической надстройке являясь трактовка А.К.Стальгевичем предмета науки общей теории права как "объективных правовых отношений".

В статье критикуется точка зрения Е.Б.Пашуканиса по вопросу об экономической обусловленности права. Эту точку зрения А.К.Стальгевич признает правильной лишь относительно момента возникновения права. Объясняя свое понимание экономической обусловленности права как его обусловленности отношениями товарного производства и обмена, А.К.Стальгевич, исходя из указаний К.Маркса о двух этапах соотношения производства и обмена, различает два этапа в процессе становления права: первый этап - право форма отношений товарного обмена; второй этап - право форма отношений товарного производства и обмена. "Поэтому правовая форма, - пишет А.К.Стальгевич, - вытекающая первоначально из первичных отношений товарного хозяйства в недрах докапиталистических формаций, обусловленная определенным процессом производства (общественное разделение труда, частная собственность, докапиталистические формы эксплуатации и классового господства), в момент

²¹ Стальгевич А. Основные вопросы марксистской теории права. - "Советское государство и революция права", 1930, № 7, с.163

своего возникновения пока еще независима и индифферентна ("равнодушна") по отношению к производству".²²

А.К.Стальгевич ставил вопрос о том, что в марксистско-ленинской общей теории права особое место должно занимать учение о типах права, особо выделяя необходимость изучения практики советского права как нового исторического типа права. В "Капитале" исследуются отношения производства и обмена одной общественно-экономической формации — капиталистической. Е.Б.Пашуканис объектом своего исследования избрал генезис правовой формы вообще, а экономическую обусловленность права свел к его обусловленности отношениями товарного обмена и соответственно право в целом — к праву буржуазному. А.К.Стальгевич критиковал Е.Б.Пашуканиса за притушение классового характера права и требовал уделить особое внимание раскрытию качественной определенности исторических типов права. "Как видно, — пишет он, — для Е.Пашуканиса нет особого, нового типа права — права советского, как качественно отличного права переходного периода. Для него существуют одни лишь категории буржуазного права, которые, видите ли, не заменяются новыми категориями, а отмирают так же, как отмирают "категории стоимости, капитала, прибыли и т.д." Основная ошибка Е.Пашуканиса заключается в том, что он исходит из одних лишь "абстрактных юридических понятий", а не из развивающихся в историческом процессе объективных условий экономической жизни, классовых отношений и скачкообразно в процессе революционной ломки сменяющихся типов государства и правовых отношений. Эта другая сторона диалектики, диалектика объективной реальности, лишь нелицезно выдвигает на

22 Стальгевич А. Основные вопросы марксистской теории права. — "Советское государство и революция права", 1930, № 7, с.171-172

первое место проблему качества в историческом процессе сменяющихся типов правовых систем".²³

Наконец, упрекая Е.Б.Пашуканиса в недооценке государства, А.К.Стальгевич утверждает, что нет права без момента классового насилия и государство "является существенным моментом содержания правовой формы и в известной степени выражается в ней".²⁴

Развернувшаяся на страницах газет "Правда" и "Известия", а также журнала "Советское государство и революция права" научная дискуссия первоначально была направлена против выступлений А.К.Стальгевича. Ученые, группировавшиеся вокруг Е.Б.Пашуканиса (А.И.Ангаров, Я.Л.Берман, М.Н.Доценко), пытались всячески дискредитировать занятую А.К.Стальгевичем позицию. А.И.Ангаров тезисы А.К.Стальгевича относил к "попыткам механического соединения" установок П.И.Стучки и Е.Б.Пашуканиса.²⁵ М.Н.Доценко упрекал А.К.Стальгевича в расширении понятия правоотношения и "сужении" предмета общей теории права, а также в методологической несостоятельности решения проблемы формы и содержания в праве, генезиса права и классовости права. Особое возмущение у М.Н.Доценко вызывало объяснение права как системы общественных отношений, т.к. ссылка на систему, по его мнению, ничего не дает для выявления специфики права.²⁶ Соглашаясь с тем, что правоотношения являются исходным моментом изучения права, М.Н.Доценко для разработки общего понятия права считал нужным раскрыть специфику правоотношений. "Следовательно, - утверждал он, - для того, чтобы в мировоззрении того или иного клас-

23 Стальгевич А. Основные вопросы марксистской теории права - "Советское государство и революция права", 1930, № 7, с.182

24 См. там же, № 10, с.120

25 Ангаров А. На фронте советского строительства. (К вопросу о подготовке теоретических кадров по советскому строительству и праву). - "Известия", 1930, 6 октября

26 О спорах по этому вопросу в 20-х годах см.: Плотников А. Петр Стучка и истоки советской правовой мысли. Рига, 1970, с.143-148

са выделить часть - одну из форм идеологии, - очевидно, необходимо предварительно вскрыть специфические отношения, породившие те или иные идеи. Применительно к праву необходимо вскрыть ту реальную правовую форму, которая порождает правовые идеи ... необходимо дать конкретное понятие, отражающее сущность или закон правовой формы. Здесь это значит указать специфику этих общественных отношений".²⁷

Всевозможные обвинения в адрес А.К.Стальгевича находим также в статье Я.Л.Бермана "В доспехах вульгарного экономизма", которая представляла попытку оправдать Е.Б.Пашуканиса в вопросе об исходном в праве и в отрицании им пролетарского права как особого исторического типа права. Одновременно Я.Л.Берман правильно утверждал, что при изучении права нельзя ограничиваться категориями содержания и формы, а необходимо использовать и категории базиса и надстройки.

С критикой "менового" концепции права на страницах журнала "Советское государство и революция права" выступили С.М.Либерман и Л.Резцов. С.М.Либерман, сравнивая постановку проблемы генезиса права у Е.Б.Пашуканиса и П.И.Стучки, предпочтение отдавал взглядам последнего и критиковал Е.Б.Пашуканиса за антимарксистское представление о соотношении формы и содержания, за установление приоритета обмена над производством, формы собственности над самой собственностью, а также за игнорирование классового характера права.

Несомненной заслугой С.М.Либермана явилось признание существующего в Советском Союзе права качественно определенным историческим типом права.

²⁷ Доценко М. Против схоластики в теории права. - "Советское государство и революция права", 1930, № 7, с.144

Е.Б.Пашуканис развитие права после победы социалистической революции представлял таким образом, что происходит не замена категорий буржуазного права категориями пролетарского права, а постепенное отмирание категорий буржуазного права и вместе с тем отмирание права вообще.²⁸ С.М.Либерман обозначение "советское право" счел недостаточным для раскрытия классовой сущности права эпохи пролетарской диктатуры. Особое качество этого права, по его мнению, вытекает из таких фактов, как защита права пролетарским государством, право как орудие осуществления политики пролетариата. "Право — констатировал С.М.Либерман — есть организованное регулирование общественных "отношений" господствующим классом. Господствующим классом является у нас пролетариат. Наше право поэтому есть пролетарское право".²⁹ Одновременно упрощенческое толкование мыслей К.Маркса и В.И.Ленина привело его к ошибочному выводу, что при социализме пролетарское право будет заменено "буржуазным" по форме правом.

"Меновую" концепцию права с нормативистских позиций критиковал Л.Резцов. Как и другие критики, он правильно упрекал Е.Б.Пашуканиса в недооценке государственного принуждения для охраны права, но признание наличия охраны со стороны государства важнейшим признаком права Л.Резцов увязывал с применением методологического приема, заключающегося в том, что при анализе правоотношения необходимо исходить из понятия нормы права. Силясь понять диалектику формы права в процессе исторического развития, Л.Резцов пытался проследить, как и почему та или иная сторона формы права в конкретных исторических условиях

28 Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. М., 1924, с.16

29 Либерман С. Против сползания на позиции меновой концепции в праве. — "Советское государство и революция права", 1930, № 8-9, с.166

играет главенствующую роль, а также выяснить особенности отражения правовой действительности в мировоззрении различных классов. Определяющим в праве ему представляется нормативное начало, т.к. "идеологическое саморазвитие права" начинается с установлением охраняемого государственного закона и "право-отношение" первоначально поглощается "правом-нормой". Восстание "права-отношения" против "права-нормы", отказ от нормативности - проявление товарно-фетишистской идеологии. При диктатуре пролетариата нормативность права, по мнению Л.Резцова, вновь выдвигается на передний план ввиду объективно необходимого нормирования труда и распределения продуктов.³⁰

Анализ сложившейся ситуации в целом в науке общей теории был дан П.И.Стучкой в проекте тезисов платформы под названием "Постановка нашей работы". Специфику данного этапа в развитии науки он усматривал не в самом факте наличия разногласий, а в том, что за этими разногласиями скрывалось отсутствие единой марксистско-ленинской теоретической платформы и генеральной линии. На словах признавая "трех китов" теоретической платформы секции общей теории права и государства: материалистическое понимание права, классовость права и революционно-диалектический метод познания права, правоведы-марксисты еще были далеки от их единообразного понимания.

В процессе становления марксистско-ленинской общей теории права как отрасли советской юридической науки, по мнению П.И.Стучки, был использован не только накопленный буржуазной наукой фактический материал, но и в какой-то мере методологические приемы. Ни одно из этих направлений и методов не проявляется в чистом виде: имеют место их разные комбинации или образуются

30 Резцов Л. Право-отношение и право-норма. -- "Советское государство и революция права", 1930, № 8-9, с.170,173,177-180

средние течения. Поскольку они проявляются в революционной среде и в революционной атмосфере, постольку они корректируются объективным ходом диалектики революции и ее фактами. Но эти коррективы теории происходят с запозданием вместо того, чтобы теория шла впереди движения. Может наступить кризис, — а он у нас как будто уже наступил, — из которого может вывести только широкая постановка общих революционных заданий, образующая единую генеральную линию".³¹

Выход из сложившейся ситуации П.И.Стучка видел в подчеркивании качественной специфики марксистско-ленинской общей теории права, в разработке и внедрении в научно-исследовательской работе соответствующих приемов и методов. Отвергая абстрактные методы изучения права, он призывал избрать объектом исследования преимущественно правовые отношения и разрабатывать теоретические проблемы на основе опыта советского права: "По-настоящему мы должны были начать, конечно, с конкретного права, чтобы на этом материале построить свою общую теорию".³²

Место юридической науки в целом, и общей теории права в частности, в системе общественных наук П.И.Стучка предлагал определить с учетом характера связей между пролетарским государством и экономикой. Если буржуазное государство участвует в экономической жизни наравне с частными лицами, как субъект права, то пролетарское государство играет революционную творческую роль в социальном преобразовании экономической жизни. Из этого вытекает необходимость разрабатывать общую теорию права и государства в тесной связи с экономическими науками.

31 Стучка П. Постановка нашей работы. — "Советское государство и революция права", 1930, № II-12, с. 52

32 Там же, с. 54

Первой попыткой устранить выявившиеся разногласия и выработать единую точку зрения следует считать постановку на заседании бюро ИССП КА 10 ноября 1930 года доклада Е.Б.Пашуканиса "Положение на теоретическом правовом фронте".

Несмотря на столь общее название, о тенденциях и итогах развития юридической науки в целом упоминается лишь в вводной части доклада, остальная — основная часть доклада представляла собой разбор ошибок самого докладчика, полемику с критиками книги "Общая теория права и марксизм" и изложение усовершенствованного варианта "меновой" концепции права. Также построение доклада прямо вытекало из констатации факта, что теоретические работники "недостаточно глубоко и недостаточно внимательно подходили к ... прошлой теоретической работе в направлении вскрытия и разоблачения тех отдельных ошибок, того просачивания антиленинских концепций, которое имело место" и что наиболее серьезные теоретические ошибки связаны с "просачиванием бухаринской концепции в ... теоретические работы".³³

Сообщая, что он остается на почве "меновой теории права", Е.Б.Пашуканис тем не менее внес в нее ряд исправлений. Методика исследования, применяемая Е.Б.Пашуканисом при написании работы "Общая теория права и марксизм", неизбежно вела к сведению права в целом к праву буржуазному. Называя такое положение недостатком "прежней концепции", Е.Б.Пашуканис стремился устранить его пояснением, что "буржуазное право в целом не исчерпывается теми признаками, которые его отличают от феодального права, но включает также и такие, которые присущи и ему и феодальному праву".³⁴ Продолжая признавать наиболее

33 Пашуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте — "Советское государство и революция права", 1930, № II-12, с.20

34 Там же, с.33

развитой системой права буржуазное право, он однако допустил существование и других систем права, а буржуазное государство именовал одной из форм государства.

В постановке проблемы соотношения права и экономического базиса Е.Б.Пашуканис пытался сблизиться с П.И.Стучкой — содержание права трактовал как отношения между собственниками средств производства и непосредственными производителями. "Вывод: стержнем каждой исторической системы права, ее содержанием является отношение между собственниками средств производства и непосредственными производителями. Это отношение отвечает основному классовому интересу господствующего класса, поддерживается его организованной силой. Переход от одной системы к другой совершается революционным путем. Революции кладут водораздел между различными социально-экономическими формациями и соответствующими им системами права".³⁵ Одновременно Е.Б.Пашуканис не собирался менять свое откровенно отрицательное мнение по вопросу о существовании пролетарского права как особого исторического типа права. Факт, что переходный период от капитализма к коммунизму "нельзя рассматривать как особую законченную социально-экономическую формацию"³⁶, он считал веским основанием для упрека в адрес П.И.Стучки за употребление им термина "пролетарское право". Не воспринимая диалектику мыслей К.Маркса и В.И.Ленина, высказанные ими соображения о происходящих в переходный период изменениях в характере права как особой разновидности социального регулятора поведения людей Е.Б.Пашуканис толковал как признание необходимости сохранения буржуазной формы права. Центральным вопросом для выявления специфики права

35 Пашуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте. — "Советское государство и революция права", 1930, № II-12, с.34

36 Там же, с.42

переходного периода он считал не вопрос о новой классовой сущности, а наоборот - вопрос, что "сохраняется от буржуазной формы права на данном этапе и что отходит и отошло в прошлое".³⁷ Отрицая практическую возможность создания "системы пролетарского права" или "юридической системы пролетарского права", Е.Б.Пашуканис пользовался следующими аргументами: во-первых, это практически неразрешимая задача ввиду динамичности общественных отношений в переходный период; во-вторых, возведение переходного этапа в законченную юридическую систему явится фактором, способным задержать общественное развитие; в-третьих, господствующие в переходный период общественные отношения заключают в себе "необходимость отмирания всякого права"; в-четвертых, имеется налицо система пролетарской политики, по отношению к которой право занимает подчиненное положение.³⁸

После доклада были зачитаны тезисы П.И.Стучки. Расхождения взглядов правоведов-марксистов, как полагал П.И.Стучка, берут начало в том, что работы "Революционная роль права и государства" и "Общая теория права и марксизм" были написаны в разное время, их авторами преследовались разные задачи и были избраны разные подходы к проблеме. Одновременно он считал невозможным ставить вопрос об уклонах. "Для существования уклона - пояснил П.И.Стучка - необходимо, чтобы в данной области уже существовала генеральная линия".³⁹ Вопрос об определении генеральной линии является центральным в тезисах. Отвергая поиски выхода из сложившейся ситуа-

37 Пашуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте. - "Советское государство и революция права", 1930, № II-12, с.40

38 Там же, с.40,42,47-48

39 Стучка П. Наши "разногласия" (тезисы к содокладу) - "Советская юстиция", 1930, № 31, с.7

ции путем навязывания ему и Е.Б.Пашуканису "неприемлемых для одного или для обоих из нас положений, в виде своего среднего мнения" или объявления своей, новой линии "генеральной, а все отклонения от нее — уклонами и загибами",⁴⁰ П.И.Стучка единственную возможность сближения с Е.Б.Пашуканисом видел в том, чтобы последний устранил допущенные им ошибки. Наряду с первым шагом Е.Б.Пашуканиса в этом направлении — подчинении его понимания права более общему, данному П.И.Стучкой, в тезисах от Е.Б.Пашуканиса требовалось уточнение его позиции по вопросу о государстве, четкое определение восприятия им понятия — интересы класса, признание классового характера всякого права, большее обобщение общественных отношений, определение и буржуазного права как отношения господства-подчинения, отказ от положения о принципиальной бессистемности советского права и его противопоставления политике.

В обсуждении доклада, которое продолжалось на пяти заседаниях бюро, судя по стенограмме, приняли участие 21 выступающий. При этом выяснилось, что в вопросе о том, какая концепция права является последовательно марксистско-ленинской и как таковая должна лечь в основу дальнейшего развития науки, участники обсуждения были далеки от единогласия. Одни главным образом критиковали Е.Б.Пашуканиса (Г.Я.Клява, С.М.Либерман), другие П.И.Стучку (А.И.Ангаров, М.Н.Доценко, Ф.Д.Корнилов), третьи — находили существенные ошибки в трудах обоих ведущих теоретиков права (З.З.Гришин, М.Е.Климов, А.П.Павлов, М.Д.Резунов, А.К.Стальгевич, Н.И.Челяпов, А.С.Шляпочников).

40 Стучка П. Наши "разногласия" (тезисы к содокладу) — "Советская юстиция", 1930, № 31, с.8

Существенные разногласия между участниками обсуждения выявились по центральным проблемам общей теории права. Критический разбор "меновой" концепции не ограничивался поисками отдельных ошибок и неточностей, но распространился и на область методологии. Наряду с выступлениями, в которых выражалось полное согласие с методологией Е.Б.Пашуканиса,⁴¹ раздавались голоса о необходимости ее поправить с учетом методологии, применяемой в исследованиях П.И.Стучки,⁴² о необходимости развернуть теоретическую борьбу в области методологии, отстаивая генеральную линию партии.⁴³

-
- 41 А.И.Ангаров предлагал право связать с производством при помощи целого ряда опосредствований, в том числе обмена (АИТПАН, ф.1, оп.5, д.138, л.100)
- 42 А.К.Стальгевич, продолжая признавать товарное производство и обмен реальным источником права, утверждал, что в социалистическом секторе экономики правовые отношения становятся политическими. М.Д.Резунов заявил, что изучение генезиса права надо начинать с изучения товарно-капиталистических производственных отношений. Я.Л.Берман в качестве основной методологической установки формулировал мысль, что "правовая форма определяется условиями разделения труда, характером собственности и основами обмена, в свою очередь определяемыми производственными отношениями и отношениями собственника средств производства к производителю. Но право является формой опосредствования в классовом обществе... И отсюда содержание права, это отношение господства и подчинения" (АИТПАН, ф.1, оп.5, д.138, л.82, 209, 597-598)
- 43 Г.Я.Клява в своем выступлении теоретическую борьбу в области методологии увязывал с борьбой за генеральную линию партии в политике (АИТПАН, ф.1, оп.5, д.138, л.143)

Некоторая ясность была достигнута в вопросе об исходной категории при изучении права. Вслед за отказом Е.Б.Пашуканиса от признания субъекта неразложимым атомом теории права, А.К.Стальгевич и М.Д.Резунов исходной категорией науки назвали правовое отношение. 44

Самые горячие споры развернулись вокруг проблемы пролетарского права. Часть выступавших (С.Н.Братусь, М.Н.Доценко, Ф.Д.Корнилов, М.Д.Резунов, А.С.Шляпчиков) в этом вопросе были солидарны с Е.Б.Пашуканисом. Другие, наоборот, подчеркивали новое качество советского права. С.М.Либерман повторил соображения высказанные им ранее в статье, опубликованной в журнале "Советское государство и революция права", и констатировал, что советскому праву присуща качественная специфика не только по содержанию, но и по форме. О советском праве как о пролетарском праве говорили Л.Я.Гинцбург, М.П.Карева и Г.Я.Клява. А.К.Стальгевич не пользовался термином "пролетарское право", но советское право называл исторически новым типом права. Он ратовал за изучение практики советского права и разработку в составе марксистской теории права теории советского права. 45

В отрицании возможности создания системы советского права Е.Б.Пашуканису вторили А.И.Ангаров, Я.Л.Берман, Л.Я.Гинцбург и А.С.Шляпчиков, но несмотря на это в ходе обсуждения стала очевидной несостоятельность этой точки зрения. Наличие системы советского права в переходный период обосновывалось наличием системы хозяйства, классовых отношений, диктатуры пролетариата, а также политики (С.М.Либерман, А.К.Стальгевич). Г.Я.Клява доказал

44 АИПАН, Ф. I, оп. 5, д. 138, л. 54-55, 578.

Лишь Ф.Д.Корнилов выступил в защиту категории субъекта, а С.М.Либерман - объекта (там же, л. 60, 231)

45 Там же, л. 67, 75, 76, II 5, 136, 150-151, 233, 250, 272, 276, 358, 584

порочность аргументации, используемой Е.Б.Пашуканисом для отрицания возможности существования системы пролетарского права. Обращая внимание на то, что переходный период не является чем-то индифферентным по отношению к формациям, Г.Я.Клява объяснил, что формация определяется тем, "какой класс заведует этими отношениями и упустить это из виду и не видеть господства пролетариата, диктатуры пролетариата - это значит как раз не видеть то, что именно характеризует формацию". Советское право "включает в себе борьбу противоположностей частной собственности и социалистической собственности, - а потому нельзя сказать, что у нас не может быть своего особого пролетарского права".⁴⁶ Наличие системы советского права констатировали также З.З.Гришин, М.П.Карева, Я.Ф.Миколенко и А.П.Павлов.⁴⁷

Почти все выступившие в прениях признали связь права и политики, но по разному объясняли эту связь, а именно: подчинение права политике (А.И.Ангаров, Я.Л.Берман, М.Е.Климов); право как форма политики (М.Н.Доценко, М.Д.Резунов); право - опосредствование известной части политики государства (А.К.Стальгевич); право пропитано политикой (Г.Я.Клява).⁴⁸

В своем заключительном слове Е.Б.Пашуканис призвал к объединению ученых на основе признания особого качест-

46 АИЩАН, ф. I, оп. 5, д. 138, л. 150-151

47 Там же, л. 66, 98, III-II2, II4, 138, 203, 215-216, 248, 255, 258, 261, 286, 585

48 Там же, л. V7, 94, 133, 155, 224, 365, 593

ва и единства классовой природы советского права. Он допускал наличие системы советского права, подразумевая под этим классовую сущность, но категорически отвергал возможность конструирования юридической системы советского права. Юридическая система "должна быть лишена внутренних противоречий, должна быть подчинена одному принципу и формально логически построена в соответствии с этим принципом". Для превращения советского права в такую систему по мнению Е.Б.Пашуканиса надо класть в основу "такую систему производственных отношений, которая включает в себя только общественное владение средствами производства и равное распределение по труду. Исходя из этих двух принципов, можно построить законченную юридическую систему. Ее должно хватить на весь социализм, до отмирания права. Но зато из конкретного советского права мы неизбежно выбросим все те отношения, которые не являются социалистическими или не являются ими в полной мере".⁴⁹

Таким образом на этой стадии дискуссии отказом Е.Б.Пашуканиса и значительной части его последователей от методологического принципа, вызвавшего в жизнь "менювую" концепцию права и заключающемуся в сужении проблемы соотношения права и материальных общественных отношений до соотношения правоотношений и отношений товарообмена, а также вследствие признания ими особого качества советского права был сделан первый шаг по пути ликвидации школ в рамках единой марксистско-ленинской общей теории права. Однако объединиться вокруг единой теоретической концепции не удалось — разногласия остались.

49 Положение на теоретическом правовом фронте. Заключение тов. Пашуканиса к докладу в Институте сов. строительства и права 10-31.XI.1931 г. — "Бюллетень заочной консультации ИКП", 1931, № 2, с. 38-39

Следующим шагом по пути к единству был I Всесоюзный съезд марксистов государственников и правоведов, который проходил в Москве с 8 по 14 января 1931 года.⁵⁰

50 Впервые о созыве конференции упоминалось на заседании бюро секции общей теории права и государства 1 марта 1929 года при определении директив по составлению плана работы секции на 1929/1930г. После объединения секции с Институтом советского строительства во второй половине 1929г. была начата практическая организационная работа по созыву конференции. Первоначально конференцию было намечено созвать в апреле 1930г. Бюро Института образовало организационную комиссию в составе А.И.Ангарова, Я.Л.Бермана и А.К.Стальгевича, а также одобрило план созыва конференции, которым предусматривалось обсуждение на конференции следующих вопросов: общие теоретические проблемы государства, права и пролетарской диктатуры; основные проблемы советского строительства; проблемы правового образования и подготовки кадров. План был передан на заключение бюро секций института. После обобщения предложений секций о времени созыва и составе конференции, об организации подготовки и намечаемых докладах на заседании бюро Института 13 февраля было решено работу конференции провести в форме заседаний пленума и четырех секций: общей теории права и государства; советского строительства; советского права; подготовки кадров и правового образования. На следующем заседании бюро было решено созвать конференцию в июне, однако в дальнейшем созыв конференции неоднократно откладывался (АИПАН, ф. I, оп. 5, д. 87, л. 7; д. 133, л. 4; II, 24-25, II 8, 122; д. 78, л. 29; оп. I, д. 10, л. 10, 13). После организационного оформления Общества марксистов-государственников организация съезда стала центральным мероприятием в его деятельности. Некоторое представление о задачах, которые при этом ставились правлением общества, дает информационное сообщение, опубликованное М.И.Хаевским. В нем говорится, что "съезд, помимо организационного закрепления объединенных О-вом сил, должен будет наметить дальнейшие перспективы деятельности на основе платформы О-ва и обращения, принятого учредительным собранием, а также заслушать ряд теоретических докладов". Съезду должны были предшествовать республиканские съезды и местные конференции, на которых намечалось предварительное обсуждение вопросов повестки дня съезда (Хаевский М. К деятельности общества марксистов-государственников. - "Советское государство и революция права", 1930, № II-12, с. 220). На заседании правления общества 5 ноября была принята повестка дня съезда. В протоколе заседания правления как и в протоколе заседания бюро ИССП КА от 13 февраля значатся четыре секции, но другого названия: советского права, советского строительства, международного права, методико-педагогическая (АИПАН, ф. I, оп. I, д. 10, л. 32)

В работе съезда принимало участие более 200 ученых прав-
тов и руководящих работников, представляющих РСФСР, УССР,
БССР, Закавказские республики, Узбекскую ССР, в том
числе 20 специалистов по общей теории государства и права.⁵¹
С докладами выступили: Е.Б.Пашуканис - "Основные проб-
лемы марксистской теории права и государства"; Я.Л.Бер-
ман - "Советы на новом этапе"; Н.А.Скрипник - "Советс-
кое государство и национальный вопрос"; Н.В.Крыленко -
"О реформе уголовного кодекса".

Доклад Е.Б.Пашуканиса носил преимущественно критичес-
кий характер. Отмечаясь от методологических приемов,
вызавших к жизни "меновую" концепцию, докладчик одно-
временно критиковал концепцию П.И.Стучки за разрыв между
объективной и субъективной стороной права и предлагал в
качестве третьего пути понимание права как формы "поли-
тики господствующего класса, которая проводится через
аппарат государственной власти".⁵² Дальнейшее развитие
в докладе этот тезис не получил; отражая лишь одно функ-
циональное свойство права, он не мог послужить основой
для разработки определения понятия права.

Признавая, что используемые им методологические прие-
мы "мешали четко поставить вопрос о советском праве как
особом праве переходного периода, качественно отличаю-
щемся от права буржуазно-капиталистического общества"⁵³
Е.Б.Пашуканис, по сравнению со своими прежними выступ-
лениями, при изучении советского права уже не призвал
уделять основное внимание процессу отмирания права, а
предлагал сосредоточить усилия на изучении особого ка-
чества и единства советского права, реконструкции советс-

51 АИПАН, ф.1, оп.1, д.20, л.1-2

52 Пашуканис Е. Основные проблемы марксистской
теории права и государства. - "Советское госу-
дарство и революция права", 1931, № 1, с.23

53 Там же, с.24

кого права и проблемы смены приемов реформы революционными приемами. Свое качество советского права он выводил из факта превращения пролетариата в господствующий класс, создания советского государства и национализации основных средств и орудий производства, а единство права — из единства политики рабочего класса. Впервые признав пролетарскую природу советского права, Е.Б.Пашуканис тем не менее продолжал отрицать возможность и целесообразность создания юридической системы советского права.

Крупнейшим достижением съезда было формулирование теоретической платформы, на которой в дальнейшем сплотились ученые-юристы по всей стране. В качестве общих задач марксистов-правоведов в резолюции съезда были перечислены: глубокое и всестороннее изучение теоретического наследия В.И.Ленина, борьба с оппортунистической недооценкой Ленинского учения о государстве и праве; признание особого качества советского права, вытекающего из его классовой сущности; борьба с буржуазными и мелкобуржуазными теориями права и выкорчевывание проявлений правого и левацкого уклона в науке права. "Теория советского права — подчеркивалось в резолюции съезда — должна стать орудием борьбы на практике за генеральную линию партии"⁵⁴.

Сущность назревшего поворота в теории права съезд усматривал в сосредоточении усилий на изучение революционно-классового содержания советского государства и права в связи с экономикой, классовой борьбой и формированием новых социалистических производственных отношений.

Съезд по существу признал необходимость преемственности в развитии марксистско-ленинской общей теории права. Называя виднейшими представителями марксистско-ленинской

54 Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и юристов по докладам Е.Пашуканиса и Я.Бермана. — "Советское государство и революция права", 1931, № 3, с.150

общей теории права П.И.Стучку и Е.Б.Пашуканиса, констатируя, что руководящие теоретики сумели принять активное участие и возглавить развертывающуюся самокритику, съезд выразил уверенность, "что поворот будет проделан с максимальной быстротой и в ближайшем будущем даст свои положительные результаты".⁵⁵ Однако судьба разработанных ими концепций права на съезде не была одинаковой. Перечисленными в резолюции съезда методологическими недостатками книги "Общая теория права и марксизм" по существу исчерпывается "меновая" концепция права в целом. От своих прежних взглядов полностью отмежевался ее основоположник. В своем заключительном слове Е.Б.Пашуканис заявил: "... то, что в книге Пашуканиса "Общая теория права и марксизм" верно, ценно и имеет положительное значение, это не ново. Это есть систематизация некоторых положений Маркса, Энгельса и Ленина ... То, что прибавлено автором от себя, и то, что претендовало на титул общей теории права — неверно..." И далее: "... предметом изучения марксистской теории права не может быть форма как таковая, да еще отраженная в абстрактных категориях".⁵⁶

На съезде критиковались и взгляды П.И.Стучки, главным образом отдельные положения теории гражданского права. В области общей теории права наиболее серьезным был упрек в отождествлении производственных и правовых отношений как следствии некоторого влияния механистической методологии. В целом концепция права П.И.Стучки выдержала проверку как наиболее последовательная марксистско-ленинская концепция и как таковая могла стать исходным пунктом дальнейших научных изысканий.

Съездом завершился своеобразный этап развития совет-

55 Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е.Пашуканиса и Я.Бермана. — "Советское государство и революция права", 1931, № 3, с.150

56 АИТЛАН, ф. I, оп. I, д. I4, л. 83-84

ской науки общей теории права, когда в рамках единой науки существовало еще несколько направлений или концепций. Этому были объективные причины. Марксистско-ленинская общая теория права как специальная юридическая наука и соответствующие учебные дисциплины впервые разрабатывались в Советском Союзе. Теоретическую работу затрудняло то, что взгляды классиков марксизма-ленинизма на право в полном и систематизированном виде нигде еще не были изложены и многие из трудов К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина, которые имели основополагающее значение для разработки общетеоретической науки о праве, в первые послереволюционные годы не были доступны для исследователей. Так, лишь в 1927 году была опубликована работа К.Маркса "К критике гегелевской философии права", в 1933 году на русском языке - "Немецкая идеология" К.Маркса. Ряд других важнейших трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, их эпистолярное наследие были опубликованы в первом издании Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, которое начало выходить в 1928 году. Первое издание Собрания сочинений В.И.Ленина было выпущено в 1920-1926 годы. В первые послеоктябрьские годы почти отсутствовали марксистско подготовленные кадры ученых юристов. Лишь к концу двадцатых - началу тридцатых годов появились все необходимые предпосылки для того, чтобы не только признать определяющее значение ленинского теоретического наследия для разработки общей теории права, но и сплотиться на деле вокруг единой концепции - по своей сущности последовательно марксистско-ленинской.

Плотникс А.А.
ЛГУ им.П.Стучки

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ
ЗАКОННОСТИ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА
ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Требование законности присуще всей политической и юридической надстройке советского общества. Функционирование института законности преимущественно относится к сфере воздействия права на регулируемые им общественные отношения. Совершенствование и развитие юридических форм управления советским обществом, расширение пределов регулирования общественных отношений постоянно влекло за собой необходимость повышения роли института законности в общественной жизни.

В условиях вступления Советского государства в полосу мирного развития и изменения условий, форм и методов классовой борьбы законность становится доминирующим методом осуществления диктатуры пролетариата. В этой связи возрастает интерес к теоретическим вопросам революционной законности. В течение двадцатых годов революционная законность является предметом наиболее частого обсуждения не только в практическом, но и в теоретическом плане.

В основу этого обсуждения легла открытая В.И. Лениным закономерность укрепления законности в социалистическом государстве по мере достигаемого обществом экономического и культурного прогресса и содержащиеся в документах Коммунистической партии выводы о роли советского законодательства и законности при переходе к новой экономической политике. Принципы новой экономической политики были разработаны Центральным комитетом партии в январе-феврале 1921 года.¹ Постановление X съезда

РКП(б) о замене продовольственной разверстки натуральным налогом положило начало разворачиванию отношений товарообмена между городом и деревней. Обращая внимание съезда на значение юридических форм для проведения экономической политики партии в мирных условиях, В.И. Ленин указывал, что задача съезда — "установить только принципиальную линию", а ответ на вопрос, каковы пределы допуска обмена, "мы получим от нашего законодательства".²

И далее: "Детально разработает формы проведения налога в жизнь и проведет соответствующий закон ВЦИК и Совет Народных Комиссаров".³ О роли законодательства в проведении заготовок неоднократно упоминалось в прениях по докладу В.И. Ленина о замене разверстки натуральным налогом.⁴

По мере того как новая экономическая политика приобретает все более четкие очертания, чаще начинают появляться газетные, а впоследствии и журнальные статьи на тему о законности. Обсуждение вопроса о роли законности в проведении новой экономической политики было начато публикацией в газете "Известия" статьи А.Кудрина "О соблюдении законности". В статье резко осуждается неподчинение местных советов декретам высших органов Советского государства, приговорам и решениям народных судов, замена декретов административными распоряжениями. Считая залогом успешности мирного строительства "подчинение закону и необходимость точного его исполнения, обязательность закона, как для всех граждан, так и прежде всего для всех носителей власти"⁵, А.Кудрин в качестве практического мероприятия по укреплению законности назвал разворачивание юридической агитации и пропаганды.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т.43, с.62

3 Там же, с.70

4 Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с.430, 433, 436

Вопрос об укреплении законности в деятельности местных советов в тогдашних условиях являлся весьма злободневным и его обсуждение в печати бесспорно было полезным, но теоретическое обоснование этой необходимости в статье было навеяно еще идеями о социальной ценности законности как таковой. "В основе правового строя - писал А.Кудрин - должна лежать строгая законность, то есть полное согласование действий всех органов власти с существующим законодательством, обеспечивающее нормальное течение жизни всякого общества и внедряющее в сознание каждого из граждан уважение к закону".⁶

Подобное понимание законности прослеживается и в другой его статье "Натуральный налог", написанной в связи с принятием Президиумом ВЦИК Постановления о замене разверстки, как способа государственных заготовок продовольствия, сырья и фурежа, натуральным налогом. Отметив необходимость убедить крестьянство, что центр не допустит нарушения этого акта, А.Кудрин напоминал, что "нормальной жизнью страны может быть признана только такая, при которой правовые нормы закрепляются неизбежной защитой при их нарушении"⁷.

В 1921-1922г.г. прошел первый этап дискуссии по проблеме законности, в ходе которого обсуждению подвергались преимущественно вопросы о роли законности в условиях социалистического преобразования общества, о качественной специфике и задачах революционной законности и о ее гарантиях. Начало этой дискуссии относится к маю

5 "Известия", 1921, 15 февраля

6 Там же

7 "Известия", 1921, 20 марта

К этому времени относится и начало обсуждения проблемы законности в аспекте организации надзора за законностью (см.: Ветошкин М. О забытом комиссариате. - "Правда", 1921, 9 марта; Прирадов (Кудрин) А. О высшем судебном контроле. - "Известия", 1921, 22 марта)

1921 года⁸ и по времени совпадает с проведением X Всероссийской конференции РКП(б), на которой значительное внимание уделялось борьбе с нарушениями законных прав граждан и пересмотру продовольственного законодательства.⁹

В ходе проведения конференции, но особенно после нее тема революционной законности широко освещалась в советской периодической печати.

В мае-августе 1921 года газетами "Правда" и "Известия" было опубликовано более двадцати статей на эту тему. Подавляющее большинство авторов высказались за установление в Советском государстве режима строгой законности, хотя по-разному аргументировали эту необходимость. Наряду с рассмотрением законности как политического института — средства осуществления политики Советского государства,¹⁰ имели место попытки затушевать классовую сущность закон-

8 Начало научной разработки теории революционной законности как составной части советской общей теории права в литературе обычно увязывается с теоретической борьбой со старой профессурой, группировавшейся вокруг журнала "Право и жизнь" (см., напр., Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с. 106-107; Курпид Н.Я. Из истории науки советского государственного права. М., 1971, с. 56-57). В.М. Курпид справедливо констатируя, что идеологическая борьба по вопросам законности развернулась с лета 1921 года и "явилась частью борьбы по более общим проблемам о путях и методах построения социализма", также описывает эту борьбу преимущественно на материалах журнала "Право и жизнь" и "Экономист" за 1922 год (Курпид В.М. Переход к нэпу и революционная законность. М., 1972, с. 41 и след.)

9 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 317-332; Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(большевиков). Май 1921 г., М., 1933, с. 37-50

10 М. Левитин объективную необходимость революционной законности видел в том, что без нее невозможно "проводить последовательную политику Советской власти по всем линиям мирного государственного строитель-

ности и изобразить ее институтом, имманентно присущим всякому общественному строю^{II}, а некоторые авторы становились даже на путь откровенно психологической аргументации.^{I2}

- ства" и выработать в массах революционное правосознание (Левитин М. От законной революционности к революционному закону. - "Известия", 1921, 25 мая). Н. Ростовский, противопоставлял условия мирного строительства условиям гражданской войны, когда "не до строгой законности было", ратовал за создание правовых условий, "которые дали бы наибольшую возможность расцвета в промышленной области коллективной и частной инициативы, направленной для государственной пользы" (Ростовский Н. Правовая агитпропаганда. - "Известия", 1921, 14 июня).
- II Типичным представителем этой точки зрения являлся А. Дьяконов, по мнению которого, "организация всякого экономического строя есть, прежде всего, организация общественной жизни, а последняя влечет необходимость соблюдения установленных правовых норм, обязательных не только для граждан, но и для органов власти" (Дьяконов А. Все о том же. - "Известия", 1921, 22 мая). Аналогичного мнения продолжал придерживаться и А. Кудрин (Пригородов (Кудрин) А. О роли истицы в Советской России. - "Известия", 1921, 21 мая).
- I2 М. Ветюшкин, трактуя законность в духе психологической школы права как один "из видов проявления правовой психики", задачу укрепления законности сузил до задачи укрепления революционного правосознания трудящихся (Ветюшкин М. Еще о законности. - "Известия", 1921, 27 мая). А. Вавулин необходимость укрепления революционной законности увязывал с тем обстоятельством, что городская и крестьянская масса "доросла до сознания необходимости настоящего правового строя, необходимости соблюдения той законности, которую принесла с собой революция" (Вавулин А. Еще к вопросу о советской истице. - "Известия", 1921, 1 июля)

Обстоятельному обсуждению на страницах центральных газет подвергся в прос о юридических гарантиях законности. Ю.М.Стеклов писал о праве граждан обращаться с жалобами в высшие государственные органы.¹³ Ц.К.Кожевников предпочитал такие гарантии законности, как укрепление местных органов опытными работниками, надлежащая организация: обмена между государственными органами, усиление состава и улучшение деятельности рабоче-крестьянской инспекции.¹⁴ Н.В.Крыленко, называя свойственным для революционной законности в тогдашних условиях противоречие между установлением "обязательных форм карания" преступников через суд и не регламентированной процессуальными нормами деятельностью ВЧК, предлагал устранить это противоречие путем установления строго соблюдаемых процессуальных норм.¹⁵ О деятельности органов юстиции как важной гарантии соблюдения правовых норм писали А.Кудрин¹⁶ и А.Дьяконов¹⁷, а в опубликованной 24 августа обзорной статье А.Кудрина содержится предложение об ор-

-
- 13 Стеклов Ю. Во имя революционной законности. - "Известия", 1921, 17 мая
- 14 Абрамов М. (Кожевников Ц.К.). К вопросу о революционной законности (по поводу статьи Ю.Стеклова в № 105 "Изв."). - "Известия", 1921, 19 мая
- 15 Крыленко Н. На старую тему. - "Известия", 1921, 20 мая
Эти положения отстаивались и в докладе Н.В.Крыленко о реорганизации трибуналов на III сессии ВЦИК IX созыва ("Известия", 1921, 5 июня)
- 16 Приградов (Кудрин) А. О роли юстиции в Советской России. - "Известия", 1921, 21 мая
- 17 Дьяконов А. Все о том же. - "Известия", 1921, 22 мая

организации единого органа, наблюдающего за точным проведением законности в общегосударственном масштабе.¹⁸

В момент перехода к новой экономической политике имели место также отдельные выступления в защиту революционной целесообразности как имеющего преимущества перед законностью руководящего начала в деятельности граждан и должностных лиц.¹⁹

Неясную позицию в вопросе о законности вначале занимал и тогдашний народный комиссар юстиции РСФСР Д.И.Курский. В статье "Последнее слово" о советской юстиции", обращая внимание на классовую сущность процесса применения норм права, в качестве руководящего начала при применении декретов и их толковании народным судом он допускал "только кодексы, написанные в программе партии и в постановлениях ее съездов и конференций". Одновременно Д.И.Курский отрицательно расценивал развернувшуюся в печати дискуссию. "Ламентации не тему оживления юстиции - писал он - порой уж очень смахивают на тоску по буржуазной законности".²⁰ Никакого основания для подобной оценки дискуссии не было. Правда,

18 Кудрин А. К вопросу о революционной законности (Отклики). - "Известия", 1921, 24 августа
После IX Всероссийского съезда Советов А.Кудрин писал о независимой от местных влияний государственной прокуратуре, "имеющей право надзора за законностью деятельности всех органов Советской власти" (Пригоров-Кудрин А. Вопросы советской юстиции. - "Известия", 1921, 30 декабря)
В это время за независимую, подчиненную исключительно центру прокуратуру как об одном из мероприятий по проведению в жизнь решений съезда Советов высказался также Н.В.Крыленко (Крыленко Н. Об укреплении революционной законности. - "Известия" 1921, 29 декабря)

19 В докладе М.И.Калинина на III сессии ВЦИК IX созыва противоречащее закону решение крестьян расценивалось как "урок революционной целесообразности, так как они отменяют декрет, идут наперекор закону, исходя из революционной целесообразности" ("Известия", 1921, 31 мая) А.А.Яблонский формальной законности предпо-

первые газетные статьи на тему о законности чаще всего ограничивались призывами к установлению строгой революционной законности или просто законности; вопрос о классовой сущности революционной законности в них нередко отодвигался на второй план, но понятие законности раскрывалось как соблюдение и исполнение норм советского права.²¹ Кроме того вопрос о качественной специфике революционной законности, только в узком аспекте - в аспекте судебной деятельности - к тому времени уже был поставлен Н.В.Крыленко. Тему о революционной законности он раскрывал как тему "о возможности в революционный период установить строго определенные ненарушаемые нормы, по которым бы репрессия, как мера борьбы и самозащиты со стороны государства, обрушивалась на головы врагов данного социального порядка, защищаемого государством, с установлением минимума ошибок и максимума гарантий для отдельной личности".²²

читал закон целесообразности и о распоряжениях должностных лиц предлагал судить не с точки зрения законности, а по их результатам (Яблоньский А. Ответственность советского работника. - "Правда", 1921, 17 августа)

- 20 "Известия", 1921, 2 июля
- 21 Крыленко Н. На старую тему. - "Известия", 1921, 20 мая; Дьяконов А. Все о том же. - "Известия", 1921, 22 мая; см. также: Пригравдов-Кудрин А. Вопросы советской юстиции. - "Известия", 1921, 30 декабря
- 22 Крыленко Н. На старую тему. - "Известия", 1921, 20 мая

Позицию, занятую Д.И.Курским, народный комиссар здравоохранения Н.А.Семашко назвал "крупнейшей и опасной ошибкой". Повторяя требование водворения революционной законности, Н.А.Семашко пояснил, что революционную законность нельзя смешивать с буржуазной законностью; само название законности напоминает о том, "... что мы живем в революционную эпоху, что мы окружены врагами извне, и, что еще опаснее, изнутри..."²³

Критическое выступление Н.А.Семашко побудило Д.И.Курского пересмотреть свою точку зрения. Он заявил о своей поддержке стремлению "вытравить произвол, упорядочить Советскую власть, ввести деятельность работников местных и центральных в строго организационные формы, выработанные в советском и партийном порядке".²⁴ Одновременно Д.И.Курский предупреждал от иллюзий насчет возможности надклассового характера органов проведения законности или их верховенства по отношению к другим органам Советского государства.²⁵ Специфику революционной законности он усмотрел в принципах организации и деятельности советского государственного аппарата.

По мере того, как законодательным путем устанавливались юридические формы функционирования государственных и частных хозяйственных организаций и в деятельности всех членов государственного механизма укоренился принцип революционной законности в виде признания законности единственно возможным методом осуществления социалистической государственной власти,²⁶ все чаще предпри-

23 Семашко Н. Чистка партии и революционная законность. - "Известия", 1921, 14 июля

24 Курский. Ответ тов. Семашко. - "Известия", 1921, 16 июля

25 Аналогичные соображения были высказаны и в опубликованной двумя неделями позже статье Н.А.Черлончакевича (Черлончакевич Н. Революционная законность и советская юстиция. - "Известия", 1921, 30 июля)

26 В Постановлении об отношении к органам юстиции на местах, утвержденном Президиумом ВЦИК 25 августа

маются попытки раскрыть то новое, что внесла социалистическая революция в институт законности.

По А.Г.Гойхбаргу, специфику революционной законности следует искать в области методов правового регулирования. Новую экономическую политику и соответствующие ей юридические формы он рассматривал как надстройку по отношению к мелкобуржуазной стихии и отличительным признаком норм советского гражданского права признал степень их императивности. Встав на путь признания частноправовых отношений, Советская власть, утверждал А.Г.Гойхбарг, "должна будет стремиться точно урегулировать те взаимоотношения, какие смогут возникнуть между ней и частными лицами (а также и взаимоотношения частных лиц между собой); она должна будет придать этим своим нормам не диалозитивный, а принудительный характер...создать, в известных частях, обязательственное право, принципиально отличное от буржуазного права. Нормы буржуазного обязательственного права принципиально носят диалозитивный, восполнительный характер; они установлены только на тот случай, когда стороны забудут сами урегулировать свои отношения... Нормы нашего обязательственного права должны, наоборот, принципиально носить принудительный характер, связывать волю сторон, должны сами регулировать соответственные отношения и предусматривать вытекающие из них последствия".²⁷

В отличие от А.Г.Гойхбарга, внимание которого привлекала исключительно формальная сторона норм советского права, С.Б.Членов был убежден, что советское право в

1921 г. констатируется, что твердое установление советского строя требует, чтобы деятельность государственных органов и должностных лиц была строго согласована с действующими законоположениями, что проведение в жизнь начал революционной законности, является одной из самых насущных потребностей ("Известия", 1921, 30 августа)

²⁷ Гойхбарг А. Базис и надстройка. - "Известия", 1921, 4 августа

условиях проведения новой экономической политики будет содержать как принудительные, или импортивные, так и диалозитивные нормы, и отличие революционной законности от буржуазной законности не в формальных свойствах, присущих нормам советского права, а в их классовой сущности. "Высший принцип здесь - диктатура пролетариата... - писал С.Б.Членов. - Всякая юридическая норма оценивается, прежде всего, с точки зрения ее соответствия этому основному закону Советской республики. Не могут быть терпимы законы, клонящиеся к ослаблению процесса социальной революции, к ослаблению политической власти пролетариата, как ее носителя".²⁸

Противопоставление понятий "революция" и "законность" С.Б.Членов отвергал на том основании, что социалистическая революция включает длительный период строительства, на определенных этапах которого используются товарные отношения. Предположение, что существование частно-товарных отношений является предпосылкой установления революционной законности в социалистическом государстве, влекло за собой ошибочный вывод, что при военном коммунизме господствующим началом являлась целесообразность, а революционная законность возникла лишь с переходом к нэпу.

В.Н.Сарабьянов одним из первых советовал институт законности исследовать не только в связи с новой экономической политикой, но и с обществом диктатуры пролетариата, или выражаясь его словами - "в плоскостях двух времен и двух пространств".²⁹ Однако пренебрежительное отношение к нормам советского права ("Декреты диктату-

28 Членов С. Экономическая политика и революционная законность. - "Народное хозяйство", 1921, № 8-9, с.25

29 Сарабьянов В. Диктатура пролетариата, право и революционная законность. - "Народное хозяйство", 1921, № 8-9, с.28

Пролетарской власти в сущности говоря даже не законы, не правовые нормы, а боевые приказы и распоряжения, передаваемые по прямому проводу³⁰), недооценка возможностей нормативно-юридического регулирования материальных общественных отношений не только помешали ему самому осуществить этот замысел, но и побуждали к фактическому отрицанию необходимости института законности в социалистическом государстве. Задачу законодателя В.Н.Сарабьянов видел в том, чтобы "не столько гоняться за диспозитивными нормами права, сколько пересмотреть, изменить и отменить нормы военного времени", чтобы не дать сорвать новую экономическую политику "именем закона".³¹

Гражданские дела на судах он рекомендовал решать преимущественно "руководствуясь голосом революционной совести", а по поводу сомнений "революционных законников" не будет ли сорвана новая экономическая политика, "если ей не дать в спутники писаного закона" поучал, что правовые гарантии не столь существенны как гарантии усвоения этой политики партийными и государственными органами.³²

Решающее влияние на теоретическую разработку проблемы революционной законности оказали решения XI Всероссийской конференции РКП(б), на которой был подтвержден политический курс партии на всемерное укрепление законности — в качестве очередной задачи конференция назвала "возвращение во всех областях жизни строгих начал революционной законности". В резолюции конференции нашло отражение объективная закономерность расширения пределов и роли правового регулирования общественных отношений в ходе социалистического преобразования общества и связанное с этим упрочение режима законности. "Строгал ответственность органов и агентов власти и граждан

30 Сарабьянов В. Диктатура пролетариата, право и революционная законность. — "Народное хозяйство", 1921, № 8-9, с.32

31 Там же, с.34

32 Там же, с.33-34

за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка - говорится в резолюции - должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан. Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке".³³

Решением партийной конференции на этой стадии дискуссии завершился спор о том, нужен или не нужен институт законности в социалистическом государстве. После конференции необходимость законности подчеркивалась в³⁵ публичных выступлениях М.И.Калинина³⁴ и Д.И.Курского. К этому времени относится появление статей, в которых

33 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций пленумов ЦК. Т.2, М., 1970, с.306

Эти положения были воспроизведены в принятом IX Всероссийском съездом Советов Постановлении по вопросу новой экономической политики и промышленности (Съезды Советов СССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Т.1, М., 1959, с.187-188).

34 М.И.Калинин в речи на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции 28 января 1922 г. подробно остановился на задаче внедрения "советской законности" и повышения роли органов юстиции в этой связи. Касаясь соотношения соображений целесообразности и законности как руководящих начал в деятельности государственного аппарата, он заявил: "Разумеется, многие привыкли в процессе борьбы, как военной, так и непосредственно политической, привыкли до известной степени утрированно понимать слово "законность", говоря, что мы свертываем на буржуазную точку зрения, когда говорим "законность, законность, законность". Законность постольку целесообразна, постольку ее формы имеют значение, постольку совпадают с той целесообразностью, которая вытекает из того или другого положения. Но, т.т., я думаю, что эти 4 года когда законность не имела должного значения, я думаю, что в настоящий момент она имеет для нас огромное значение" ("Материалы Народного комиссариата юстиции", 1922, № 16-17, с.94-95)

35 В докладе Д.И.Курского на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции (26 января 1922г.) отме-

затрагиваются вопросы об охране прав личности³⁶ и о внедрении революционной законности как одной из сторон классовой борьбы.³⁷

По мере достигнутых успехов в установлении режима строгой законности в стране особую актуальность для практики и теории приобретает такой аспект проблемы революционной законности как ее классовая природа и качественная специфика. обстоятельному разбору этот аспект проблемы впервые был подвергнут в статьях П.И.Стучки и Я.Н.Бранденбургского. В полемической статье "Революционная законность?", написанной в ответ на статью В.Н.Сарабьянова "Диктатура пролетариата, право и революционная законность", П.И.Стучка иронизировал над домыслом В.Н.Сарабьянова, что право и законность превратятся в свою противоположность, а беззаконие - в законность, если "прибавить словечко "революционный"". Революционная законность, утверждал П.И.Стучка, не есть отрицание законности; смысл революционной законности - "честно, т.е. по революционной совести, исполнять эти законы, невзирая ни на что".³⁸ Революционная законность - это одинаковое применение государственными органами и должностными лицами законов ко всем; благо законности - для всех. Касаясь важнейшей предпосылки

чается наличие твердых норм советского права как основного материального условия революционной законности ("Материалы Народного комиссариата юстиции", 1922, № 16-17, с.9)

- 36 Славин И. Суд и новая экономическая политика. - "Еженедельник советской юстиции", 1922, № 1, с. 6-7
- 37 Лисицын А. Борьба за революционную законность. - "Еженедельник советской юстиции", 1922, № 39-40, с. 2-3
- 38 "Известия", 1922, 25 марта

революционной законности - советских законов, П. И. Стучка подчеркивал присущую им качественную специфику: "Если мы издадим простой, всем понятный закон, не дающий "наволочки" для каждого экономического отношения, но дающий определение и необходимые подробности о разрешенных у нас, т.е. законных, правовых институтах, то это будет чисто советский способ распространения законности".³⁹

Я. Н. Бранденбургский утверждал, что содержание понятия революционной законности не исчерпывается требованием - "каждое действие должностного лица должно покоиться на каком-нибудь законном основании", но включает также обоснование прав личности. В качестве причины установления строгой законности им, наряду с необходимостью укрепления завоеваний Октябрьской революции, хозяйственного возрождения, названо и то обстоятельство, что диктатура пролетариата является государственной организацией, а "в пределах наличной государственной организации должна быть обеспечена законность".⁴⁰

Подвергнуть этот аспект проблемы более обстоятельному разбору правоведов марксистов заставили выступления реакционной профессуры, группировавшейся вокруг начавшего выходить в 1922 году журнала "Право и жизнь". В проводимом Коммунистической партией курсе на всемерное укрепление режима революционной законности эта профессура усмотрела возврат к буржуазному праву и законности и, заявляя о своей поддержке этому курсу, восхваляла формально-юридическое понимание законности и традицион-

39 "Известия", 1922, 25 марта

40 Бранденбургский Я. Революционная законность, прокуратура и адвокатура. - "Советское право", 1922, № 2, с. 3. См. также: Бранденбургский Я. Судебная защита в РСФСР. - "Известия", 1922, 28 мая; Бранденбургский Я. Еще о революционной законности. (К введению в действие уголовно-процессуального кодекса). - "Известия", 1922, 27 июля

ные гарантии буржуазной законности. Своего рода манифестом старой профессуры был призыв основателей журнала "Право и жизнь" к законности как "правомерности общественной жизни...независимо от экономических форм и политических условий...существования".⁴¹

На страницах журнала "Право и жизнь" укрепление революционной законности изображалось как переход от анархии к законности, звено в круге или спирали мутаций, берущем начало от буржуазной революции,⁴² революционной законности противопоставлялась единственно возможная "просто законность"⁴³ или законность изображалась правовой ценностью, "единой в революции и реставрации".⁴⁴ Логическим продолжением и развитием этого взгляда являлась высказанная впоследствии мысль о точках соприкосновения марксистской доктрины революционной законности и буржуазной теории правового государства.⁴⁵

Попытка подменить революционную законность как объект научных исследований законностью вообще встретила энергичный отпор. Я.Н.Бранденбургский, касаясь высказанных А.Н.Трайнином опасений насчет возможности сочетания слов "революционная" и "законность", дал наиболее исчерпывающий к тому времени перечень характерных свойств революционной законности. К таким он отнес: меньшая по сравнению с "обычной законностью" связанность устоявшимися нормами; более свободная оценка интересов в конфликтных ситуациях; охрана интересов ра-

41 "Право и жизнь", 1922, № I, с.3

42 Тоцкий Н. Право и революция.-"Право и жизнь", 1922, № I, с.9-11

43 Тагер А.С. Проблема законности в Уголовном Кодексе РСФСР.-"Право и жизнь", 1922, № I, с.33

44 Трайнин А. О революционной законности.-"Право и жизнь", 1922, № I, с.6

45 Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М.,1927, с.5

боче-крестьянского государства и нужд трудящихся; в качестве руководящего начала признается не мертвая буква закона, а его подлинно-революционный смысл; ⁴⁶ революционная законность "не исключает революционной целесообразности, а должна комбинироваться с ней..." ⁴⁷

Антиреволюционной подоплеку статей о законности, опубликованных журналом "Право и жизнь", касался и П.И.Стучка в составленном им обзоре "Библиография по теории права и государства". Данный Я.Н.Бранденбургским перечень свойств революционной законности он дополнил еще одним свойством - "все законы будут толковаться революционно". ⁴⁸

Вплоть до 1922 года в советской юридической литературе мало исследованным остается вопрос о соотношении законности и диктатуры. "Левые" фразы об идее революционной законности как проявлении оппортунизма ⁴⁹ объективно смыкались с культивируемыми на страницах журнала "Право и жизнь" взглядами на законность как преимущественно "связанность" или "подчинение" пролетарской власти законам. ⁵⁰

46 Аналогичного мнения придерживался Я.А.Берман (см.: Берман Я. Марксизм и гражданский кодекс. - "Советское право", 1922, № 3, с.105)

47 Бранденбургский Я. Просто законность или революционная законность? - "Взвешиватель советской юстиции", 1922, № 31-32, с.1-2

В дальнейшем Я.Н.Бранденбургский характеризовал революционную законность "как планомерное соединение законности с практическими соображениями революционной целесообразности" (Бранденбургский Я. О трудовых судах. - "Известия", 1923, 21 января)

48 "Вестник Социалистической академии", 1922, № 1, с.169

49 См., напр., Сарабянов В. Диктатура пролетариата, право и революционная законность. - "Народное хозяйство", 1921, № 8-9, с.28

50 См., напр., "Право и жизнь", 1922, № 1, с.5, 31

О значении, которое придавала Коммунистическая партия правильному разъяснению массам своей политической линии по вопросу о соотношении революционной законности и диктатуры пролетариата, можно судить по подготовленным отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) "Тезисам для агитаторов к пятой годовщине Октябрьской революции". В них проводится мысль, что революционная законность как метод действия не может быть противопоставлена диктатуре пролетариата, которая в зависимости от ситуации меняет методы действия. "От форм террора острой гражданской войны - говорится в тезисах - к формам революционной законности, но она должна быть и теперь железным органом защиты пролетарского государства..."⁵¹

Обстоятельному разбору этот вопрос впервые был подвергнут в статье П.И.Стучки "Диктатура пролетариата и советская федерация". Обращаясь к ленинским высказываниям о соотношении диктатуры и законности ("Пролетарская революция и ренегат Каутский")⁵², П.И.Стучка интерпретировал их таким образом, что категории "диктатура" и "законность" не являются внутренне противоречивыми и взаимно исключяющими, что революционная законность является одним из методов осуществления диктатуры пролетариата. "Тов. Ленин разъясняет, - писал П.И.Стучка, - что диктатура вообще есть политическая власть, не ограниченная никакими законами, т.е. никакими законами власти, посторонней диктатуре. Это не исключает, конечно, законов, изданных самой этой диктатурой, ибо от

51 "Известия", 1922, 7 октября

52 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 245

нее зависит, находит ли она более целесообразным действовать отдельными единичными мероприятиями или организовано, т.е. путем общих норм, общих декретов, т.е. законов. Она может действовать чрезвычайным способом (ЧК) или обычными средствами (революционная законность)".⁵³

П.И.Стучка, обобщая накопленный к тому времени практический опыт осуществления диктатуры пролетариата, показал, что с изменением исторических условий меняются методы осуществления диктатуры, возрастает роль революционной законности. Диктатура пролетариата "с первого дня существования не отказывалась от законности", констатировал П.И.Стучка и ссылаясь на такие факты, как первые декреты Советской власти - "образцы организованных действий революции в государственном масштабе"⁵⁴ или - допущение чрезвычайных мер лишь в виде исключения.

Периоды военного коммунизма и новой экономической политики, по представлению П.И.Стучки, различались пределами распространения "области законности". Как в первом, так и во втором случае законность налицо, но в условиях военного коммунизма возможности распространения

-
- 53 "Власть Советов", 1922, № 10, с. 5
Такого же мнения придерживался Ф. Ксенофонов (Ксенофонов Ф. Ленин. Государство. Право. - "Вестник юстиции Узбекистана", 1925, № 1, с. 10)
- 54 "Власть Советов", 1922, № 10, с. 6

законности были ограничены.⁵⁵ С переходом к новой экономической политике "область законности развернулась весьма широко". Процессу возрастания роли закон-

- 55 К вопросу о роли института законности на различных этапах развития советского общества П.И.Стучка возвращался неоднократно и в зависимости от аспекта рассмотрения проблемы давал весьма различные, порою взаимно исключаящие оценки этой роли. Так, в книге "Учение о государстве и о Конституции РСФСР" утверждение, что "революция, проведенная с небывалой организованностью, не могла отказаться от более совершенного, т.е. организованного, способа действия государственной власти", соседствует с выводом, что вследствие отсутствия в момент принятия Декрета № I о суде "новых законов, объемлющих все области", и отсутствия "всеобъемлющих кодексов" вплоть до кодификации 1922-1923 гг. не могло быть и новой законности (Стучка П. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Изд. 2-е, М., 1923, с. 297, 298). Эта мысль воспроизводится и в других, более поздних работах (см., напр., Энциклопедия государства и права. Под. ред. П.Стучка, Т. I., М., 1929, с. 826). Подробнее об этом см.: Клява Г. П. И.Стучка о революционной законности. - "Социалистическая законность", 1962, № 6, с. 44-45.
- Подобное противоречие характерно для опубликованных в двадцатых годах исследований по теории революционной законности в целом. Большинство авторов возникновения революционной законности относили к Октябрьской революции, а период напе рассматривали в качестве нового периода ее развития (см.: Лебедев П. Революционная законность. - "Революционная законность", 1926, № 1-2, с. 5; Яхонтов В. О революционной законности. - "Советское право", 1926, № 1, с. 3-4; Дябло В. Буржуазная законность, советская законность и революционная целесообразность. - "Советское право", 1926, № 6, с. 20). Наиболее обстоятельное изложение этой точки зрения находим у С.Н.Орловского. Возникшая в Октябрьской революции революционная законность, по мнению С.Н.Орловского, в каждом периоде развития советского общества имела свои особенности. В период военного коммунизма преобладали насильственные методы проведения классовой борьбы и революционная законность характеризовалась такими особенностями, как подчинение ее задаче подавления сопротивления буржуазии, ограниченное действие закона в особо предусмотренных слу-

ности в условиях напа П.И.Стучка дал своеобразное объяснение. Законность, как и кодификацию, он связывал с временным отступлением. Одну из сторон законности он видел в том, что отступление, сделанное советской властью сознательно и добровольно, было закреплено в законах. Но временное отступление в области экономической, получившее закрепление в законодательстве, - толь-

чаев, охрана законом прав трудящихся и нераспространение закона на буржуазию. В условиях напа революционная законность становится главным регулятором общественного поведения. К ее особенностям в этот период развития он отнес: исполнение законов всеми государственными органами, единство закона на всей территории Советского Союза, сужение административной регламентации, обеспечение в процессе применения закона прав трудящихся (Орловский С.Н. Революционная законность в периоды военного коммунизма и НЭП, а. - "Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР", 1927, № 2, с. 24-25, 27).

Взгляд на появление революционной законности вследствие перехода к напу отстаивался не только "старой" профессурой (см.: "Право и жизнь", 1922, № 1, с. 5, 9-10, 31), но и кристами марксистами. Сторонники этого взгляда при этом ссылались на необходимость законности как метода в условиях гражданской войны (Ундревич В. Революционная законность, - "Нижнее Поволжье", 1925, № 5, с. 9; Лаговнер Н. Советская прокуратура и ее значение для крестьянства. М., 1925, с. 7) или на отсутствие законов в период военного коммунизма (Емельянов И. Что такое революционная законность и зачем она нужна. М.-П., 1926, с. 13)

ко средство; этот процесс, по образному выражению автора, происходит "на волнах революционного моря". Пуокай капиталисты руководствуются мотивами людей возвращающихся после землетрясения в окрестности вулкана и снова строящих жилища или рассчитывающих преодолеть силу революции, но цель рабочего класса остается — сохранение и укрепление диктатуры пролетариата "в пределах и при помощи законности".⁵⁶ Важнейшая отличительная черта революционной законности состоит в том, что ее правовой основой являются законы нового класса. "Законы, издаваемые нами, — писал П.И. Стучка, — как бы они по букве ни напоминали старые законы — недаром писаны старыми же приставами — суть все-таки законы революции, а не уцелевшие старые законы. Ни цента отступления назад путем их распространительного толкования. Толкование в этом смысле строго ограничительно".⁵⁷ Это положение было развито в книге "Учение о государстве и о Конституции РСФСР". Требуя революционно-классового подхода к раскрытию законности, П.И. Стучка мотивировал это требование тем, что законность сама по себе — "только организованный способ управления государством", "закон и законность сами по себе являются лишь формой, содержание которого зависит от того, какой класс находится у власти и чье классовое право охраняет и проводит это государство".⁵⁸

Таким образом к концу 1922 года имелись заметные успехи в разработке теории революционной законности.

56 "Власть Советов", 1922, № 10, с. 6

57 Там же. См. также: "Вестник Социалистической академии", 1922, № 1, с. 169

58 Стучка П. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Изд. 2-е, М., 1923, с. 296

К ним следует отнести прежде всего раскрытие классово-сущности революционной законности и ее роли в осуществлении диктатуры пролетариата, а также тесной связи между революционной законностью и советским законодательством. В публикациях тех лет обнаруживаются истоки ныне наиболее распространенных точек зрения о месте законности в политической и юридической надстройке общества: законность как метод осуществления государственной власти⁵⁹ и законность как общественно-политический режим.⁶⁰

Оживление интереса к теме законности⁶¹ и начало второго этапа дискуссии о законности по времени совпадает с публикацией газетой "Правда" письма В.И.Ленина "О двойном подчинении и законности" (23 апреля 1925г) и проведением XIV Всесоюзной конференции РКП(б). В заслушанном на конференции докладе А.А.Сольца "О революционной законности" укрепление революционной законности рассматривалось в качестве предпосылки окончательного утверждения Советской власти. Этот тезис нашел отражение и в принятой по докладу резолюции, признающей, "что интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства в связи с проводимой ныне политикой партии требуют максимального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах влас-

59 См., напр., Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с.32-37;

60 См.напр., Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960, с.9,23; Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961, с.106-107

61 За исключением второго издания "Учения о государстве и о Конституции РСФСР" П.И.Стучки, дополненного разделом "Законность в буржуазном смысле и револю-

ти..."⁶² Конференция поручила Центральному Комитету и Центральной контрольной комиссии разработать необходимые организационные мероприятия для укрепления революционной законности. Во исполнение этого решения после III Всесоюзного съезда Советов⁶³ в целях изучения вопроса о состоянии революционной законности была образована комиссия ЦКК ВКП(б) и ЦКК СССР, а в 1926 году начала действовать комиссия Политбюро ВКП(б) по революционной законности.⁶⁴

ционная законность", и статьи А.А.Алапжалова "Что такое революционная законность", трактующей юридические понятия в психологико-нормативистском духе ("Рабочий суд", 1925, № 13-14, с.533-538), других публикаций по теме законности в общетеоретическом плане с начала 1923 года до XIV Всесоюзной конференции РКП(б) не было

62 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.3., М., 1970, с.206

63 После образования СССР и принятия первых общесоюзных законодательных актов актуальной задачей становится обеспечение единой законности в общесоюзном масштабе. В докладе М.И.Калинина на III Всесоюзном съезде Советов как важная предпосылка укрепления революционной законности названо содействие "широких слоев населения Союза" ("Рабочий суд", 1925, № 17-18, с.727)

В связи с принятием Конституции СССР 1924 года П.И.Стучка ставил проблему соотношения обычной и конституционной законности (Стучка П. Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его Конституция СССР и РСФСР. Изд. 5-е, М.-Л., 1926, с.218. Подробнее об этом см.: Клява Г. П.И.Стучка о революционной законности. - "Известия АН Латвийской ССР", 1960, № 4, с.61)

64 Председателем обеих комиссий являлся А.А.Сольц, их членами: Н.В.Крыленко, Д.И.Курский, П.И.Стучка, и др. Комиссии изучали практические аспекты совершенствования системы судебных и прокурорских органов, в частности целесообразность создания общесоюзной прокуратуры. В составе комиссии Политбюро ВКП(б) по вопросу о проведении революционной законности в СССР с точки зрения выполнения на практике партийных директив 24 июля 1926 г. была образована подкомиссия, которую возглавил Д.И.Курский. Подготов-

них была статья В.С.Ундревича "Революционная законность". В целом придерживаясь хода мыслей в ранее опубликованных статьях Я.Н.Бранденбургского и П.И.Стучки, автор по отдельным аспектам проблемы высказал и свои суждения. Осуществление революционной законности, по В.С.Ундревичу, означает "поступить по советскому закону", "бороться с неподчиняющимися советскому закону", "проводить его в жизнь по-революционному, то есть без слепого преклонения перед буквой закона, но точно придерживаясь его смысла и все время помня о тех целях, ради которых существует тот или иной закон советского государства".⁶⁹ Революционная законность в статье рассматривается как средство осуществления политики рабочего класса. Подчеркивая подчиненное положение начала целесообразности по отношению к началу законности, В.С.Ундревич целесообразное применение норм права объяснял как осуществление "наилучшим способом" задач поставленных законом.⁷⁰

Во второй половине двадцатых годов в публикациях по теме законности преимущественное внимание уделялось вопросу о соотношении революционной законности и революционной целесообразности и выделению содержания понятий революционной законности, хотя теория революционной законности продолжала разрабатываться и в таких разделах, как ленинские принципы законности,⁷¹ предпосылки законности⁷² и гарантии законности.⁷³

69 Ундревич В. Революционная законность. - "Нижнее Поволжье"; 1925, № 5, с. 9. См. также: Ундревич В.С. О нашем судебном аппарате. - "Революция права", 1929, № 2, с. 26-27.

70 Это положение совпадает с мыслью, высказанной на II сессии ЦИК СССР при обсуждении проекта Основ судостроительства Союза ССР и союзных республик Кап-ланом, что целесообразность закона определяется законодателем, а не в процессе применения нормы права (II сессия ЦИК СССР 2-го созыва. Стенографический отчет, М., 1924, с. 436).

В статьях, опубликованных в связи с итогами XIV Всесоюзной конференции РКП(б), преимущественное внимание уделялось таким аспектам проблемы революционной законности, как предпосылки революционной законности: участие масс в надзоре за законностью,⁶⁵ повышение правосознания трудящихся,⁶⁶ совершенствование советского законодательства,⁶⁷ и революционной законности как политическому институту.⁶⁸ Наиболее обстоятельной среди

ленная Д.И.Курским докладная записка была разослана всем членам подкомиссии. После ознакомления с ней П.И.Стучка 22 ноября 1926 г. направил Д.И.Курокому свои предложения в виде тезисов. Эти предложения не лишены и теоретического интереса. "Я считаю, - писал П.И.Стучка, - что серьезно говоря о внедрении законности, надо подумать на первом месте о самом законе, о его упрощении, о его согласованности, о его популяризации, об отделении чисто технических правил и инструкций... от самых обыденных и общих правил". Наряду с мероприятиями практического характера - упрощением формы законов, вовлечением населения в борьбу за законность и др., П.И.Стучка предлагал шире использовать возможности науки - проводить анкетные обследования "незаконностей" и борьбы с ними.

Результаты работы комиссии были доложены на заседании Политбюро ВКП(б) 14 июля 1927 года (ЦПА ИМЛ, ф.153, оп.1, д.48, л.1-2; д.50, л.2; Сб.: О теоретическом наследии П.И.Стучки в советской правовой науке. Рига, 1965, с.33, 255-257)

- 65 Стучка П. Революционная законность и деревня. - "Беднота", 1925, 24 июня
- 66 Нахимсон Ф.М. Еще о революционной законности. - "Рабочий суд", 1925, № 19-20, с.809-812; Кузьмин Н. Правосознание и законность. - "Рабочий суд", 1925, № 27-28, с.1085-1088
- 67 Курский Д. Лицом к советскому закону. - "Рабочий суд", 1925, № 23-24, с.961-964
- 68 Ильинский И. Политика в советском праве. - "Красная новь", 1925, № 8, с.189-196

Оживлению споров о соотношении законности и целесообразности, несколько затихших после 1921 года, начало положила публикация газетами "Правда" и "Известия" 24 ноября 1925 года доклада А.А.Сольца "О революционной законности" на губсовещании адвокатуры, прокуратуры и суда.

В отличие от доклада А.А.Сольца на XIV Всесоюзной конференции РКП(б) в этом выступлении законности в собственном смысле слова отводилось лишь незначительное место. О ней говорилось в общих чертах как об основной задаче момента и отмечалась необходимость убедить население, что власть будет охранять его права и интересы. Основной упор в докладе ставился на несвязанность правоприменяющих органов нормами права и возмещение начала целесообразности в их деятельности. Нигилистическое отношение А.А.Сольца к нормам права наглядно отражают такие его формулировки, как "Наша основная задача не в том, чтобы держаться за букву закона, который существует в тот или другой момент, — мы должны проверять норму закона с точки зрения той революционной целесообразности, которая помогает нам в нашей

-
- 71 Антонов-Саратовский В. О революционной законности.—"Революционная законность", 1926, № 3-4, с.2-3; Крыленко Н. Что такое революционная законность. М., 1927, 45 с.
- 72 Емельянов И. Что такое революционная законность и зачем она нужна.—М.—Л., 1926, с.21, 51-54; Антонов-Саратовский В. Революционная законность.—"Рабочий суд", 1926, № 17-18, с.1051-1054; Ростовский И. Революционная законность и пропаганда права.—"Коммунистическая революция", 1926, № 15-16, с.10-11; Чельцов-Бебутов М.А. Революционная законность и упрощение уголовного права.—"Вестник советской юстиции", 1926, № 13, с.370-375
- 73 Ильинский И. Категории "законности" и "справедливости" в советском праве.—"Советское право", 1926, № 2, с.7-19

работе в деле строительства", или - "Вопрос целесообразности должен господствовать над формой права".⁷⁴

Как показали последующие события, единомышленников у А.А.Сольца среди советских правоведов, если не считать К.А.Архипова⁷⁵ и Е.Г.Ширвиндта⁷⁶, не было. 3 декабря газеты "Правда" и "Известия" опубликовали пространную ответную статью Н.В.Крыленко "О философских выступлениях т.Сольца на тему о "революционной законности",

74 Сольц А.А. О революционной законности.-"Правда", 1925, 24 ноября

Такая постановка вопроса со стороны А.А.Сольца не была неожиданной, хотя и в следующем номере газеты "Правда" была помещена поправка, содержащая сообщение, что речь А.А.Сольца была неудачно стенографирована ("Правда", 1925, 25 ноября). Она прямо вытекает из предыдущих выступлений А.А.Сольца, в которых варьируется одна и та же мысль, что отличие революционной законности от законности вообще состоит в том, что в процессе применения норм права осуществляется их проверка с точки зрения целесообразности. 18 октября 1924 года в речи на пленуме Московского губсуда А.А.Сольц утверждал, что надо осуществлять не охрану закона, а охрану законности. Что подразумевается под этим призывом А.А.Сольц разъяснил в другом выступлении на пленуме этого же губсуда. "...осуществлять законность - говорил А.А.Сольц - значить проверять каждый пункт этого закона практикой, самой жизнью" (Сольц А., Файнблит С. Революционная законность и наша карательная политика. М., 1925, с.24,34)

75 Архипов К.А. Закон в Советском государстве. М.-Л., 1926, с.45

76 Ширвиндт Е. Вопросы судебно-карательной политики на XV съезде ВКП(б).- "Советское право", 1928, № I, с. 5

о "старом" и "новом" праве и его практических по этому поводу предложениях". Н.В.Крыленко в гротескной форме раскрывал теоретическую и логическую невыдержанность "доктрины" А.А.Сольца, ее несовместимость с ленинским пониманием законности. Основной вопрос, поставленный в докладе А.А.Сольца, — об отличии революционной законности от законности вообще, Н.В.Крыленко предпочитал решать в духе статей Я.Н.Бранденбургского и П.И.Стучки 1922 года и к таким отличиям причислял охрану законами революционного порядка и присущее революционной законности и революционному праву свойство революционизирующего фактора. Эти отличия, по его убеждению, "не дадут никому права отступать от закона, нарушать закон и тем более оправдывать это нарушение, как вытекающее из отличия так называемой "революционной законности" от законности вообще".⁷⁷ Близкую к этой характеристику революционной законности находим также в статьях П.Зайцева⁷⁸ и Н.Нехамкина.⁷⁹

Признанием научной несостоятельности позиции А.А.Сольца не прекратились споры о соотношении начал законности и целесообразности. Процесс применения нормы права к тому времени был еще слабо изучен⁸⁰ и проблемы

77 Крыленко Н.В., Яхонтов В.И. Статьи о революционной законности. М., 1926, с.50

78 Зайцев П. Революционная законность или революционная целесообразность. — "Еженедельник советской юстиции", 1925, № 52, с.1573—1575

79 Нехамкин Н. Революционная законность на местах. — "Еженедельник советской юстиции", 1926, № 2, с.33—34

80 Спасения по поводу формального подхода к законам в процессе применения нормы права были высказаны П.И.Стучкой. В рукописи его статьи "Бюрократизм или волокита?" констатируется: "... нам нужен гибкий (диалектический) подход к закону и гибкий закон. Самые лучшие рабочие со станка, попадая на судейное кресло, оказываются в плену мертвого закона. Да-да, нет-нет. Либо есть закон, либо нет. А понять закон непозволительно, диалектически. Кто об этом думает? (ЦПА ИМЛ, ф.153, оп.1, д.10, л.80)

критериев, которыми надлежит руководствоваться при применении нормы права, конкретизация нормы в процессе применения и пределов такой конкретизации нередко прорабатывались в форме споров о целесообразности. Как у А.А.Сольца, так и у его первых критиков, несмотря на то, что уже было опубликовано письмо В.И.Ленина "О "двойном" подчинении и законности", целесообразность противопоставлялась законности.

В статьях В.П.Антонова-Саратовского, П.Лебедева и В.И.Яхонтова критика взглядов А.А.Сольца увязывалась с новыми попытками решения проблемы соотношения революционной законности и революционной целесообразности. Общую картину взаимодействия этих начал обрисовал В.П.Антонов-Саратовский. При военном коммунизме революционной законностью, по его мнению, называлась революционная целесообразность. К концу периода военного коммунизма происходит расщепление этих начал: "строгое исполнение действующих законов" требует центральная власть, места настаивают на революционной целесообразности. Эти начала вновь сливаются в период новой экономической политики. 81

И.П.Разумовский и Ф.И.Вольфсон призывали к диалектическому пониманию революционной законности, под-
разумеая под этим определяющее значение диалекти-
ческого материализма по отношению к формальной
логике в процессе применения нормы права.
(Разумовский И. Философская ревизия и вопросы
права.- "Под знаменем марксизма", 1926, № 7-8,
с. 20; Вольфсон Ф. Суд и закон.- "Советское право",
1927, № 6, с. 73)

81 Антонов-Саратовский В. О революционной законности.-
"Революционная законность", 1926, № 1-2, с. 3

Предупреждая от нарушений законности под предлогом революционной целесообразности, В.П.Антонов-Саратовский назвал следующие отличительные признаки революционной законности: пролетарский законодатель, отношение законодателя к закону как временной организационной мере, участие населения в обсуждении законов, быстрое изменение действующего закона.

Аналогичную трактовку соотношения законности и целесообразности находим у В.И.Яхонтова⁸², а П.Лебедев с точки зрения целесообразности оправдывал требование законом определенных форм или "формализм" закона.⁸³

В.К.Дябло не ограничивался признанием того факта, что советское законодательство пронизано началом целесообразности, он ставил вопрос о роли целесообразности в применении норм права и предлагал дополнить определение революционной законности ответом на вопрос, "как должны применяться законы и возможно ли на законном основании в известных пределах дополнять и изменять законы в процессе их осуществления".⁸⁴ Он полагал, что революционная целесообразность играет огромную роль в применении нормы права, в частности в толковании норм права и может даже ограничить действие закона, но только в тех случаях, когда это предусмотрено самим законом.

Завершающим событием дискуссии о революционной законности на данном этапе развития науки была деятельность XV съезда ВКП(б) и Июльского (1926г.) Пленума ЦК ВКП(б).⁸⁵

82 Яхонтов В. О революционной законности. — "Советское право", 1926, № I, с.4, 10—11

83 Лебедев П. Революционная законность. — "Революционная законность", 1926, № I-2, с.6

84 Дябло В. Буржуазная законность, советская законность и революционная целесообразность. — "Советское право", 1926, № 6, с.23

85 ККС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4, М., 1970, с. 108—110

На XV съезде партии необходимость укрепления революционной законности отмечалась в докладе В.М.Молотова о работе в деревне,⁸⁶ а в Отчете ЦКК-РКИ XV съезду ВКП(б), с которым выступил Г.К.Орджоникидзе, подчеркивалась задача Рабоче-крестьянской инспекции "неуклонно следить за точным проведением решений правительства и партии".⁸⁷ В ходе прений по отчету ЦКК-РКИ основное ударение делалось на исполнении советских законов (Яковлев Я.А.⁸⁸, Крыленко Н.В.⁸⁹). Вопрос о соотношении законности и целесообразности затрагивался только в связи с критикой явлений "формализма" и "буквоедства" в работе суда и решался преимущественно в духе органического сочетания этих начал в деятельности советского государственного аппарата. Характерно в этом отношении заявление Н.М.Янсона, что "... наша законность должна быть построена так, чтобы она была связана непосредственно и в первую очередь с требованиями жизни, с жизненной целесообразностью".⁹⁰ Близкие к этому заявлению мысли содержит выступление М.Ф.Шкирятова.⁹¹ В защиту целесообразности не высказался даже А.А.Сольц.⁹² Курс на дальнейшее укрепление революционной законности съезд провозгласил в резолюции "О работе ЦКК-РКИ". "Усилить, согласно неоднократным указаниям Ленина и ленинской партии, - говорится в ней, - проверку исполнения советских законов, обеспечив с помощью рабочих и крестьян массовую проверку проведения в жизнь всех важнейших мероприятий правительства и установив строжайшую ответственность

86 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет.

Т.2, М., 1962, с.1215-1216

87 Там же, т.1, с.463; см. также с.451-452, 613

88 Там же, с. 567-569

89 Там же, с. 577-579

90 Там же, с. 527

91 Там же, с. 592-593

92 Там же, с. 600-606

лиц и органов, виновных в задержке и не выполнении законов правительства".⁹³

Ко второй половине двадцатых годов, когда в советской юридической литературе уже был всесторонне освещен вопрос о содержании понятия революционной законности,⁹⁴ относится появление первых более или менее развернутых определений понятий революционной законности. Н.В.Крыленко революционную законность определял как "требование исполнения и разумного проведения в жизнь революционных законов, т.е. законов, установленных революцией, всем обществом в целом и каждым гражданином в отдельности".⁹⁵ Еще более обстоятельное с точки зрения раскрытия функциональной стороны института законности определение предложил С.Н.Орловский. Он под революционной законностью понимал "соблюдение органами власти, гражданами Союза ССР и другими проживающими на его территории лицами законов Рабоче-Крестьянского Правительства, строжайшее соответствие законам постановлений и распоряжений, издаваемых органами власти, обеспечение применяемым законом прав населения и в особенности трудящихся - в целях сохранения союза рабочего класса с крестьянством и укрепления пролетарского государства".⁹⁶

93 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т.2., М., 1962, с.1437

94 Свои соображения по поводу элементов определения революционной законности высказали Я.Н.Бранденбургский (1922г.), П.И.Стучка (1922г.), В.С.Ундревич (1925г.), И.Емельянов (1926г.) и др. В.П.Антонов-Саратовский в определении понятия революционной или советской законности считал нужным включить два элемента: "а) правопорядок в государстве, который признан целесообразным верховными органами пролетарской диктатуры и б) строгое и точное выполнение законов, определяющих этот правопорядок" (Антонов-Саратовский В. О революционной законности. - "Революционная законность", 1926, № 3-4, с.1)

95 Крыленко Н. Что такое революционная законность. М., 1927, с.29

96 Орловский С.Н. Революционная законность в периоды военного коммунизма и НЭП, а. - "Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР", 1927, № 2, с.27

Итогом научной разработки категории революционной законности в двадцатых годах было преодоление колебаний в вопросе о необходимости законности в социалистическом строительстве и утверждении в науке взгляда о революционно-творческой роли советской законности. Были достигнуты значительные успехи в познании специфических свойств и закономерностей функционирования законности в социалистическом государстве. Проблема законности прочно вошла в советскую науку, общей теории права.

В конце двадцатых — в начале тридцатых годов в новой обстановке, когда в ходе массового колхозного движения и ликвидации кулачества как класса происходили глубокие, по своей сущности революционные, изменения в общественной жизни, возобновились споры по вопросам законности. В отличие от подобных споров в прошлом дискуссия на тему о законности в начале тридцатых годов проходила в обстановке все усиливающегося наступления против настроений юридического нигилизма.⁹⁷

Некоторое отставание законодательства от политики в начальный момент развертывания массовой коллективизации сельского хозяйства побудило практических работников ставить под сомнение возможность использования юридических форм для вытеснения частнособственнических производственных отношений в деревне, и в первое время дискуссия свелась к обсуждению вопроса о роли законности в моменты решительных преобразований общественных отношений в условиях строительства основ социализма. Она выявила наличие трех взаимно непримиримых точек зрения по этому вопросу: первая точка зрения представляла собой возврат к взгляду об определяющей роли начала целесообразности по отношению к началу законности;

⁹⁷ См.: Стучка П. Право — закон — техника. — "Советское государство и революция права", 1930, № 1, с. 97—102

вторая — догматическая точка зрения на законность заключалась в требовании строго придерживаться буквы закона; третья точка зрения представляла собой диалектическое понимание законности как реализации норм права с учетом конкретной обстановки и политики Коммунистической партии в этой обстановке.

Дискуссия началась на страницах журнала "Еженедельник советской юстиции". В опубликованной в декабре 1929 года статье Н. Немцова "Революционная законность и работа суда в реконструктивный период" открыто подвергалась сомнению роль материальных и процессуальных норм советского права в качестве руководящего начала в деятельности государственных органов и должностных лиц. Имеющие место в ходе коллективизации сельского хозяйства сдвиги в экономике и идеологии отдельных социальных слоев, по убеждению автора, влекут за собой изменение методов и средств правового регулирования. Но внесение изменений в законодательстве требует времени и советский закон может стать "тормозом" в деятельности государственного аппарата. Как средство предотвращения этой опасности автор статьи упомянул уполномочение оперативных работников не применять "формально действующих, но по существу отживших и устаревших норм закона".⁹⁸ Это предложение представляло собой изложенную другими словами мысль А. А. Сольца, в свое время единогласно отвергнутую советской юридической наукой и практикой. Сути дела не меняла оговорка Н. Немцова, что работники на местах обязаны ясно и отчетливо представлять себе, "в чем именно формальный закон является отжившим и почему применение его в данном конкретном случае не соответствует изменившейся социально-экономической обстановке"⁹⁹ и должны нести ответственность

98 "Еженедельник советской юстиции", 1929, № 47, с. 1101

99 Там же

за свои действия.

Из авторов, опубликовавших статьи в последующих номерах журнала под рубрикой "Обсуждаем статью товарища Немцова", лишь один (Я.Королев¹⁰⁰) целиком и один (М.Ривкин¹⁰¹) частично - в отношении материальных норм права - поддержали установку на целесообразность как решающий критерий при применении норм права. Этой установке противопоставлялось правильное применение и толкование норм права в интересах социалистического строительства (Михайловский¹⁰²), или своевременное внесение изменений в устаревших законах (Н.Хорев¹⁰³). М.С.Строгович разрыв между законодательством и практикой счел возможным устранить путем перехода к новому типу закона, являющемуся "одновременно политической директивой и правовой регламентацией основных, узловых моментов соответствующих социальных отношений"¹⁰⁴ и упорядоченного толкования старых законов под контролем Верховного Суда и Прокуратуры республики. Однако редакция журнала "Советская юстиция" при проведении итогов дискуссии встала на точку зрения Н.Немцова и поддержала его основную мысль, что в периоды подъема революционного энтузиазма масс оперативные работники должны руководствоваться не устаревшими нормами советского права, а "революционной целесообразностью переживаемого периода".¹⁰⁵

-
- 100 Королев Я. Революционная законность и работа суда в реконструктивный период. - "Советская юстиция", 1930, № 1, с.3-4
- 101 Ривкин М. О революционной законности и процессуальных нормах. - "Советская юстиция", 1930, № 2, с.13-15
- 102 Михайловский. О наплевательском отношении к закону. - "Советская юстиция", 1930, № 1, с.1-2
- 103 Хорев Н. Как хорошие стремления иногда приводят к неправильным практическим выводам. - "Советская юстиция", 1930, № 1, с.4-6
- 104 Строгович М. Революционная законность и суд. - "Советская юстиция", 1930, № 2, с.12
- 105 О социалистической реконструкции, революционной законности и борьбе на два фронта. - "Советская юстиция", 1930, № 5, с.2

Эти же вопросы, но в более узком аспекте — относительно соблюдения в деятельности суда норм процессуального права на примере взаимоотношений Верховных Судов СССР и РСФСР, дискутировались на страницах журнала "Советское государство и революция права". Верховный Суд СССР в лице его председателя А.Н.Винокурова настаивал на беспрекословном соблюдении процессуальных норм, которые обеспечивают правильное решение дел по существу.¹⁰⁶ Позиция Верховного Суда РСФСР, изложенная в статьях, опубликованных под псевдонимом Л.К., свелась к тому, что содержание является определяющим по отношению к форме и нарушение процессуальных норм не может служить основанием для отмены решения суда, если дело по существу решено правильно. Отвергая "буквальное применение и точное соблюдение формы законов"¹⁰⁷ без учета конкретной ситуации, автор критических статей в адрес Верховного Суда СССР, суть революционной законности усмотрел "в правильном, классово-выдержанном и целесообразном, т.е. в интересах социалистического строительства, применении закона к конкретному делу, а не в фетишизации абстрактной формы".¹⁰⁸

Упрек в подмене революционной законности буквой закона

106 Винокуров А. Буквоедство или революционная законность. — "Советское государство и революция права", 1930, № 5-6, с. 283-286

107 Л.К. Пора покончить с буквоедством. — "Советское государство и революция права", 1930, № 2, с. 158

108 Л.К. Буквоедство, а не революционная законность. — "Советское государство и революция права", 1930, № 5-6, с. 287

Читателей журнала "Советская юстиция" с ходом этой дискуссии знакомила статья Оськина "К дискуссии о революционной законности в журнале "Советское государство и революция права"". В целом сочувственно относясь к позиции, занятой Верховным Судом РСФСР, автор статьи призывал бороться "как против игнорирования революционной законности, против пренебрежительного, легкомысленного отношения к закону, так и против фетишизации буквы закона, против механического, бюрократического и букво-

в адрес Верховного Суда СССР был высказан и в ходе полемики между С.Акоповым,¹⁰⁹ с одной стороны, и А.Н.Винокуровым¹¹⁰ и В.Лебединским,¹¹¹ с другой стороны.

Разное понимание соотношения начала законности и начала целесообразности при рассмотрении судом уголовных дел вызвал оживленную полемику между А.Н.Винокуровым и Н.В.Крыленко. А.Н.Винокуров критиковал предложенный Н.В.Крыленко примерный ориентировочный перечень преступлений в уголовном кодексе как представляющий собой благоприятную почву для нарушений революционной законности и высказался в пользу исчерпывающего перечня преступлений. Правовые гарантии и революционная законность для рабочих и крестьян, по убеждению А.Н.Винокурова, нужны "против бюрократических извращений пролетарского суда".¹¹² Н.В.Крыленко, наоборот, продолжал отстаивать идеи построения уголовной репрессии "исключительно на принципе целесообразности".¹¹³

-
- едского отношения к применению закона" ("Советская юстиция", 1930, № 20, с.6)
- 109 Акопов С. К вопросу о революционной законности. - "Советское строительство", 1930, № 5, с.102-111; Акопов С. На фронте революционной законности. - Там же, № 8, с.65-74
- 110 Винокуров А. Верховный Суд СССР и революционная законность. - "Советское строительство", 1930, № 6, с.104-107
- 111 Лебединский В. Прокуратура и революционная законность. "Советское строительство", 1930, № 6, с.107-114; Лебединский В. Революционная законность и судбно-прокурорская система. - Там же, 1931, № 7, с.130-138
- 112 Винокуров А. Авантюризм и истерика в уголовном праве (Ответ т.Крыленко). - "Советское строительство", 1931, № 4, с.116; см. также: Винокуров А. Об уголовном кодексе без "особенной части" и без дозирования. - Там же, 1930, № 10-11, с.50-57
- 113 Крыленко Н. Охота смертная, да участь горькая. (Ответ т.Винокурову. - "Советское строительство", 1931, № 2, с.94.
- Еще в 1927 году Н.В.Крыленко, наряду с правильной трактовкой проблемы революционной законности в теории, на практике предлагал пересмотр уголовного

Преодолению ликвидаторских настроений по отношению к революционной законности и дальнейшей научной разработке теории революционной законности способствовали содействовавшие в документах Коммунистической партии неоднократные напоминания о том, что в условиях обост-

и уголовно-процессуального законодательства, исходя из таких принципов, которые не только не способствовали бы укреплению революционной законности, но могли стать источником серьезных нарушений законности.

Суть предложенной Н.В.Крыленко реформы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР заключалась в упрощении процессуальной регламентации деятельности суда путем значительного сокращения кодекса и превращения этой регламентации частично в факультативную. Одновременно Н.В.Крыленко предлагал отменить или существенно ослабить гарантии законности в судебной деятельности (коллегияльное рассмотрение дел, состязательный принцип, право обвиняемого на защиту и др.) (Реформа советского уголовного процесса. Доклад Н.В.Крыленко, содоклад А.Я.Эстрина. - "Революция права", 1928, № I, с.98-III).

В сформулированных им предложениях по переработке Уголовного кодекса РСФСР Н.В.Крыленко под влиянием "меновой" концепции праве определенное в санкциях норм уголовного права минимальной или максимальной меры уголовной репрессии охарактеризовал как "отражение в уголовной политике идеи эквивалентности товаров друг другу". Он ратовал за переработку уголовного кодекса на основе полного отрицания принципа дозирования репрессии и изъятия из него понятий "вина" и "наказание" (Крыленко Н. Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР. - "Революция права", 1928, № 4, с.5, 13-14. Подробнее об этом см.: Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с.129-132).

Неуместность предложенных реформ была выявлена на секции общей теории права и государства при обсуждении докладов Н.В.Крыленко "Реформа советского уголовного процесса" (30 ноября 1927г.) и "Основы пересмотра Уголовного кодекса РСФСР" (23 ноября 1928 г.).

В ходе подготовки к обсуждению первого доклада Н.В.Крыленко, наряду с его тезисами, свои тезисы

ления классовой борьбы в ходе ликвидации последних позиций капитализма в стране лозунг революционной законности партии не снимается.

На XVI съезде ВКП(б) о "партийном существе" лозунга революционной законности напомнил Н.В.Крыленко. II 4

выставили: криминалистическая подсекция секции общей теории права и государстве, Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР и лично П.И.Стучка. Из них наиболее насыщены теоретическим материалом тезисы П.И.Стучки. Отстаивая как "культурные завоевания" такие начала советского уголовного процесса, как неприкосновенность личности, непосредственность, гласность и устность в процессе, право на защиту, "культурный" способ ведения дел П.И.Стучка считал необходимой предпосылкой борьбы "за действительную революционную законность" (Тезисы П.И.Стучка о реформе УПК. — "Революция права", 1928, № 1, с. 121). В тезисах "К продолжению обсуждения УПК" П.И.Стучка подчеркивает, что нельзя отказать подсудимым "в минимальных гарантиях правильности приговора" (ЦИА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 45, л. 60; ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 251). А.Н.Винокуров, выступая в прениях по докладу "Основы пересмотра Уголовного кодекса РСФСР", по поводу отказа от "дозировки" подметил, что это означает отказ от революционной законности. В заключительном слове по докладу, отвечая на этот упрек, Н.В.Крыленко принципу законности, предусматривающему наступление уголовной ответственности лишь в предусмотренных законом случаях и пределах, противопоставил понимание законности, полностью игнорирующее демократическую природу советского законодательства. "Революционная законность — утверждал Н.В.Крыленко — есть совокупность законов, установленных советской властью. И если установлен советской властью закон, что такие-то и такие-то категории преступлений объявляются социально-опасными и суд имеет право за них присуждать к неопределенно-долгой изоляции, то это будет закон, который для данного момента нужно будет соблюдать; никакого нарушения революционной законности не будет, если этот закон будет исполняться" ("Революция права", 1929, № 2, с. 120, 129). В феврале-апреле 1928 года проект Уголовно-процессуального кодекса РСФСР рассматривался на ряде заседаний коллегии НКЮ РСФСР, на которых с докладами выступили Н.В.Крыленко и П.И.Стучка. На заседании

Съезд потребовал от ЦКК-РКИ "жесткой повседневной проверки исполнения директив партии и правительства"^{II5}. Это же требование повторяется в резолюции Декабрьского (1930 г.) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) "О перевыборах Советов".^{II6}

Утверждению в советской науке общей теории права диалектико-материалистической точки зрения на законность в немалой степени способствовали статьи и выступления П.И.Стучки. В начале 1930 года, когда полным хо-

коллегии 22 февраля в числе исходных положений для реформы уголовно-процессуального законодательства было установлено, что Уголовно-процессуальный кодекс "должен быть построен как закон" и состоять из минимального количества статей, "определяющих основные вехи процесса" (ЦПА РСФСР, ф. 353, оп. 10, д. 9, л. 28-30, 49, 52, 56-57, 59-60). Этим и ограничивались практические последствия предложенной Н.В.Крыленко реформы УПК РСФСР; в силе остался УПК РСФСР 1923 года

II4 XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Т. I, М., 1935, с. 624

II5 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4, М., 1970, с. 427-428

II6 Там же, с. 509

дом шла дискуссия о том, что возможно ли в тогдашних условиях социалистическое преобразование общественных отношений в рамках законности, П.И.Стучка свою статью на тему о законности озаглавил "Революция и революционная законность". Наличие непосредственной связи между решением задач социалистического строительства и успешным функционированием института законности П.И.Стучка объяснял тем, что в результате установления диктатуры пролетариата революционизирующим фактором становится сама государственная власть, "а часть осуществления государственной власти именно заключается в законе, в возможности организовано, в правовом порядке воздействовать на ход развития, прежде всего в классовой борьбе".^{II7} Уроки кризиса революционной законности, по мнению П.И.Стучки, заключаются в том, что предпосылкой успешного функционирования этого института и осознания его необходимости является "действительно революционный" закон. Как и М.С.Строгович, П.И.Стучка предполагал, что "новый революционный закон будет иметь в значительной степени директивный характер, с одной стороны, с другой стороны, даст "стандарты" формы массовых отношений".^{II8}

К вопросу о соотношении революции и революционной законности П.И.Стучка возвращается в своей речи на Пленуме Верховного Суда РСФСР. Отдавая себе отчет, что "было бы смешно говорить о применении строгой законности там, где волна Октябрьской революции достигла до самых низов деревни..."^{II9}, П.И.Стучка объективную тенденцию развития советского общества

II7 "Советское государство и революция права", 1930, № 3, с.17

II8 "Советское государство и революция права"; 1930, № 3, с.19

II9 Речь председателя Верховного Суда РСФСР т.Стучка на Пленуме Верховного Суда РСФСР. - "Советская юстиция", 1930, № 7-8, с.3-4

видел не в отказе от законов и законности, а в скорейшей отмене устаревших законов. Одновременно он напомнил, что революционный закон в отличие от буржуазного закона определяет, что будет в дальнейшем и революционная законность предполагает революционное толкование закона. "... мы попрежнему — со всей определенностью заявил П.И.Стучка — стоим спокойно на твердой почве, что революционный закон необходим и с ним нужно считаться. Если он даже имеет недостатки, то нельзя просто взять его и перечеркнуть и сказать, что я не считаюсь о законом, закон мне совершенно не нужен. Нужно каждый раз ставить вопрос, что этот закон разрешает; если он в данном случае не подходит и ничего не дает, надо ставить вопрос об отмене или изменении этого закона, даже о неприменении его к конкретному делу. Значит, революционная законность и революционный закон будут существовать..."¹²⁰.

Наконец, в статье "Революционная законность (Итоги и перспективы)", ставя вопросы, "... как быть в будущем с самой революционной законностью? Куда мы идем? В сторону ли ее ослабления или ее усиления", П.И.Стучка дал на эти вопросы лаконичный, но одновременно исчерпывающий ответ: "в сторону ее усиления".¹²¹ При этом он назвал две задачи, для решения которых необходимо усилить борьбу за революционную законность: укрепление союза рабочего класса с бедняцко-средняцким крестьянством и осуществление нэпа в дозволенных законом рамках.

¹²⁰ Речь председателя Верховного Суда РСФСР П.И.Стучка на Пленуме Верховного Суда РСФСР. — "Советская юстиция", 1930, № 7-8, с. 6

¹²¹ "Советская юстиция", 1930, № 10, с. 1

Проблему революционной законности П.И.Стучка ставил как комплексную проблему. В речи на Пленуме Верховного Суда РСФСР 26 июля 1930 г., обращаясь к ленинским идеям о связи законности и культурности, П.И.Стучка задачу укрепления революционной законности увязывал с повышением культурного уровня народа. "Революционная законность есть одновременно и революционная культурность...",¹²² утверждал он. В статье "К XIII годовщине Октября"¹²³ разъясняется, что революционная законность в широком смысле этого слова обнимает законодательство и кодификацию.¹²³

25 июня 1932 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О революционной законности", в котором были сформулированы основные задачи революционной законности в условиях завершения строительства основ социализма в стране. К таким, судя по содержанию постановления относились: укрепление диктатуры пролетариата; защита прав и интересов рабочих и трудящихся крестьян; охрана основных начал колхозного строительства; борьба с классовыми врагами трудящихся. В направленном в этой связи обращении ЦК ВКП(б) "ко всем краевым и областным партийным комитетам, ЦК национальных республик и всем районным партийным комитетам" Центральный Комитет потребовал от всех партийных организаций принятия самых серьезных мер к полному проведению в жизнь постановления "О революционной законности".¹²⁴

Издание постановления "О революционной законности" положило начало всесторонней научной разработке вопроса о задачах революционной законности.

¹²² Речь т. Стучка на заседании Верховного суда 26 июля 1930г. - "Советская юстиция", 1930, № 24-25, с. 23

¹²³ "Советское государство и революция права", 1930, № 10, с. 4

¹²⁴ За укрепление революционной законности. М., 1932, с. I-4

В докладе Н.В.Крыленко, посвященном десятилетью организации Советской прокуратуры (3 июля 1932 г.) подробно охарактеризованы четыре категории норм советского права, являющиеся основным объектом охраны революционной законности в условиях, когда заложен фундамент социалистической экономики: нормы, охраняющие диктатуру пролетариата; нормы, "охраняющие интересы и права трудящегося человека"; нормы, "регулирующие новые формы взаимоотношений социалистического сектора на почве производства и распределения" и нормы, регулирующие взаимоотношения хозяйственных организаций.¹²⁵ Одновременно Н.В.Крыленко предупреждал от одностороннего буржуазного толкования революционной законности "только как прудия по охране личности против целого".¹²⁶

В брошюре "О революционной законности" ставится вопрос о разграничении понятий "революционная законность" и "режим революционной законности". "Революционная законность - писал Н.В.Крыленко - есть возведенная в закон воля рабочего класса и его партии в деле выработки методов социалистического строительства, подлежащих единообразному проведению и исполнению всеми органами пролетарского государства и обязательных для всех его граждан".¹²⁷ Режим революционной законности он

¹²⁵ Крыленко Н. Борьба за революционную законность на пороге второй пятилетки. - "Советское государство", 1932, № 5-6, с. 12-24

В стенограмме доклада, изданной в виде отдельной брошюры, для обозначения объектов охраны революционной законности употребляется термин "категория революционных законов", хотя сама характеристика объектов, по сравнению с журнальной статьей, ничего нового не содержит (Крыленко Н.В. Революционная законность и наши задачи. М., 1932, с. 16-32). Эти же категории объектов упоминаются и в других работах Н.В.Крыленко за 1932 год (Крыленко Н. Стоять на страже революционной законности. - "Коммунистическая революция", 1932, № 13, с. 33-42; Крыленко Н. О революционной законности. М., 1932, с. 20-42)

объяснял как "систему общественных отношений".¹²⁸

Хотя в центре внимания Н.В.Крыленко — новые задачи и области функционирования революционной законности, он не упускал из виду связь нового этапа в развитии законности с предыдущими этапами. Революционная законность, являясь одновременно одним из орудий и одним из проявлений диктатуры пролетариата, по его заключению, существует с момента установления этой диктатуры.

Задачи революционной законности в свете положений постановления "О революционной законности" излагались также в статьях В.С.Ундревича¹²⁹ и В.Игнатъева.¹³⁰

О революционной законности преимущественно в аспекте одного из способов, методов или форм диктатуры пролетариата писал А.Я.Вышинский.¹³¹ Он высказал свое мнение по вопросу о специфике революционной законности, который являлся объектом самого пристального изучения со стороны советских правоведов в двадцатые годы.

126 Крыленко Н. Борьба за революционную законность на пороге второй пятилетки. — "Советское государство", 1932, № 5-6, с.24

127 Крыленко Н. О революционной законности. М., 1932, с.4

128 Там же, с.37

129 Ундревич В. Революционная законность — орудие пролетарской диктатуры. — "Парработник", 1932, № 16, с.1-5

130 Игнатъев В. Борьба за революционную законность. — "Советское строительство", 1933, № 3, с.21-25

131 Вышинский А. О революционной законности. — "Власть Советов", 1932, № 19, с.10

Сам факт, что в новых условиях ставится задача укрепления революционной законности А.Я.Вышинский считал доказательством того, что революционная законность не является "функцией новой экономической политики" (Вышинский А. Революционная законность на нынешнем этапе социалистического строительства. — "Советское строительство", 1932, № 8, с.4; см. также: Вышинский А.Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1933, с.46-51)

Констатируя, что революционная законность в отличие от буржуазной законности не исчерпывается элементами насилия, принуждения и подавления, А.Я.Вышинский назвал две, всесторонне исследованные к тому времени П.И.Стучкой, особенности революционной законности: ее революционно-творческую роль и начало культурно-воспитательного воздействия.¹³² По поводу другого издавна спорного вопроса — о соотношении революционной законности, революционной целесообразности и революционного правосознания, А.Я.Вышинский отстаивал взгляд, что эти начала находятся в тесном взаимодействии и дополняют друг друга, но приоритет признавал за правосознанием. "Революционная законность — писал он — это то средство, при помощи которого и исходя из социалистического правосознания, пролетариат дерется за осуществление своих революционных целей".¹³³

Аналогичные высказывания находим также у Е.Б.Пашуканиса (см.: Пашуканис Е. Советское право и революционная законность. — "ИКП — Орган институтов красной профессуры по заочному обучению", 1934, № 2, с.18)

132 Вышинский А. О революционной законности. — "Власть Советов", 1932, № 19, с.11

133 Вышинский А. Революционная законность на нынешнем этапе социалистического строительства. — "Советское строительство", 1932, № 8, с.6

Еще более отчетливо эта тенденция прослеживалась в докладе А.Я.Вышинского на открытом собрании ячейки ВКП(б) НКЮ "Революционная законность на нынешнем этапе социалистического строительства" ("Советская юстиция", 1932, № 19, с.6-7)

Революционную законность и революционную целесообразность совпадающими понятиями признал также В.Игнатьев (Игнатьев В. Борьба за революционную законность. — "Советское строительство", 1933, № 3, с.21)

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года "Об учреждении Прокуратуры Союза ССР" для обозначения революционной законности впервые употребляется эпитет "социалистическая".¹³⁴ Это побудило А.Я.Вышинского в книге "Революционная законность на современном этапе" обратиться к выяснению отличий социалистической законности от революционной законности первого периода нэпа. Однако под влиянием И.В.Сталина¹³⁵ социалистическую законность он свел к задаче охраны социалистической собственности.¹³⁶

134 СЗ СССР, 1933, № 40, ст.239

Термин "социалистическая законность" отражал новые свойства, присущие юридической надстройке социалистического общества, и М.С.Строгович справедливо отвергает саму возможность противопоставления социалистической и революционной законности (Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с. 136-137). Революционная законность по своей классовой сущности и задачам была социалистической с самого начала существования.

135 В докладе "Итоги первой пятилетки" на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. И.В.Сталин Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932г.,

"Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности" назвал "основой революционной законности в настоящий момент". Если революционная законность первого периода нэпа, по утверждению И.В.Сталина, гарантировала сохранность имущества частного хозяина, то после первой пятилетки революционная законность направлена "против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит, следовательно, в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом" (Сталин И.В., Соч., т.13, с.209-210)

136 Вышинский А.Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1933, с.47, 60, 74-75. См. также: Вышинский А. Революция и законность. - "Советская юстиция", 1933, № 5, с.6; Вышинский А. Об укреплении революционной законности в период социализма. - "Большевик", 1934, № 18, с.38.

Это было шагом назад в сравнении с выводами Н.В.Крыленко и П.И.Стучки о многообразии задач, решаемых посредством метода революционной законности и вело к ступенчатому подлинно гуманистической природы институту законности в социалистическом обществе. 137

Более правильную линию в этом вопросе занимал Е.Б.Пашуканис, который кстати специальных исследований по теме законности не опубликовал, но интересовался законностью как одной из "сторон" права. Он считал, что революционная законность сохраняет свое значение при всех пяти открытых В.И.Лениным форм классовой борьбы. 138

В 1936 году в связи с вынесением на военародное обсуждение проекта Конституции СССР Е.Б.Пашуканис поставил проблему конституционных гарантий социалистической законности. Проект конституции по его мнению, закрепил три таких гарантии: верховенство советского закона; четкое выделение и ограничение судебной функции и строго централизованный аппарат прокуратуры. 139

137 Задача "беречь человека" в это время с особой силой была подчеркнута М.И.Калининым. В речи на торжественном заседании 3 июля 1932 года по поводу 10-летия советской прокуратуры он отметил: "Проведение революционной законности означает гарантирование людям известных прав в их частной жизни и особенно в социалистическом строительстве" ("Советская юстиция", 1932, № 20, с.1)

138 Пашуканис Е. Советское право и революционная законность. - "ИМП - Орган институтов красной профессуры по заочному обучению", 1934, № 2, с.17

139 Пашуканис Е. Сталинская Конституция и социалистическая законность. - "Советское государство", 1936, № 4, с.24-25

В итоге теоретической борьбы по вопросам законности в первой половине тридцатых годов в СССР отстаивались и были утверждены основные положения теории революционной законности, выработанные в двадцатые годы. Одновременно теория революционной законности обогатилась выводами о роли, задачах и сторонах законности в условиях завершения переходного периода и вступления в период социализма. На новом историческом материале была подтверждена закономерность существования законности как метода осуществления диктатуры пролетариата на данном этапе развития советской государственности. Был введен и утвердился в науке термин "социалистическая законность". Теория революционной законности продолжала развиваться как теория социалистической законности.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

XXV съезд КПСС вновь подчеркнул заботу Коммунистической партии о совершенствовании идейно-воспитательной работы, указав на необходимость дальнейшего изучения форм и методов коммунистического воспитания, на необходимость уделять еще большее внимание изучению общественного мнения.

Свидетельством громадного значения общественного мнения в социалистическом обществе является закрепление этого института в новой Конституции СССР.¹

Отношения людей к материальному миру и между собой многообразны. Это многообразие и послужило основой для выработки у человека способности по-разному отражать окружающую действительность и воздействовать на нее специфическими средствами. Именно поэтому общественное сознание имеет сложный и дифференцированный характер.

Одним из самостоятельных видов общественного сознания является правосознание. Но это, конечно, не значит, что каждый вид общественного сознания существует изолированно, сам по себе. Напротив, все виды общественного сознания находятся в тесной связи друг с другом. И если любой вид общественного сознания так или иначе отражает общественное бытие, то делает это под определенным углом зрения, с особых, специфических позиций. Очевидно, игнорирование специфических сторон, черт общественных отношений, которые связаны с отдельными видами общественного сознания, и приводит некоторых авторов к умалению или отрицанию самостоятельности такого духовного образования как правосознание.²

¹ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, ст. 9 — "Известия", 8 октября 1977 года

Отрицание самостоятельности правосознания, его отождествление с политическим сознанием вызвано и тем, что в литературе встречаются иногда утверждения о существовании единой и неразделимой политико-правовой надстройки. Но, как известно, еще К.Маркс указывал на существование как политической, так и юридической надстроек и соответствующих им идеологических форм. В предисловии "К критике политической экономии" он писал, что "совокупность...производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественно-го сознания".³

Порой при исследовании правосознания встречается прямое или косвенное отождествление правосознания с правом. Так, в частности, поступают В.В.Буравлев, А.А.Уша-

- 2 См. напр.: Марксистско-ленинская философия. М., 1965, с.448. Авторами соответствующей главы утверждается, что правосознание является всего лишь важной составной частью политического сознания. То же самое утверждается и в третьем, исправленном и дополненном издании книги (1968, с.417). Так же полагает и Чесноков Д.И. "Исторический материализм" (М., 1964, с.310). Встречаются мнения, будто правовые взгляды вместе с правовыми нормами и правовыми отношениями являются только "юридической формой содержащихся в них политических взглядов и политических отношений" (см. "Базис и надстройка политического общества", Л., 1961, с.109). Другими авторами правовое сознание растворяется в нравственном сознании (См. Остроумов Г.С. Правовое сознание действительности. М., 1969, с.73-97; Явич Л.С. Право и коммунистическое воспитание". - В об.: "Развитие теории государства и права XII съездом КПСС", М., 1963; Проф. Л.С.Явич, в частности, на с.251 данного сборника пишет: "Правосознание, как определенное отношение людей к праву, выражает прежде всего нравственную оценку закона и деятельности органов правосудия. Оно поэтому не просто одна из форм общественного сознания, а специфический вид нравственного сознания людей" (Подчеркнуто нами - А.Э). Или трактуется как "морально-политическое" (см. Гербер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963, с.123)
- 3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.13, с.6,7

ков, Л.Д. Воеводин и др., рассматривающие право как форму общественного сознания, Г.Я. Нестеренко, который под формой общественного сознания подразумевает социалистическое законодательство.⁵ По сути дела отождествляет правосознание с правом и Г.С. Остроумов считающий, что относительно самостоятельной формой проявления правосознания в период строительства коммунизма являются правовые нормы.⁶ Аналогичную точку зрения высказывает и Р.А. Сафаров.⁷

-
- 4 Журавлев В.В. Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. М., 1961, с.41; Ушаков А.А. О диалектике содержания и форме в праве, гносеологической функции права и категориях правового познания. - В кн.: "Государство, право, законность", (Ученые записки № 139), Пермь, 1960, с.323 и далее; Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. Издательство Московского университета, 1972, с.54-55. Коробейников В. Два аспекта специфики общественного мнения (некоторые теоретико-методологические проблемы). - В сб.: Социологические проблемы общественного мнения и средств массовой информации. М., 1975, с.13. Хайкин Я. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972, с.142-157
- 5 Нестеренко Г.Я. Проблема сознания в марксистской социологии. М., 1971, с.170. Можно отметить, что в первые годы советской власти под влиянием психологической теории права Л.И. Петражицкого М.А. Рейснер вообще идентифицировал право с правовым сознанием. По его мнению любой класс в обществе имеет свое право. (См. Рейснер М. Право, Наше право. Чужое право. Общее право, Л.-М., 1925)
- 6 См. Остроумов Г.С. Правосознание и основные формы его проявления в период строительства коммунизма. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук, 1964, с.10, 12-13; его же - Правовое осознание действительности, с.106, 131, 134-148. На с. 103 Г.С. Остроумов пишет, что "весьма специфической, внутренне единой формой правового сознания являются юридические нормы" (!?)
7. См. Сафаров Р.А. Общественное мнение и международное право. - "Советское государство и право", 1964, № 4, с.84

Вряд ли можно согласиться с тем, что правовые нормы являются специфическим явлением общественного сознания. Правосознание выступает идейным источником норм права и не может быть отождествлено с нормами права. Ведь нормы права представляют собой уже не процесс идеального отражения, не просто модель поведения в сознании людей, а являются общеобязательными государственно-властными предписаниями.

Таким образом, правосознание нами рассматривается как вполне самостоятельный вид общественного сознания, находящийся в диалектической взаимосвязи с другими видами общественного сознания, но не растворяющийся в них.

Правовое сознание представляет собой сложное социальное явление. Общепринято рассматривать его структуру с точки зрения правовой идеологии и правовой психологии, где под правовой идеологией понимается "систематизированное научное выражение правовых взглядов, представлений, правовых требований" класса, общества, ⁸ а под правовой психологией "совокупность правовых чувств, настроений, черт характера, стихийно возникающих у конкретной социальной группы или всего общества в целом." ⁹

Однако, ряд авторов, отрицает правомерность выделения правовой психологии в качестве структурного элемента правового сознания. Некоторые считают, что правосоз-

8 Теория государства и права. Под ред. проф. Денисова А.И. Изд. Московского университета, 1972, с.374

9 Там же

10 Иорге О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961, с.99. Подобное относится и к определению правосознания, данного Н.Н.Полянским и рядом других авторов. См. напр., Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд. МГУ, 1956, с.145

нание и правовая идеология являются тождественными явлениями. В одних случаях отождествление прослеживается по определению правосознания, в других же - на это прямо указывается. Так, по определению, сформулированному О.С.Иоффе и М.Д.Шаргородским - "Правосознание представляет собой совокупность воззрений класса или в условиях социализма при отсутствии антагонистических классов всего общества на то, что есть право и что есть не право",¹⁰ лишь можно предположить о сведении правосознания к одной только правовой идеологии. Другие же, например, Б.В.Шейндлин,¹¹ Г.Я.Нестеренко,¹² А.В.Мицкевич¹³ прямо указывают на тождество правосознания и правовой идеологии. Если Б.В.Шейндлин и Г.Я.Нестеренко не высказывают свое отношение к правовой психологии, то, например, Ю.Ю.Вейнгольд подчеркивает, что правосознание - элемент только идеологии, "именно сознание права, а совсем не чувство, не эмоции".¹⁴

11 Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Изд. Ленингр. ун-та, 1959, с.46-50

12 Нестеренко Г.Я. Проблема сознания в марксистской социологии, с.171

13 Теория государства и права. Под ред. проф. Н.Г.Александрова. М., 1968, с.412-416

14 Вейнгольд Ю.Ю. Право как социологическая категория. Фрунзе, 1962, с.203

А. В. Мишкевич, говоря о правовых чувствах, представлении отмечает, что едва ли правильно выделить правовую психологию. По его мнению "чувства гнева и возмущения преступлениями неотделимы от моральных чувств и представлений, означают морально-психологическую оценку права и правовых явлений, не ограниченную еще от других форм общественного сознания".¹⁵

Более остро вопрос ставят В. М. Келле и М. Я. Ковальзон - "правосознание есть определенная совокупность взглядов. Это необходимо подчеркнуть в противовес разного рода домарксистским и антимарксистским теориям, которые обычно более охотно говорят о правовом чувстве, рассматривая его как совокупность эмоций".¹⁶

15 Теория государства и права. Под ред. проф. Н. Г. Александрова, с. 416. В этой связи интересно отметить, что проф. А. В. Мишкевич пишет об отличии правосознания и нравственности. Он отмечает, что правовые взгляды так же как и нравственные представляют собой оценочные суждения. Однако правовая оценка поведения людей отличается от нравственной прежде всего характером юридических категорий. С точки зрения правосознания поступки людей, общественные учреждения и явления оцениваются как правомерные или неправомерные, законные или незаконные, как юридически безразличные или юридически значимые. Нравственная же оценка поведения дает ответ на вопрос о том, добро или зло заключено в данных поступках, поднимается они обществом или объявляются похвальными, расцениваются как честные или бесчестные, справедливые или несправедливые. (См. Мишкевич А. В. Взаимодействие права и нравственности. - В кн.: "Взаимодействие форм общественного сознания", М., 1964, с. 91-92). Представляется, что проф. А. В. Мишкевич в некотором отношении сам себе противоречит. Ведь как в одном, так и в другом случае он пишет об оценочном моменте.

16 Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., 1959, с. 73-74

К указанным авторам примыкает и А.К.Уледов. Отметим, что попытка выделить правовые чувства в особую категорию правосознания вряд ли обоснована,¹⁷ А.К.Уледов приводит доводы, сходные с аргументами А.В.Мицкевича. Тем не менее А.К.Уледов отмечает, что сама постановка вопроса о социально-психологических элементах в правосознании вполне оправдана.¹⁸

Из сказанного ясно, что против признания правовой психологии как структурного элемента правосознания выступает целый ряд авторов.

На наш взгляд доводы авторов, отрицающих существование правовой психологии, весьма спорны. Известно, что общественная психология является продуктом социальных условий жизни общества. К.Маркс писал: "Над различными формами собственности, над социальными условиями существования возмывается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Бесь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений."¹⁹ Это положение К.Маркса примечательно тем, что здесь раскрывается многообразное содержание общественной психологии, которая включает не только мысли и мировоззрения, но и чувства. Данное положение полностью относится и к правовой психологии.²⁰ Тем более это можно утверждать потому, что классики марксизма-ле-

17 Уледов А.К. Структура общественного сознания. М., "Мысль", с.106

18 Там же

19 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.8, с.145

20 В этой связи следует отметить замечание В.П.Тугаринова. Он пишет: "что касается общественной психологии, то она... является необходимым моментом всех форм общественного сознания... Поэтому психология может выступать в качестве "парной категории" в отношении каждого из этих образований..." (Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1971, с.116).

низма вполне определенно употребляют понятие "чувство права". К. Маркс в статье "Дебаты шестого рейнского ландтага. Дебаты по поводу закона о краже леса" писал: "Но признанным принципом является "чувство права и справедливости в деле защиты лесовладельца", которое прямо противоположно чувству права и справедливости в деле защиты интересов тех, чьим достоянием является только жизнь, свобода, человечность, звание гражданина, кто не имеет ничего кроме самого себя."²¹ В той же статье К. Маркс отмечает - "чувство права и законности - самая характерная черта жителей Рейнской области."²²

Так же определенно понятием "чувство права" пользовался и Ф. Энгельс. В работе "К жилищному вопросу" он пишет: "... в обыденной жизни при простоте отношений, с которой там приходится иметь дело, такими выражениями, как справедливо, несправедливо, справедливость, чувства права, пользуются даже по отношению к общественным явлениям без особых недоразумений..."²³

В связи со всем сказанным представляется, что вполне правомерно говорить о правовых чувствах как об элементе правовой психологии. Вопрос о правовых чувствах довольно обстоятельно разработан И. Е. Фарбером.²⁴ Но, очевидно, трактовка И. Е. Фарбером правовых чувств, "разновидностью морально-политических эмоций",²⁵ указание его на то, что в них выражается "нравственная оценка закона",²⁶ служат как раз поводом для отрицания

²¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. I, с. 153

²² Там же, с. 160

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 273-274

²⁴ См. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. с. 60-94; его же - Проблемы социалистического правосознания в свете решений XIII съезда КПСС. - "Советское государство и право", 1962, № 2, с. 49-54

²⁵ Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. с. 92

²⁶ Фарбер И. Е. Проблемы социалистического правосознания в свете решений XIII съезда КПСС. - "Советское государство и право", 1962, № 2, с. 52

особенности правовых чувств. После такой трактовки действительно можно говорить, что правовые чувства неотделимы от моральных чувств, и представлений.

В психологической литературе чувства определяют как "отражение в мозгу человека его реальных отношений, т.е. отношений субъекта потребностей к значимым для него объектам."²⁷

Чувства представляют собой сложные, относительно устойчивые свойства личности, проявляющиеся в форме процессов переживаний и состояний. Они образуются в результате систематизирования и обобщения различных конкретных переживаний, возникающих под влиянием тех или иных воздействий и раздражений. Объектами чувств выступают предметы и явления, на которые направлена практическая и теоретическая деятельность человека и которые при этом вызывают у него эмоциональное впечатление и соответствующее выражение. То, как относится человек к объекту своего чувства, какое именно личное отношение выражено в данном случае, представляет собой качественное содержание этого чувства. Обычно выделяют два основных качества эмоционального отношения личности к фактам ее жизни — положительное и отрицательное.²⁸

Возмущение или одобрение, удовольствие или неудовольствие и т.п. являются простыми чувствами, которые не могут быть охарактеризованы сами по себе ни в моральном, ни в эстетическом, ни в правовом, или каком-либо ином отношении. Только в зависимости от предметной

²⁷ Общая психология. Под ред. проф. А. В. Петровского. М., 1970, с. 336

²⁸ Там же, с. 338, 339

Направленности они могут приобрести соответствующий характер. Так, скажем, возмущение по поводу грязных, неубранных столов в столовой будет выступать как эстетическое чувство, а возмущение по поводу совершенного преступления (убийство, изнасилование, кража и т.п.) уже будет выступать как правовое чувство.

Представляется верным постановке вопроса Д.А.Потопейко, которая помимо простых чувств, зависящих от предметной направленности, выделяет чувства, характерные только правовому сознанию. К таким она относит чувство юридического (а не морального) права, юридической обязанности, чувство законности и др. Эти чувства, по ее мнению, при любых обстоятельствах выступают именно как правовые и адекватны моральному чувству долга, добра и зла и др.²⁹ Можно утверждать, что правосознание всегда связано с правовыми чувствами, настроениями. Правовые эмоции пронизывают правовые взгляды, придают им более выразительный характер. В.И.Ленин писал, что "без человеческих эмоций", никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины".³⁰

Человек — общественное существо, и поэтому содержание его чувств расширяется и охватывает отношения, выходящие далеко за пределы его личной жизни. Это чувства, которые имеют социальное происхождение и зависят от жизненной позиции личности, активности ее, участия в жизни коллектива, общества, от сложившихся в коллективе межличностных отношений. Поэтому следует отметить, что наряду с индивидуальной правовой психологией (одним из элементов которого — правовые чувства) существует и общественная правовая психология как совокуп-

29 Потопейко Д.А. Правосознание как особое общественное явление, с.76. См. также — Назаренко Е.В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. Киев, 1968, с.34-35; Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности. (Вопросы теории и практики). Изд. Ленингр. ун-та, 1972, с.14-16

30 Ленин В.И. Полн. собр. соч. изд. 5-е, т.25, с.112

ность правовых чувств, настроений, мыслей, переживаний отдельных социальных групп или общества в целом.

Подобно тому, как чувственный и рациональный моменты являются ступенями единого процесса познания, так и правовая идеология и правовая психология представляют две стороны правосознания, находящиеся в диалектической взаимосвязи и взаимодействии. Ведущая роль в этом принадлежит правовой идеологии, которая воплощает марксистско-ленинское учение о праве и его социальной функции в жизни общества. Именно правовая идеология оказывает более существенное влияние на право, которое формируется в соответствии с правовыми идеями.

Но нельзя умалять и значение правовой психологии, которая отнюдь не иррациональна и безидейна. "Она обязательна, — отмечает проф. А.Р.Ратинов, — включает идеологические и иные правовоззренческие компоненты, но не в форме теорий, идей, взглядов, представлений, а в виде убеждений, верований, идеалов, установок, привычек, традиций, отношений и переживаний. В этом и состоит различие способов отражения правового бытия. Определяя основное содержание правовой психологии, идеология становится действенной или бездейственной именно благодаря ей".³¹

Исследователи по-разному подходят к раскрытию содержания правового сознания. Так И.Ф.Рябоко предлагает исследование проблемы структурности общественного социалистического правосознания вести в трех основных направлениях. Во-первых, он предлагает рассмотреть структуру правосознания с точки зрения качественного состояния частей, составляющих сферу правовых воззрений советского общества, их диалектического развития и взаимосвязей.

31 Ратинов А.Р. Структура и функции правового сознания. — В кн.: "Проблемы социологии права", вып. I, Ельняк, 1970, с. 183. Подобно рассуждает и Д.А.Потопейко (См. ее — Правосознание как особое общественное явление, с. 103)

Согласно этому И.Ф.Рябко выделяет три части общественного правосознания - "головную", "корпусную" и "хвостовую".³² Во-вторых, отмечает И.Ф.Рябко, структура правосознания должна быть исследована также и с точки зрения общего и конкретного.³³ Но что именно И.Ф.Рябко подразумевает под этим - невозможно выяснить. То ли он этим хочет подчеркнуть, что "правосознание в социалистическом обществе развивается в соответствии с общей закономерностью, свойственной отношениям общественного бытия и общественного сознания",³⁴ то ли такой подход подразумевает исследование общественного и индивидуального правосознания.

В нашем понимании исследование правосознания с точки зрения общего предполагало бы исследование сходных сторон правосознания с другими видами общественного сознания, а также связи между ними. Такое исследование нужно было бы дополнить исследованием с точки

³² Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс, с.80-81. Рябко И.Ф., выделяя три части общественного социалистического правосознания, верно оговаривается, что вообще-то нельзя поставить какие-либо даже условные перегородки между различными его "слоями". К образно названной "головной" части И.Ф.Рябко относит передовые взгляды и теории, стремления и интересы вырабатываемые идеологическими учреждениями, и взгляды, чувства, требования по поводу реформ в праве, которые исходят от прогрессивно мыслящих людей, коллективов общественности. К "корпусной" части относятся взгляды, понятия, убеждения и чувства большинства советских людей, воспитанных на практике правового и политического развития нашего общественного строя. И, наконец, к "хвостовой" части правосознания И.Ф.Рябко относит взгляды, представления и правовые эмоции небольшой части населения, отражающих отдельные, чуждые взгляды и пережитки прошлого. Представляется, что к этой части следовало бы отнести и взгляды, представления не просвещенных в праве индивидов

³³ Там же, с.81-84

³⁴ Там же, с.91

зрения единичного и особенного. А что касается исследования правового сознания с точки зрения конкретного, то оно должно быть сопряжено с исследованием с точки зрения абстрактного, поскольку материалистическая диалектика рассматривает абстрактное и конкретное как два момента в постижении сущности предмета. В.И. Ленин писал, что общее мертво, неполно, "но оно только и есть с т у п е н ь к познанию к о н к р е т н о г о, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. Бесконечная сумма общих понятий, законов etc. дает конкретное в его полноте".³⁵

В-третьих, И.Ф.Рябко предлагает исследовать структурность правового сознания с точки зрения взаимосвязи и взаимодействий правовой идеологии и правовой психологии.³⁶

Представляется, что более правильно раскрывает сложную структуру правового сознания А.Р.Ратинов. Он пишет, что "многоплановый разрез является условием изучения взаимосвязей различных продуктов духовного отражения правовой действительности и определения социальных функций правосознания в целом. Структура правового сознания предстает перед исследователем в виде множества сложных образований, различных между собой только в данной плоскости сечения и лишь в строго определенном отношении".³⁷

А.Р.Ратинов предлагает рассматривать правосознание, во-первых, с точки зрения предмета отражения. Тогда выделяются сферы правосознания, соответствующие отраслям права и различным видам правовых отношений, поскольку правосознание приобретает разное содержание в сфере гражданского, трудового, административного, уголовного, процессуального права.

35 Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 29, с. 252

36 См. подробнее Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс, с. 84-91

37 Ратинов А.Р. Структура и функции правового сознания, с. 180

Во-вторых, поскольку социальная действительность отражается в сознании людей в виде различных продуктов ее познания и в виде различных отношений к этой действительности, то в зависимости от способа отражения правовых явлений А.Р.Ратинов в структуре правосознания выделяет правовую идеологию и правовую психологию.

В-третьих, А.Р.Ратиновым предлагается изучение правового сознания с точки зрения глубины отражения правовых явлений. Такой подход обнаруживает обыденное правосознание и правосознание теоретическое.³⁸

Нами не ставилась цель дать полный обзор имеющейся научной литературы по проблеме правового сознания, а также предпринять полный анализ этого сложного социального явления. Мы остановились лишь на некоторых спорных вопросах, уточнение которых будет способствовать выяснению соотношения и взаимодействия правового сознания и общественного мнения.

В этой связи мы должны еще остановиться на проблеме соотношения индивидуального и общественного правосознания.

Прежде всего следует отметить: И.Е.Фарбером высказано соображение, что свойственное сознанию различие по формам (политическое, правовое, моральное и т.д.) не свойственно индивидуальному сознанию.³⁹ По его мнению "нельзя согласиться... будто существует так называемое индивидуальное правосознание".⁴⁰ Такая постановка вопроса подвергалась критике Г.С.Остроумовым. Правильно упрекая И.Е.Фарбера, Г.С.Остроумов, по нашему мнению, допускает неточность, когда утверждает, что правосоз-

38 Ратинов А.Р. Структура и функции правового сознания, с.180-185

39 Фарбер И.Е. Проблемы социалистического правосознания в свете решений XXII съезда КПСС. - "Советское государство и право", 1962, № 2, с.54; его же - О воспитательной функции общенародного права. - "Советское государство и право", 1963, № 7, с.43; его же - Правосознание как форма общественного сознания, с.46-47

вание как форма общественного сознания "есть совокупность, сумма индивидуальных сознаний, касающихся юридических явлений".⁴¹

Конечно, общественное правосознание не может существовать вне и изолировано от индивидуального правосознания. Оно развивается и функционирует через деятельность правосознания индивида. На это обратил внимание Ф. Энгельс, исследуя природу человеческого мышления. Он писал, что человеческое мышление "существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей."⁴² Но это не дает основания для характеристики общественного правосознания как простой суммы индивидуальных правосознаний.

Общность сознания людей создается в силу объективных социальных причин. Жизнь и деятельность в коллективе требует постоянного взаимодействия, общения, в процессе которых люди взаимно познают и взаимно влияют друг на друга. В процессе общения формируется общность взглядов и оценок общественных событий и поведения отдельных лиц.

Подобно тому, как общественное мнение не является простой суммой индивидуальных мнений, так общественное правосознание не есть среднее арифметическое индивидуальных правосознаний. Правосознание как вид общественного сознания имеет свои качественные особенности и свои внутренние закономерности развития. К этому по сути дела относятся слова К. Маркса, что "подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка

40 Гарбер И. В. Правосознание как форма общественного сознания, с. 69

41 Остроумов Г. С. Правосознание и общественное мнение в общенародном государстве. — "Советское государство и право", 1963, № II, с. 15. См. также критику подобных взглядов Рыко И. Ф. Правосознание и правовое воспитание масс, с. 82, 83; Потоцкий Д. А. Правосознание как особое общественное явление, с. 105-109; Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности, с. 150

42 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 87

пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции..."⁴³ Объясняя это явление К.Маркс отмечает, что "...уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц..."⁴⁴

Каждый индивид в отдельности ограничен конкретными условиями своей жизни и деятельности, ближайшей жизненной средой, и поэтому он не в состоянии охватить своим сознанием все общественное бытие. Это естественно накладывает некоторый отпечаток на отношение различных индивидов к правовым явлениям.

Общественное правосознание не может существовать помимо индивидуального правосознания. Оно, будучи продуктом духовного творчества Коммунистической партии как авангардной силы общества, продуктом творчества целых классов и государств, неизмеримо богаче индивидуального правосознания. Однако это различие общественного и индивидуального правосознания вовсе не свидетельствует об их противопоставлении. К.Маркс отмечал, что "индивидуальная и родовая жизнь человека не является чем-то различным, хотя по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо более особенным, либо более всеобщим проявлением родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более особенной,

43 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с.237

44 Там же

либо всеобщей индивидуальной жизнью." ⁴⁵

В этой связи можно отметить, что "в диалектическом плане соотношение общественного и индивидуального в правосознании решается как соотношение общего и единичного". ⁴⁶ Но в рамках этого соотношения могут быть различия, которые при определенных условиях перерастают в противоречия.

В обществе, разделенном на антагонистические классы, нет и не может быть единого правосознания. В таком обществе противоречие между индивидуальным правосознанием трудящихся масс и господствующим правосознанием выступает как одно из проявлений антагонизма между угнетенными и эксплуататорами. В антагонистическом обществе различия в правосознании индивидов, как правило, носят классовый характер.

В социалистическом обществе противоречия между общественным правосознанием и правосознанием индивида принципиально отличаются от противоречий, свойственных буржуазному обществу. В социалистическом обществе объективной основой возникновения противоречий выступает то, что интересы общества и индивида неравнозначны. Интересы индивида и общества совпадают лишь в главном, основном. Но возникающие противоречия не носят антагонистического характера. Подобные противоречия в основном связаны с некоторыми изъянами в правовом, нравственном развитии личности, в некотором отставании сознания индивида от общественного бытия, но ни в коем случае — с его классовым положением в обществе.

Теперь, когда в основном определено отношение к по-

45 Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, М., 1956, с. 590

46 Рябоко И. Ф. Правосознание и правовое воспитание масс, с. 83

47 См. в частности — Сафаров Р. А. Общественное мнение

натию и содержанию правосознания, можно рассмотреть соотношение правосознания и общественного мнения.

Следует отметить, что только в последнее время юристы стали заниматься проблемой взаимоотношения общественного мнения с правом и правовым сознанием.⁴⁷

Ранее, в основном, внимание исследователей привлекала проблема взаимоотношения правосознания с правом или правосознания и нравственного сознания. Это связано с тем, что сама проблема общественного мнения получила право гражданства в нашей литературе сравнительно недавно.

Во взаимосвязях права и общественного мнения по поводу правовых явлений правосознание выступает как опосредствующее звено.⁴⁸ Такая постановка вопроса в нашей литературе не вызывает возражений. В то же время нужно

ние и общенародное право. — "Советское государство и право", 1964, № 4; его же — Выявление общественного мнения в государственно-правовой практике. — "Советское государство и право", 1967, № 10; его же — Общественное мнение и государственное управление. М., "Юридическая литература", 1975; Остроумов Г.С. Правосознание и общественное мнение в общенародном государстве. — "Советское государство и право", 1963, № 11; его же — Правовое осознание действительности; Мишин А.А. Буржуазный парламент и общественное мнение. — "Вестник Московского университета". Серия XII, Право, 1966, № 1; Анашкин Г.З. Роль правосознания и общественного мнения при назначении наказаний. — "Советское государство и право", 1967, № 1 и др.

48 См. Сафаров Р.А. Общественное мнение и общенародное право. — "Советское государство и право", 1964, № 4, с. 84; Уледов А.К. Взаимодействие общественного мнения и права в условиях социализма. — Тезисы межкафедральному координационному совещанию по проблеме "Советская демократия и гарантии прав личности", МГУ, 1970, с. 24—26; О соотношении правового сознания и общественного мнения кроме указанных ранее работ Г.С. Остроумова смотри также Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс, с. 121—131; Стариков Г.В. Соотношение общественного мнения и правосознания в советском обществе. — Сборник аспирантских работ. Свердловский юридический институт. Вып. 9, Свердловск, 1969, с. 3—11; Г.В. Стариков кроме правосознания, промежуточными звеньями между общественным мнением и правом выделяет также политику и мораль (см. его — Роль

подчеркнуть, что общественное мнение всегда шире по своему содержанию, чем отдельно взятый вид общественного сознания. То, что иногда в общественном мнении на первый план выступает правосознание, не дает основания для его отождествления. В связи с этим следует возразить Р.А.Сафарову, который допускает отождествление правосознания с общественным мнением. Он пишет: "В тех случаях, когда то или иное правовое явление приобретает широкое общественное звучание, правовое сознание выступает в форме общественного мнения. Правовое сознание перерастает в общественное мнение и тогда, когда оно может быть удовлетворено лишь в форме общественного мнения, а другие формы в данном случае оказываются неприемлемыми. Стало быть, общественное мнение иногда служит одной из форм проявления правового сознания."⁴⁹ Нельзя также согласиться с И.Ф.Рябко, который полагает, что общественное мнение "является одной из основных внешних форм проявления общественного правового сознания",⁵⁰ и Г.С.Остроумовым, также считающим, что общественное мнение — одна из форм проявления общественного правосознания.⁵¹

Общественное мнение — широкое социальное явление. Как справедливо отметил А.К.Уледов, общественное мнение включает в себя наряду с правовыми взглядами и взгляды политические, нравственные, этические и др.⁵² Это та сторона общественного сознания, которая отражает про-

общественного мнения в правовой сфере. — Сборник аспирантских работ Свердловский юридический институт. Вып. 14, 1972, с. 142)

49 Сафаров Р.А. Общественное мнение и общенародное право. — "Советское государство и право", 1964, № 4, с. 84

50 Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс, с. 121. Вызывает возражение и отождествление общественного мнения с психическим состоянием людей. Очевидно И.Ф.Рябко, также как и А.Г.Ковалев, на которого он ссылается, относит общественное мнение к сфере общественной психологии. (с. 121-122). См., критику такой постановки вопроса Уледов А.К. Общественное мнение советского общества, М., Соцгиз, 1963, с. 49-50

изводственные отношения и общественное бытие и непосредственно воздействует на практическую деятельность людей. Общественное мнение отражает все явления, затрагивающие интересы общества и требующие практического решения. Оно представляет собой органический сплав социальных, идеологических элементов, отражает определенные факты действительности и выражается как коллективное суждение людей.

Правовое сознание и общественное мнение имеют ряд общих черт. Во-первых, эти черты касаются их природы как духовных явлений. Но это не дает основания для того, чтобы утверждать, что "общественное мнение, как и правосознание, является одной из форм общественного сознания", как это делает Б.И.Мелехин.⁵³ Общественное мнение гораздо шире чем отдельный вид общественного сознания. То, что общественное мнение не имеет своего специфического, отличного от других видов общественного сознания объекта отражения, не позволяет говорить о нем как об особом виде отражения, ибо оно отражает почти все стороны жизни общества. Но оба являются проявлениями общественного сознания — общественное мнение как состояние, а правосознание как вид общественного сознания.

На сходство общественного мнения и правосознания как проявлений общественного сознания указывает и то, что в их структуру с необходимостью входят три исход-

51 Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности, с.106,131

52 См.Уледов А.К. Общественное мнение советского общества, с.310-311

53 Мелехин Б.И. Воздействие мирового общественного мнения на современное международное право. — "Советское государство и право", 1964, № 2, с.76

ных элемента - рациональные, волевые и эмоциональные моменты.⁵⁴ Все эти элементы участвуют в процессе формирования и функционирования общественного мнения и правосознания.

Во-вторых, общие черты общественного мнения и правосознания касаются процесса образования. Они оба, как и любое духовное образование, есть отражение общественного бытия; они вторичны, производны. При этом следует иметь в виду, что формированию всегда предшествуют факты общественной жизни и представления о них. Поэтому, как общественное мнение так и общественное правосознание, формируются уже на основе определенных представлений, взглядов, установок и т.п.

На тесную связь общественного мнения и правосознания еще в прошлом веке указывал немецкий правовед Ф. Гольцендорф. Он образно писал, что "правовое сознание народа и народное мнение суть ткани, отдельные духовные нити которых можно различить только разорвав их, но которые тем не менее отличны одна от другой."⁵⁵ Действительно, специфика общественного мнения обнаруживается только при анализе обоих духовных явлений и проявляется в том, что общественное мнение по поводу правовых явлений складывается на основе уже имеющихся у людей правовых представлений и взглядов. Это верно подметил Р.А. Сафаров - "единство правового сознания и общественного мнения в их основе обуславливается тем, что правовое сознание выступает в качестве своеобразного ядра общественного мнения в

54 См. Уледов А.К. Общественное мнение советского общества, с.36-37; Потопейко Д.А. Правосознание как особое общественное явление, с.81; Игошев К.Е. О содержании и структуре психологии социалистического правосознания. - В сб.: "Труды высшей школы". Вып. 31, М., 1971, с.91

55 Гольцендорф Ф. Роль общественного мнения в государственной жизни. С.-Петербург, 1881, с.59

той его части, которая охватывает сферу правовых явлений."56

Общественное мнение формируется, кристаллизуется в процессе обмена, борьбы индивидуальных и коллективных мнений под влиянием объективных и субъективных факторов. Нечто подобное происходит и с формированием правосознания. В процессе повседневной практики, участия в производственной, общественной и культурной жизни у людей вырабатываются определенные суждения по различным вопросам, вырабатываются знания и оценка действующих правовых явлений, рождаются требования новых правовых установлений. К тому же, в силу относительной самостоятельности общественного мнения и правосознания, устаревшие суждения, знания, оценки продолжают существовать длительное время. Но в развитом социалистическом обществе все больше возрастает роль субъективного фактора в формировании общественного мнения и правосознания. Ведущая роль в этом процессе принадлежит Коммунистической партии, которая одновременно воздействует на политическое и правовое сознание народных масс при помощи экономических, политических, идеологических и организационных мер. В Программе КПСС отмечено, что "партия ставит задачей воспитания всего населения в духе научного коммунизма, добиваясь, чтобы трудящиеся глубоко понимали ход и перспективы мирового развития, правильно разбирались в событиях внутри страны и на международной арене, сознательно строили жизнь по коммунистически."⁵⁷ В отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза также отмечалось, что "партия считает своей

56 Сафаров Р.А. Общественное мнение и общественное право.—"Советское государство и право", 1964, № 4, с. 85

57 Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1971, с.118

постоянной заботой воспитание коммунистической сознательности, готовности, воли и умения строить коммунизм".⁵⁸

Выполняя эти задачи, КПСС формирует умонастроения масс в духе марксистско-ленинской идеологии, направляет развитие общественного мнения и правосознания. "Марксизм-ленинизм, — подчеркнул Л.И.Брежнев, — это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики."⁵⁹ Благодаря этому происходит резкое изменение соотношения стихийного и сознательного элементов в общественном мнении, психологической и идеологической частей правосознания. Как в общественном мнении так и в правосознании все полнее проявляется осознанный, научно обоснованный подход к действительности и ее оценке.

В-третьих, общие черты общественного мнения и правосознания касаются их классового характера. Правосознание возникает только в классовом обществе вместе с возникновением государства и права. Оно всегда имеет классовый характер. Общественное мнение существовало еще до разделения общества на антагонистические классы. Но с разделением общества общественное мнение также приобрело классовый характер — каждый класс имеет свое мнение, порожденное условиями общественного бытия и отвечающее его классовым интересам. Свой классовый в основе характер общественное мнение и правосознание не теряют и в условиях социалистического общества, также как государство остается классовым до тех пор, пока "коммунизм покончит с делением общества на классы и социальные слои".⁶⁰

58 Материалы XXV съезда КПСС. М., Изд. политической литературы, 1976, с.71

59 Материалы XXV съезда КПСС. М., Изд. политической литературы, 1976, с.72

60 Программа Коммунистической партии Советского Союза, с.63

и вместе с тем исчезнет всякая государственная власть.

Вместе с общими чертами общественное мнение и правосознание имеют различия, которые, в основном, касаются их содержания и способа осуществления.

Если правосознание как совокупность правовых взглядов, представлений и чувств, выражающих отношение к действующему праву, его требованиям, обязанностям и правам гражданина, как требование о принятии новых или изменении старых правовых норм⁶¹ существует постоянно, то общественное мнение по поводу правовых явлений возникает лишь тогда, когда те или иные правовые явления, факты привлекают внимание общественности. Но, как уже отмечалось, общественное мнение в таком случае будет опираться на правосознание.

В условиях социализма общественное мнение выступает как относительно самостоятельный фактор регулирования общественных отношений. Это потому, что субъектом общественного мнения выступает весь советский народ. Именно в суверенности народа и заключается сила общественного мнения. Поэтому В.И. Ленин указывал, что "для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся"⁶².

61 Представляется, что правы те авторы, которые связывают существование правосознания не только с действующим правом (так в частности поступает В.П. Морозов. См. его - Правовые взгляды и учреждения при социализме. М., Изд. Моск. ун-та, 1967, с. 57), но включают в правосознание также и новые правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития. (см., напр., Сырцев В.А. Социалистическое правосознание в СССР. М., 1958, с. 11; Сербер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания, с. 204; Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973, с. 104

62 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 53.

Обладая нравственным и политическим авторитетом, общественное мнение в условиях развитого социалистического общества способно влиять на всю многогранную деятельность людей. Это свидетельствует о повышении роли общественного мнения как фактора социального управления. Как отмечает А.И.Пригожин, эта сторона функционирования общественного мнения проявляется, например, в воздействии его на различные социальные институты, в той роли, которую оно играет в принятии решений в сфере управления общественными делами. Выражая социальные нормы, ценности, представления, общественное мнение оказывает значительное воздействие на сознание и поведение людей уже не институциональным (неформальным) образом; кроме того, общественное мнение создает определенную социально-психологическую атмосферу, фон, либо влияющие благоприятно, либо тормозящие осуществление отдельных мероприятий.⁶³

Но в то же время "общественное мнение не может рассматриваться как универсальный регулятор общественных отношений."⁶⁴ Кроме общественного мнения на общественные отношения влияет и ряд других факторов и прежде всего социальные нормы поведения людей.⁶⁵ Общественное

63 Пригожин А.И. Методологические проблемы исследования общественного мнения. - "Вопросы философии", 1969, № 2, с.64

64 Сафаров Р.А. Общественное мнение и общенародное право. - "Советское государство и право", 1964, № 4, с. 88 (подчеркнуто нами - А.Э.)

65 См. подробнее - Айзенберг А.М. Правила социалистического общества, их роль в советском обществе. - В кн.: ВКЗИ, Труды, том XII, Современные проблемы теории государства и права и истории политических учений. М., 1969. А.М.Айзенберг, в частности, отмечает, что "как правило, новые неправовые нормы (кроме норм общественных организаций, среди которых многие излагаются в тех или иных документах этих организаций) вырабатываются общественным мнением..." (с.164). Представляется, что под влиянием общественного мнения могут вырабатываться не только неправовые нормы, но и правовые и нормы общественных организаций, о чем сам А.М.Айзенберг далее и пишет. (см.с.164-169, 175)

мнение часто служит источником социальных норм, часто перерастает в них. В литературе правильно отмечается, что роль общественного мнения в нормативном регулировании общественных отношений проявляется в трех аспектах. Во-первых, оно влияет на социальные нормы в направлении регулирования общественных отношений строго определенным образом, в определенном направлении - в интересах коммунистического строительства. Оно сохраняет социальные нормы от нарушений, содействуя тем самым их реализации. Во-вторых, общественное мнение влияет на отношение органов, коллективов и граждан к социальным нормам, добиваясь правильного понимания и точного выполнения всех их требований. И, в-третьих, воздействуя на общественное и индивидуальное сознание, общественное мнение тем самым определяет поведение всего общества и каждого его члена в общественной, политической, нравственной и правовой сферах.⁶⁶

Правосознание также является регулятором общественных отношений. Оно выступает как часть механизма правового регулирования.⁶⁷ В этой связи следует возразить Л.С.Явичу, полагающему, что "регулятором общественных отношений, "масштабом", "мерой" поведения являются юридические нормы, содержащиеся в законодательстве, а не правосознание...⁶⁸ Хотя регулирующая роль правосознания по сфере своего действия уже, чем у общественного мнения, все же оно посредством идеологического и психологического воздействия может быть непосредственным регулятором

66 См. подробнее - Сафаров Р.А. Общественное мнение и общенародное право. - "Советское государство и право" 1964, № 4, с.89

67 Мы полностью согласны в этом с С.С.Алексеевым и Е.А.Лукашевой. (См.Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве.М., "Юридическая литература", 1966, с.172-182; его же - Проблемы теории права. т.1, Свердловск, 1972, с.176-178; Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность, с.9-22, 91-96)

68 Явич Л.С. Право и общественные отношения. М., "Юридическая литература", 1971, с.32

поведения человека. В условиях развитого социалистического общества, когда все больше повышается сознательность и духовная зрелость советских людей, все отчетливее прослеживается тенденция возрастания регулирующей роли социалистического правосознания.

Общественное мнение, как уже отмечалось, не имеет своего особого специфического предмета отражения, что никак нельзя сказать о правосознании. У правосознания как вида общественного сознания, в котором осознается потребность в целесообразном в данных исторических условиях правовом урегулировании, предметом отражения выступает как содержание действующего права и основанных на праве правоотношений, так и содержание общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, т.е. новые правовые требования о принятии или изменении старых законов.⁶⁹

Подчеркивая, что общественное мнение не имеет своего специфического предмета отражения, мы должны отметить, что предметом отражения у общественного мнения могут выступать не только правовые явления, но и такие явления, которые служат специфическими предметами отражения других видов общественного сознания. Стало быть предмет отражения у общественного мнения гораздо шире, чем у правосознания.⁷⁰ Поэтому, естественно, социальные функции, реализуемые в жизни общества более широки, многогранны у общественного мнения. Утверждение, что у правосознания нет особых функций в сравнении с другими сторонами правовой надстройки, как это делает А.К.Уледов,⁷¹

69 В этой связи следует подчеркнуть, что объективная необходимость определенной правовой регламентации тех или иных общественных отношений, как совершенно верно подметил В.М.Чхиквадзе, проявляется в правосознании "как должное, как реакция на развитие материальных условий существования". Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М., 1967, с. 344

70 Проф. А.К.Уледов в частности отмечает, что общественное мнение отражает те же явления действительности, что и политическое сознание, нравственное и другие

вряд ли уместно. Представляется, что правосознание осуществляет свои функции в социальной жизни общества вступает во взаимодействие с общественным мнением.

Хотя функции общественного сознания как в целом, так и правосознания и общественного мнения в отдельности, в советской философской и правовой литературе исследованы еще недостаточно, все же в ряде работ предпринята успешная попытка вычленения и анализа функций этих специфичных проявлений общественного сознания. Так, Д.А.Потопейко, исследуя правовое сознание, отмечает, что правосознание как и другие виды общественного сознания выполняет две функции — социальную функцию познания общественного бытия, т.е. функцию познавательную (гносеологическую) и практическую функцию, оказывая обратное воздействие на общественное бытие.⁷² Е.А.Лукашева выделяет четыре функции: 1) гносеологическую (познание социальной-экономических процессов под углом зрения их правового опосредствования); 2) прогностическую (научная оценка и предвидение тенденции развития общественных отношений); 3) правового моделирования (формирование определенных моделей, правил поведения,

виды сознания... Общественное мнение отражает все или почти все стороны жизни общества. (См. Уледов А.К. Общественное мнение советского общества, с.36)

71 См. Уледов А.К. Структура общественного сознания, с.107

72 См. Потопейко Д.А. Правосознание как особое общественное явление, с.45

ценностей, которые оцениваются как должные, социально-необходимые для успешного развития социалистических общественных отношений); 4) регулятивную (соотнесение поведения людей с действующей в обществе системой правовых норм и ценностей).⁷³ В.А.Шегорцев полагает,⁷⁴ что функциями правосознания являются: когнитивная, идеологическая, нормативно-прогностическая, правового моделирования, регулятивная.⁷⁵

Мы полностью разделяем мнение Е.А.Лукашевой и В.А.Шегорцева о наличии у социалистического правосознания таких функций как познавательной, прогностической, правового моделирования, регулятивной и идеологической. Но регулятивную функцию, по нашему мнению, правильнее было бы назвать регулятивно-воспитательной. Хотя воспитательное воздействие пронизывает все функции социалистического правосознания, все же в регулятивной функции это выделяется прежде всего. Можно утверждать, что эта функция проявляется двойко - регулируя воспитывает и воспитывая регулирует поведение людей. Кроме указанных функций следует также выделить оценочную функцию социалистического правосознания, поскольку в правосознании всегда выражается оценочное отношение к тем или иным правовым явлениям.⁷⁶ Естественно, что выделение указанных

73 См. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. с.105

74 Т.е. познавательная, гносеологическая

75 Шегорцев В.А. Правосознание как объект социологического исследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1976, с.9

76 Об оценочной деятельности правосознания см. Сабо Имре, Основы теории права. М., 1974, с.213-218. Р.А.Сафаров также пишет, что "вряд ли можно говорить о правосознании вне системы юридических оценок". (См. его - Общественное мнение и государственное управление, с.31)

функций правосознания чисто условное. Говорить о том, что правосознание временами выполняет, скажем, только прогностическую функцию или функцию правового моделирования, было бы неправильно, ибо все функции правосознания находятся в тесном взаимодействии.

В теории общественного мнения функции последнего различают в зависимости от: 1) характера взаимодействия мнений тех или иных социальных институтов или отдельных лиц, в первую очередь, характера влияния, воздействия первого на вторых; 2) содержания высказываемого мнения; 3) его формы.⁷⁷

Согласно первому основанию вычленяются такие функции: экспрессивная (в более узком смысле контрольная), консультативная и директивная. В зависимости от содержания суждений выделяются оценочная, аналитическая, конструктивная и регулятивная функции, а в зависимости от формы высказывания — позитивная и негативная.⁷⁸

Все эти функции общественного мнения осуществляются не в разобранном, а в довольно переплетенном виде, и в случае оценки правовых явлений находятся в теснейшей связи с функциями правосознания.

Осуществляя экспрессивную функцию, общественное мнение занимает определенную позицию к тем или иным фактам, событиям социальной жизни, в том числе и по отношению к действиям государства в лице его различных институтов. Осуществляя эту функцию, общественное мнение опирается на правосознание (когда оно связано с правовыми явлениями). Здесь экспрессивная функция общественного мнения тесно связана прежде всего с познавательной (гносеологической) и оценочной функциями социалистического правосознания.

77 См. Грушин Б. А. Мнение о мире и мир мнений. М., Политиздат, 1967, с. 87

78 Там же, а. 87-96

Смысл консультативной функции общественного мнения заключается в том, что общественное мнение дает совет относительно способов разрешения тех или иных социальных проблем. Когда консультативная функция касается правовых вопросов, она вступает в тесную связь как с познавательной (гносеологической), так и с функциями оценочной, прогностической и правового моделирования социалистического правосознания. То же самое относится и к директивной функции общественного мнения, только здесь во взаимодействие вступает также и регулятивно-воспитательная функция социалистического правосознания.

Рассматривая функции общественного мнения в зависимости от содержания суждения или в зависимости от формы высказывания, мы также находим, что общественное мнение, связанное с правовыми явлениями при осуществлении этих функций, непосредственно опирается на правосознание. Во всех случаях взаимодействия функций общественного мнения и социалистического правосознания, одну из главенствующих ролей играет идеологическая функция правосознания.

Следует еще отметить, что, выполняя оценочную функцию, общественное мнение пользуется гораздо большим количеством оценочных категорий, чем правосознание, осуществляя аналогичную функцию. Выражая отношение к тем или иным явлениям правовой жизни, общественное мнение наряду с основными оценочными категориями правосознания (права и обязанности, законность) одновременно может пользоваться и оценочными категориями политического, нравственного сознания.

Подводя итог сказанному, отметим тесное диалектическое взаимодействие социалистического правосознания и общественного мнения. Общественное мнение, формируясь

по правовым вопросам, неизменно опирается на правовое сознание. В то же время общественное мнение активно создает необходимую духовную атмосферу, наиболее благоприятно влияющую на правильное, отвечающее общественным потребностям, формирование социалистического правового сознания. В свою очередь, социалистическое правосознание является залогом тому, что общественное мнение о правовых явлениях будет отвечать требованиям законности и правопорядка и будет способствовать их поддержанию.

ПОТРЕБНОСТЬ КАК ОСНОВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Категория "потребность" имеет большое научное и практическое значение и, находясь на стыке ряда общественных наук, привлекает внимание исследователей различных общественных дисциплин. Проблема потребности является предметом анализа в психологии, политической экономике, социологии, социальной психологии, а в последние годы — также в праве.

Еще многие мыслители домарковского периода стремились раскрыть сущность человеческих потребностей, найти их основные закономерности. Кант понимал потребность, как особую форму необходимости, как своего рода "вещь в себе". Человек побуждается к действию категорическим императивом, который требует полного разрыва долга и личных потребностей. Такие действия, в которых мотивами побуждения становится удовлетворение материальных потребностей, Кант назвал аморальными. У него потребности человека не связаны с деятельностью. Буржуазная действительность с ее антагонизмами не создавала условий для совпадения потребностей человека и требований категорического императива.

Гегель в понимании человеческих потребностей, по определению В.И. Ленина, подошел к историческому материализму. "Ближайшее рассмотрение истории, — писал Гегель в "Лекциях по философии истории", — убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характера и способностей и притом таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы и лишь они играют главную роль".¹

Гегель впервые ввел различие между индивидуальными и общественными потребностями. Потребности общества, по Гегелю, это стремления мирового духа. Он раскрыл противоречивость потребности как единства общего принципа абсолютного духа и индивидуального стремления субъекта. Таким образом, Гегель правильно увидел в потребностях источник активности людей, тесную связь потребностей и интересов, однако основу потребностей он как идеалист рассматривал в развитии абсолютного духа.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали методологическое значение человеческих потребностей, особенности их социально-исторического возникновения, их роль в деятельности масс и индивидов. Основу потребностей марксизм-ленинизм видит в производительных силах, общественном производстве. Глубокий анализ соотношения потребностей с производством и потреблением дает К.Маркс в наброске "Введение. (Из экономических рукописей 1857-1858 годов)". Потребности человека, по Марксу, порождаются производством. Оно является непосредственно потреблением как индивидуальных физических и духовных сил, так и средств производства, которые изнашиваются, и сырья, которое модифицируется. В то же время и потребление есть непосредственно производство, так как в нем воспроизводится сам производитель. Потребление опосредуется потребностью в предмете.

Диалектику процесса "производство-потребление" К.Маркс рассматривает применительно к материальному производству, однако закономерности определения в нем места потребностей применимы также для характеристики духовных потребностей. Ведь "семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т.д. суть лишь особые виды

производства и подчиняются его всеобщему закону".²

В обществе без производства потребление невозможно так же, как без потребления нет производства. Потребление, отмечает К.Маркс, создает производство в двояком отношении: 1) только в потреблении продукт становится действительно продуктом, а предмет получает практическую полезность для человека; 2) потребление порождает потребность в новом производстве, побуждение к нему. Если производство предоставляет потреблению предмет во внешней форме, то потребление полагает его идеально как потребность. Потребление создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства, но именно потребление воспроизводит потребность.³

В марксистском понимании потребность не является исходным моментом общественного прогресса, а его главной основой становится производство, оно создает потребление, побуждение к потреблению и способность потребления как потребность. "Здесь нужно подчеркнуть лишь самое важное, — писал К.Маркс, — что если рассматривать производство и потребление как деятельность одного субъекта или отдельных индивидуумов, они во всяком случае выступают как моменты процесса, в котором производство есть действительно исходный пункт, а поэтому также и господствующий момент. Потребление как необходимость, как потребность, само есть внутренний момент производительной деятельности, однако последняя есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент — акт, к которому снова сводится весь процесс".⁴

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.42, с.117

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.12, с.716-718

4 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.12, с.720

Таким образом, анализ процесса "производство - потребность - потребление" показывает, что производство и потребности определяют друг друга. Производство порождает потребности, а потребности вызывают развитие производства.

Вопросу потребностей уделяли большое значение В.И. Ленин в связи с решением практических задач пролетарского государства. Он сформулировал общесоциологический закон возвышения потребностей. Сущность его заключается в том, что общественное по своему характеру производство, его постоянное совершенствование вызывает количественный и качественный рост потребностей, увеличение относительной доли духовных потребностей и изменение способов удовлетворения их. В условиях капитализма закон возвышения потребностей наталкивается на противодействие частнособственнической формы присвоения и распределения материальных и духовных благ.

Только социализм практически решает задачу удовлетворения потребностей всех трудящихся. Она обусловлена объективной необходимостью всестороннего свободного развития каждого члена социалистического общества. Утвержденные XXV съездом КПСС "Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы" как одну из задач десятой пятилетки предусматривают "обеспечить более полное удовлетворение возраставших материальных и духовных потребностей народа".⁵

В литературе широко распространены две точки зрения на потребность:

- 1) потребность - это нужда или необходимость человека в чем-либо (А.В. Веденов, Д.А. Кикидзе, А.Г. Ковалев и др.);
- 2) потребность - это отражение нужды в сознании человека

⁵ "Материалы XXV съезда КПСС", М., Политиздат, 1976, с.215

(Г.А.Фортунатов, А.В.Петровский, А.В.Запорожец и др.).

Оса определения недостаточно четки для выявления специфики потребности. В первом случае нельзя сказать, что "потребность" и "нужда" однопорядковые категории. Нужда - более широкое явление, чем потребность. Во втором случае неточность определения потребности как отражения в сознании нужды заключается в том, что человек может иметь потребности, не осознавая их. В случаях болезни, страха, например, он не осознает потребность в тех или иных предметах или действиях, хотя безусловно нуждается в них. Наоборот, человек может сознавать потребность в чем-либо (наркотики, алкоголь), но это ему совсем не нужно и даже вредно для здоровья.

На наш взгляд, существенный вклад в разработку научных аспектов категории "потребность" внесли ученые Ш.Н.Чхартишвили и А.Н.Леонтьев. Ш.Н.Чхартишвили различает два понятия: потребность и идею потребности. "Потребность, - пишет он, - это динамическое состояние данного момента конкретной личности, реальный процесс ее жизни. Идея же потребности есть знание, отражающее потребность вообще, вне указания на какой-либо конкретный индивид. Поэтому она доступна не только тому, кто фактически имеет эту потребность, но и тому, кто никогда не переживал ее непосредственно"⁶

Такой подход помогает понять потребность как явление общественных связей, которое присуще не только настоящему моменту.

Потребность получает свою определенность в предмете деятельности, что является одной из важнейших ее характеристик. Потребность всегда направлена на определенный предмет или активность, она всегда актуализируется как потребность в чем-либо и соответственно этому ее

6 Ш.Н.Чхартишвили. Место потребности и воли в психологии личности. - "Вопросы психологии", 1958, № 2, с. 120

предмет существует до того, как потребность в нем появилась. Потребностей неопределенных, беспредметных не бывает. Потребность и ее предмет составляют диалектическое единство.

В процессе удовлетворения потребностей внутреннее регулирование деятельности осуществляет поиск, направленный на предмет как мотив. В поисковом поведении особую большую роль принадлежит удовлетворению первой потребности, потому что оно создает в психике своеобразный механизм импринтинга, т.е. запечатления. Импринтинг состоит в том, что потребность, будучи первоначально до ее первого утоления не связана с конкретным объектом, после своего удовлетворения фиксируется как жесткое поведение, направленное на определенный предмет. Видимо, импринтингом можно в значительной степени объяснить становление потребности в труде, потребности соблюдать закон, потребности нравственного поведения. В формировании личности важны именно первые шаги ребенка и подростка, первые впечатления от поведения членов семьи и близких. На это обратил внимание И.П.Павлов, когда писал, что "все прошлое вовсе не уничтожается новыми впечатлениями, а новые раздражения складываются, суммируются с прошлым, образуя настоящее".⁷

По данным многочисленных криминологических исследований установлено, что большое число несовершеннолетних правонарушителей выходит из семей, члены которых имеют низкий образовательный уровень, привлекались к судебной или административной ответственности, злоупотребляют алкоголем. Так, исследования, проведенные в городе Горно-Алтайске, показали, что у 58% несовершеннолетних правонарушителей родители имели начальное образование, а среди несовершеннолетних преступников - с начальным

7 "Павловские среды", т.2, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, с.496

образованием 66% родителей. 70% подростков, совершивших правонарушения, росли в семьях, где царили нездоровые отношения, пьянство.⁸

Конечно, было бы неправильным утверждать, что все дети, выросшие в семьях с плохим или недостаточным воспитанием, станут правонарушителями. Между обстановкой в семье и правонарушениями нет прямой корреляции. С возрастом на импринтинг личности увеличивается влияние среды вне семьи и целого ряда факторов, противодействующих первоначальным впечатлениям. Наряду с семьей на сознание подростка действуют: воспитание в школе, работа в пионерской и комсомольской организациях, взаимоотношения в малых социальных группах (коллектив класса, спортивная команда, группа подростков по месту жительства), подражание героям художественной литературы, фильмов, спектаклей и т.д. Тем не менее первый опыт удовлетворения потребностей играет существенное значение в формировании правосознания личности.

По мнению А.Н.Леонтьева, потребностям присущи две функции, одна из них заключается в бытии предпосылки деятельности, а вторая — в ее направлении и регулировании. Потребность как предпосылка деятельности является состоянием нужды организма, которое не способно вызвать деятельность. Потребность направляет и регулирует деятельность, предполагая конкретный предмет. "Лишь в результате "встречи" потребности с отвечающим ей предметом она впервые становится способной направлять и регулировать деятельность".⁹

8 См. Друкаров И.И. Влияние неправильного воспитания в семье на формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя.—В кн.: "Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних"; ч.1, М., 1970, с.с.52-53

9 Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в психологии.— "Вопросы философии", 1972, № 9, с.99

Какие потребности действуют в сфере правовых отношений, как они влияют на формирование и функционирование правосознания личности? Прежде всего надо отметить, что ученые, изучающие категорию потребности, не выделяют специфические потребности, которые действуют в сфере права. Так, Н.Н. Михайлов в своей классификации духовных потребностей, которых он насчитывает семь основных групп, лишь указывает, что существует морально-этические потребности, такие, как потребность нравственного поведения и развития, согласования индивидуального поведения с 10 этическими нормами, принятыми в обществе и коллективе. Он вообще не упоминает о потребностях, действующих в правовой сфере.

Одной из важнейших социальных задач КПСС и общенародного государства является воспитание потребности соблюдать советский закон.

Потребность соблюдать закон имеет при социализме различные иерархические уровни: всего общества, социально-групповой и личностный. Эти потребности взаимосвязаны между собой как общее, особенное и единичное; их реальное содержание определяется экономическими отношениями общества.

Потребность соблюдать закон на уровне всего общества выражает степень осознания ее как социальной ценности. В ней переплетаются различные требования индивидов, коллективов, групп, классов, однако на уровне всего общества потребность соблюдать закон получает новое качественное содержание, которое определяется целями и задачами строительства коммунистического общества. Эта потребность формирует общественное правосознание.

10 Михайлов Н.Н. Потребность как социологическая категория. Челябинск, Изд-во Челябинского пединститута, 1974, с.25-26

Социально-групповая потребность соблюдать закон обусловлена при социализме наличием двух дружественных классов — рабочего класса и колхозного крестьянства, а также интеллигенции как социального слоя. В процессе сближения классов, в преодолении существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом снимаются противоречия в потребностях соблюдать закон, исходящих от различных социально-групповых образований. Их единству служит марксистско-ленинская идеология, которой руководствуются рабочие, колхозники и интеллигенция. В строительстве бесклассового общества социалистическое законодательство призвано играть существенную роль, а социально-групповая потребность соблюдать это законодательство намного повышает его эффективность.

Так как общая социальная потребность соблюдать закон не порождает такую же потребность на личностном уровне, люди по-разному реагируют на требования закона. Если личность не осознала общественную потребность, она не будет придерживаться предписаний законодателя.

Потребность соблюдать закон на личностном уровне характеризуется следующими моментами:

- а) она включена в общую систему потребностей личности как нераздельная составная часть, более того, она представляет часть общей культуры личности;
- б) она образует основу механизма социально-психологической регуляции поведения;
- в) в правосознании личности потребность соблюдать закон соприкасается со значением права;
- г) в потребности соблюдать закон определяется смысл правовой надстройки для той или иной личности. Она в основном детерминирована уровнем культуры, воспитанием, образованием и особенностями жизнедеятельности человека.

"Размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, — писал К. Маркс, — сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны... II В.И. Ленин, Коммунистическая партия после Великой Октябрьской социалистической революции много внимания уделяли повышению культурного уровня рабочих и крестьян. Претворение в жизнь революционных декретов и нового законодательства было под силу только трудящимся массам, вооруженным культурным наследием прошлого, закономерностями общественного развития и выработавшим новые принципы социалистической культуры.

Необходимым условием удовлетворения потребности соблюдать закон является наличие реальной возможности для этого. Всей потребности присущ внутренний динамизм, т.е. она возникает, актуализируется и с удовлетворением угасает. Как правило, внутренний динамизм потребности не изменяет ее качественной обусловленности, и временная задержка ее удовлетворения не порождает другую потребность.

Потребность соблюдать закон на уровне всего общества выражает степень ее осознания как социальной ценности. В ней переплетаются практические правовые требования граждан, коллективов, групп, классов. Однако на уровне всего общества потребность соблюдать закон получает новое качественное содержание, которое определяется целями и задачами строительства коммунизма. Потребность соблюдения закона в условиях развитого социализма формирует общественное правосознание, которое представляет собой систему идей, принципов, понятий, требований и чувств об общенародном праве и должном поведении.

Появление общей правовой потребности при социализме является закономерным итогом социального, политического

и культурного развития на этой страны. Данная потребность возникла только на этапе общенародного государства и права, когда сложилось идейно-политическое единство советского народа и потеряли существенное значение классовые различия.

Генезис правовой потребности, как правило, проходит в условиях действия общих закономерностей развитого социализма. КПСС и Советское государство в целях сознательной выработки индивидуальной правовой потребности применяет ряд специфических средств и методов. К ним относятся: повседневное привлечение организаций, трудовых коллективов, граждан и правотворческой и правоохранительной деятельности, правовое воспитание населения, реальная возможность пользования правовыми средствами для удовлетворения потребностей, защиты личных прав и свобод.

В СССР сложилась практика широкого обсуждения законопроектов всем населением. Такое непосредственное участие миллионов трудящихся в правотворческом процессе является начальным моментом в формировании индивидуальной потребности соблюдения советского закона.

Основной функциональной характеристикой индивидуальной потребности соблюдать закон служит ее предмет. Последний нельзя представлять как изначально данное; в обществе соответствующие предметы потребностей создаются самим человеком. Таким предметом в правовой потребности, на наш взгляд, является реальная возможность правового решения вопроса. Эта возможность создается законодателем путем установления соответствующих правил поведения. Объективно она формируется независимо от индивидуального правосознания как явление общественного сознания. Возможность юридического решения как предмет потребности находится вне акта регулирования поведения до тех пор, пока она не осознана личностью именно как предмет,

средство, с помощью которого возможно удовлетворение возникшей потребности.

Важным моментом в формировании правосознания является воздействие существующей системы права и вообще социальных норм на удовлетворение потребностей. Разнообразные потребности личности, являясь "двигателем, источником активности",¹² в то же время ни в коем случае не определяют способ совершения конкретного действия. На удовлетворение одной и той же потребности у различных людей действуют всевозможные факторы и силы: интенсивность ее осознания, наличие возможностей и средств, в том числе правомерных и неправомерных, временные рамки, культура и эстетика поведенческого акта и др. Правомерный или неправомерный путь удовлетворения личности потребности является, таким образом, тем водоразделом, который разграничивает человеческие поступки на законные и незаконные. Критерием разграничения этих двух противоположных путей удовлетворения потребности служит система действующего права, а не индивидуальное правосознание, поскольку личность может не только не знать соответствующих правовых предписаний, но и ее правосознание может иметь определенные дефекты, антиобщественные тенденции.

Право в развитом социалистическом обществе, как известно, представляет собой продукт сознательной деятельности совокупного субъекта. Оно как нормативно-классовый регулятор общественных отношений закрепляет один, изменяет другие и запрещает третья, определяя должное и возможное поведение личности, отвечающее потребностям данной ступени развития общества. Воздействии права

¹² Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., "Наука", 1966, с.366

на сознание происходит в неразрывной связи с государством, обеспечивающим возможность принуждения.

В процессе воздействия права на личность происходит его познание и отражение, которое связано со всей практической деятельностью. Сознание личности осуществляет не фотографическое отражение, а в нем каждый предмет или явление приобретает значение и личностный смысл. Если право как значение есть отражение объективных, существенных его сторон, то право в личностном смысле выражает именно отношение к нему данной конкретной личности.

В сознании личности не каждая правовая норма приобретает личностный смысл. Поведению придает личностный смысл мотивы. Личностный смысл действия или поведения может не совпадать с объективно значимым действием, однако это не значит, что такое несоответствие уже порождает противоправное поведение. Например, гражданин не усматривает личностный смысл в законе, дающем ему право в судебном порядке истребовать свое имущество и не принимает никаких действий. Неподача гражданином искового заявления не является нарушением закона, хотя она не совпадает с законной возможностью правовыми средствами получить имущество, которая присуща закону в объективном значении. Не принимая никаких мер к защите своих имущественных прав, гражданин тем не менее удовлетворил свою потребность, рассматривая закон в значении личностного смысла.

Социалистическое право обеспечивает личности удовлетворение ее разносторонних потребностей, повседневно вовлекает граждан в управление делами государства, в работу общественных организаций. Закон или другой нормативный акт сам по себе не служит гарантией его исполнения, он автоматически не порождает потребность соблюдения и

претворения преписаний государства в жизнь. Чтобы законодательные акты неуклонно и точно соблюдались, трудящиеся должны их осознать и одобрить. Только в таком случае ценности законодателя станут ценностями в личностном смысле. Именно на это направлена идеологическая деятельность КПСС по формированию социалистического правосознания.

**РАЗЛИЧИЕ ИДЕОЛОГИИ И НЕКОТОРЫЕ
ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПРАВЕ**

Как известно, осуществление Советским Союзом в последние годы линии на постепенное изменение всей системы международных отношений привело к процессу разрядки международной напряженности. Международные отношения в своем большинстве развиваются на основе принципов мирного сосуществования. Благодаря целенаправленным действиям государств, а также других субъектов международных правоотношений, известный прогресс достигнут в укреплении международного правопорядка. Поскольку эффективность международного права зависит в основном от соотношений между силами мира и силами реакции, существенные изменения в международной жизни в пользу сил мира и прогресса свидетельствуют, что и в перспективе открываются все новые возможности для демократических международных мероприятий.

Решающее влияние, как и раньше, на это будет оказывать Советский Союз, экономическая, военная, научно-техническая мощь и социальная природа которого являются важными факторами, определяющими мирное сосуществование.

В Программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, одобренной XXV съездом КПСС, записано: "Делать все для углубления разрядки напряженности, ее воплощения в конкретные формы взаимовыгодного сотрудничества между государствами. Активно вести линию на полное претворение в жизнь Заключительного акта общеевропейского совещания, развитие мирного сотрудничества в Европе. В соответствии с принципами мирного сосуществования последовательно продолжать развитие отношений долговременного взаимовы-

годного сотрудничества в различных областях — в политике, экономике, науке и культуре — с Соединенными Штатами Америки, Францией, ФРГ, Великобританией, Италией, Канадой, а также Японией и другими капиталистическими государствами.¹

Успешное осуществление мероприятий советской Программы мира уже в начале 70-х годов привело к созданию целой системы взаимосвязанных международных договоров и договорных обязательств. Прежде всего это ряд договоров, заключенных в 1970—1973 г.г. между европейскими державами с различным социально-экономическим строем, а также многочисленные соглашения между СССР и США. Эти соглашения, заключенные между ведущим государством социалистической общественной системы и крупнейшими государствами капиталистического мира, которые охватывают широкий круг важных международно-правовых проблем.

Разработка в процессе межгосударственного сотрудничества новых международных норм и принципов, подтверждение уже существующих и дальнейшая конкретизация ныне действующих общих международно-правовых норм, принятие конкретных обязательств государствами как социалистической, так и капиталистической системы, в плане дальнейшего углубления процесса международной разрядки, имеют большое практическое значение.

Все эти явления очень тесно связаны с идеологией. Прав Г.И.Тункин, отмечая, что "как в науке, так и в практике международного права есть вопросы, которые можно целиком отнести к идеологии, есть вопросы, имеющие как идеологический, так и другие аспекты, к, наконец, есть вопросы, которые сами по себе не являются миро-

¹ Брежнев Л.И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., Политгиздат, с.31

воззренческими и в которых влияние идеологии сказывается лишь в плане общего подхода к соответствующим проблемам.²

Поскольку международноправовая позиция является содержанием воли государства, а ее формирование является сложным процессом, в котором определяющее влияние оказывают экономический строй общества, его закономерности и такие, например, различные части надстройки как идеология, национальное право, международноправовая доктрина,³ то не может быть и речи о том, что при разработке и применении международноправовых норм в условиях международной разрядки существующие коренные различия в отношениях государств двух противоположных общественно-экономических систем могут исчезнуть.

Утверждение принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами двух систем закономерно связано с продолжением их идеологической борьбы.

Поскольку идеология не является предметом государственных отношений между социализмом и капитализмом, политика мирного сосуществования не распространяется на область идеологии. Но вместе с тем, как правильно отмечают и авторы из ГДР, по мере развития сотрудничества в области политики, экономики, науки и культуры, т.е. в тех областях, в которых проявляется идеология государств, идеология становится областью борьбы, где не может быть компромиссов.⁴ Это в одинаковой мере относится как к

2 Тункин Г.И. Идеологическая борьба и международное право. М., "Международные отношения", 1967, с.13

3 Там же, с.14-16

4 Busse H., Lingner K. Die Politik der friedlichen Koexistenz in den Beziehungen zwischen sozialistischen und kapitalistischen Staaten. /Thesen zu ausgewählten Problemen/. "Deutsche Aussenpolitik", В., 1973, Jg. 18, N. 6, S. 1361-1377.

политической, так и к правовой идеологии.

Столкновение различных принципиальных мнений могут приобрести иногда довольно резкий и острый характер, однако, это не должно выйти за пределы дозволенного современным международным правом. С другой стороны, политическая практика убеждает в том, что идеологическая борьба социалистических и капиталистических государств не противоречит нормам общего международного права и идее взаимовыгодного сотрудничества между ними. Рассматривая мирное сосуществование как диалектическое единство борьбы и сотрудничества государств с различным общественным строем, все это становится понятным.

Идеологическая борьба, как и международное сотрудничество, явление сложное. Она проявляется в ходе сотрудничества государств в решении экономических, социальных и гуманитарных проблем как в самом процессе разработки, так и создания норм международного права.

Политические и правовые элементы в борьбе противоположных идеологий охватывают и сферы применения международного права, поскольку этот процесс немаловажен без определенной оценки действий государств, а это в свою очередь затрагивает принципы внешней политики различных государств, ее идеологические основы. Следовательно международное право и политика тесно взаимосвязаны как в стадии формирования международно-правовых норм, так и во время их применения.

Вопрос о соотношении между правом и политикой в процессе создания норм международного права является одним из самых сложных.

В процессе формирования международно-правовой нормы участники международных отношений всегда занимают определенную позицию, которая прежде всего зависит от принци-

пов, положенных в основу их внешней политики. Это и обуславливает существенные различия между внешней политикой социалистических и капиталистических стран. Поскольку их внешнеполитические позиции, базирующиеся не прямо противоположных принципах, порождают и противоположные международно-правовые позиции. Этим объясняются и существующие различия точек зрения по ряду вопросов современного международного права.

Отношение Советского Союза к этим коренным вопросам определено в Программе КПСС: "Мирное осуществление государств с различным социальным строем не означает ослабления идеологической борьбы. Коммунистическая партия и впредь будет разоблачать антинародную, реакционную сущность капитализма и всяческие попытки приукрасить капиталистический строй... Реакционной буржуазной идеологии партия противопоставляет научную идеологию коммунизма. Выражая коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся, эта идеология учит их бороться, работать и жить во имя всеобщего счастья. Коммунистическая идеология - самая гуманная идеология. Ее идеалы - утверждение подлинно человеческих взаимоотношений между людьми, между народами, освобождение человечества от угрозы истребительных войн, установление на земле всеобщего мира и свободной, радостной жизни для всех людей."⁵

Достижение этих целей и определяет международно-правовую позицию Советского Союза и других стран социалистического сотрудничества, их отношение к тем или другим проблемам международных отношений.

Рассматривая международные отношения комплексно, в

5 Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1965, с. 122

динамике, однако следует учесть взаимодействие всех элементов и сил, действующих на международной арене и определяющих в конечном итоге состояние международного правопорядка, значение и ценность современного международного права.

Хотя социалистические государства и другие миролюбивые силы и оказывают решающее влияние на решение тех или иных проблем международной жизни, в том числе и при помощи международного права, мы не можем не учитывать и те совокупности, которые образуются в результате внешнеполитической деятельности промышленно развитых капиталистических государств и группы молодых развивающихся стран. Многое зависит при этом от конкретных ситуаций, от позиций и целей всех участников международного сообщества. Разумеется, известное значение имеют при этом и различные другие социальные и даже социально-психологические факторы, характер и источники конфликтов и т.д.

Возможно ли при всем этом более эффективное применение норм и принципов общего международного права в рамках нынешнего международного сообщества?

Бесспорно, что социально-классовая противоположность социалистических и капиталистических стран создает определенные трудности. В промышленно развитых капиталистических государствах, как правильно отмечает Ф.М.Бурлацкий, внешнеполитическое целенаправление, стратегия и тактика определяются так называемым традиционным представлением о международных отношениях. Их внешне-политические цели намечаются исходя из традиционной системы ценностей. Это отношения подчинения - господства, раздел сфер влияния, политика силы, военного присутствия и т.д. В основу стратегии и тактики этих стран вляется принцип:

"цель оправдывает средства"⁶. Разумеется, это существенно влияет на международно-правовую позицию государств капиталистического мира.

Социалистическим странам, в отношениях которых складываются новые, более прогрессивные нормы и принципы, чем нормы и принципы общего международного права, приходится вести на международной арене непрерывную борьбу против такой внешнеполитической деятельности капиталистических стран с позиции своей идеологии, которая несомненно является более передовой, более прогрессивной, обеспечила и обеспечивает прогрессивное развитие современного общего международного права.

Поэтому проблема взаимоотношений социалистических и капиталистических стран всегда является актуальной. Как известно, современное общее международное право обязывает государства двух противоположных социально-экономических структур в своих взаимоотношениях придерживаться принципов мирного сосуществования. Однако, за их признание идёт постоянная борьба.

Современное общее международное право не статичное явление. Оно находится в непрерывном развитии. Кроме того, действующие международно-правовые нормы требуют своего постоянного подтверждения. И за это идет борьба между социалистическими и капиталистическими странами. Все это обусловлено особенностями международного права, как права координационного.

Договорная практика Советского Союза, особенно последних 10 лет, и также Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) свидетельствуют о широких возможностях повышения эффективности современного международного права.

6 Бурлацкий Ф.И. О системном подходе к исследованию внешней политики. - В кн.: Международные отношения, политика и личность. М., "Наука", 1976, с.25

Несмотря на то, что принципы мирного сосуществования закреплены в Уставе ООН, участниками которого является 147 государств современного мира, в том числе СССР и США, этот принцип в виде комплексной нормы стал определяющим в советско-американском документе 1972 года "Основы взаимоотношений", в котором оба государства, "руководствуясь принятыми на себя обязательствами по Уставу Организации Объединенных Наций и стремлением укрепить между собой отношения мира и подвести под их возможно более прочную базу" ... согласились прежде всего "исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования. Различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды".⁷

На этих же принципах основывается сотрудничество СССР и с другими капиталистическими странами. Поэтому мирное сосуществование государств с различными социальными системами приобретает все более конкретный характер. Как отмечают и некоторые зарубежные авторы, мирное сосуществование — "это генеральная концепция" внешней политики социалистических государств, новая система международных отношений. Эта система включает в себя такие принципы межгосударственных отношений, как запрещение войны как средства решения межгосударственных споров; запрещение

7 Текст документа см.: Советская Программа мира в действии. М., Изд-во Агентства печати Новости, 1972, с. 16-18

применения силы и угрозы силой против других государств, уважение территориальной целостности государств и их суверенитета; невмешательство во внутренние дела; уважение права каждого народа свободно избирать свою социально-экономическую систему, путь своего развития; развитие торговых и других форм экономического, научного и культурного сотрудничества между странами на основе равенства и взаимной выгоды.⁸ Последовательное соблюдение этих принципов может гарантировать мир, взаимовыгодное сотрудничество в самых различных областях, и, в конечном итоге, международный правопорядок и повышение эффективности современного международного права.

Как известно, эффективность международного права не только добросовестное выполнение его предписаний. Она видится, как правильно пишет Г.В.Игнатенко, на таком использовании государствами международно-правовых норм, при котором раскрываются все потенциальные возможности международного права как активного надстроечного явления, как фактора общественного прогресса.⁹ Поэтому эффективность международного права и трактуется как "результат активного восприятия государством международно-правовых принципов и норм, результат их использования в целях наиболее полного осуществления как тех задач, которые непосредственно предусмотрены конкретными правовыми нормами, так и задач, которые определяются демократической сущностью и социальными функциями

8 Chater T. The strategy of peaceful coexistence today. "Marxism today", L., 1973, vol. 17, N. 2, p. 231

9 Игнатенко Г.В. Международное право и общественный прогресс. М., 1972, с. 118

ми современного и международного права".¹⁰

Использование, применение или исполнение международно-правовых норм неразрывно связано с их толкованием.¹¹ Не установив правильного смысла и содержания принципа или нормы, невозможно объяснить их правильное применение. Поэтому проблема толкования в международном праве приобретает особое значение в нынешних условиях, когда открываются все новые возможности для более последовательной реализации международного права. Это во-первых. Во-вторых, существует и прямая необходимость толкования, которая обусловлена тем, что большое количество принципов и норм современного международного права имеют общий характер, а призваны регулировать поведение субъектов этого права в сложных и многообразных конкретных ситуациях современной международной жизни. Разумеется, возникает множество вопросов, относящихся не только к содержанию принципа или нормы международного права, но и вообще к их сущности, назначению и роли в системе международноправового регулирования. Большинство из этих вопросов могут быть решены только при помощи толкования.

Некоторые трудности в процессе применения обусловлены и особенностями формулирования нормы международного права. Но и их решение возможно при помощи толкования. Благодаря аутентичному толкованию можно установить, например, как содержание так называемых абстрактных норм, так и содержание специальных юридических терминов.

¹⁰ Игнатенко Г.В. Международное право и общественный прогресс. М., 1972, с.120.

¹¹ Талалаев А.Н., рассматривая толкование международных договоров, пишет: "Толкование международного договора есть выяснение и разъяснение смысла договора (его содержание) в целях наиболее правильного применения, а значит, и осуществления. См. Талалаев А.Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973, с.141-143

Взаимосвязи между толкованием и применением междуна-родно-правовых норм не отрицают и буржуазные авторы. Например, С.Сюр констатирует, что толкование определяет смысл правовой нормы, а понимание нормы - это этап, предшествующий ее применению. Он умалчивает, что толко-вание обстоятельств установления норм составляет осно-ву толкования этих норм и, наоборот, применение норм является основой толкования.¹²

Советский Союз по этим, как и по любым другим: корен-ным вопросам современного международного права, занимает позицию, в полной мере отражающую действительность соот-ношения между внешней политикой государств и выражающую согласованную волю государств международно-правовым нор-мам. Свидетельством этого является вся договорная прак-тика СССР. Например, в ст.13 Договора о дружбе и сотруд-ничестве с Народной Республикой Анголы, подписанного 8 октября 1976 года говорится: "Любые вопросы, которые могут возникнуть между Высокими Договаривающимися сторо-нами относительно толкования или применения настоящего договора будут разрешаться в двустороннем порядке в духе дружбы, взаимного уважения и понимания".

Как правильно писал И.С.Перетерский, Советский Союз и другие социалистические государства стоят на позициях объективного толкования международных договоров, имеющих своей задачей уяснение действительной совместной воли государств - контрагентов во время заключения договора.

¹² Sur.S.L'interpretation et droit international public, Paris, 1975, p.194.

Такое правильное толкование "состоит в том, чтобы не навязывать новое и чуждое сторонам или одной из сторон содержание договора и вместе с тем противостоять попыткам контрагентов извратить смысл договора или прикрыть "толкованием" изменение их политической позиции." 13

Такое отношение к толкованию международных договоров в полной мере соответствует и общим правилам толкования, нашедшим закрепление в ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, в ч. I которой говорится: "Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора".

Никакие суждения буржуазных теорий о двусмысленности нормы и принципов международного права, о неэффективности международно-правового регулирования и о невозможности межгосударственного сотрудничества в условиях существующих классовых антагонизмов и идеологической борьбы, не могут создать каких-либо "законных" оснований для произвольной интерпретации принципов и норм современного международного права в целях оправдания противоречащих международному праву внешнеполитических акций империалистических государств.

Международная договорная практика Советского Союза и других социалистических государств (кстати и договорная практика самих капиталистических стран) в полной мере доказывает возможность достижения договоренности и заключения соответствующих соглашений между государствами двух противоположных социально-экономических систем.

13 См. Перетерский И. С. Толкование международных договоров. М., 1959, с. 21-23

Кроме того, сам факт заключения договоров по тем или иным международным вопросам является свидетельством наличия достаточно высокой степени сотрудничества, ибо в противном случае не было бы возможным само согласование государственных воле, т.е. достижение соглашения. В соответствии с этим и в аналогичном духе должна решаться и проблема толкования в международном праве.

Толкование принципов и норм международного права должно способствовать правильной их реализации всеми субъектами права. То, в какой мере это удастся, зависит от самих участников международного сообщества.

Согласно принципу *pacta sunt servanda* существует обязанность и добросовестность выполнения любого действующего международного договора.¹⁴ При проявлении достаточного желания и доброй воли государства вполне способны выполнить эти требования и по отношению к толкованию; несмотря на бесспорно классовый характер этого института. В толковании, как при решении всякой проблемы, государства стараются защищать свои интересы. В этой связи следует отметить, что не может быть оставлено без внимания такое явление как мотивы целесообразности. Однако, односторонне их использование в процессе применения принципов или норм современного международного права не должно иметь место, поскольку это противоречит самой идее международного сотрудничества. Только согласованные соображения могут быть положены в основу интерпретации тех или иных международно-правовых предписаний.

¹⁴ Об элементах принципа *pacta sunt servanda* подробнее см.: Трунов С.И. О некоторых элементах принципа *pacta sunt servanda* и его грубом попрании империалистическими государствами относительно применения норм военной оккупации, в кн.: Государство, право, законность. Вып. 2, Пермь, 1970, с. 273-299

Злоупотребление мотивами целесообразности может привести к тому, что государства в своих действиях не руководствуются предписаниями международного права, а, наоборот, приспосабливают свои обязательства из международных договоров и в соответствии с *ius cogens* специфическим политическим условиям.

Конечно, учитывая тесную связь между суверенитетом и толкованием, каждое государство имеет право толкования прав и обязанностей, которые им предписаны действующим международным правом. Однако осуществление этого права в одностороннем порядке будет лишь выражением юридического отношения государства к связывающим его международно-правовым нормам и принципам, а не толкованием. Следовательно, реализация этого права предполагается посредством аутентичного толкования или других видов толкования, на что государства предварительно согласились. Но в любом случае обязательным будет только аутентичное толкование, поскольку только оно основано на согласии государств и обладает наибольшим эффектом. Даже толкование Устава ООН государством и органами ООН, которые его применяют, как, например, Международным Судом в виде выносимых им в соответствии со ст. 65 Статута консультативных заключений, не являются обязательными ни для государства членов, ни для органов ООН. Как правильно отмечает А.Н.Талалаев, единственным случаем обязательного толкования Устава ООН является толкование, единодушно даваемое государствами членами ООН и воплощенное в соответствующей резолюции Генеральной Ассамблеи, что представляет по существу особую форму аутентичного толкования международного договора.¹⁵

¹⁵ См.: Талалаев А.Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973, с.150

На современном этапе развития современного международного права полностью может быть обеспечено правильное толкование как договорных, так и обычных норм международного права. Для этого существуют объективные критерии, выявление которых составляет одну из важнейших задач советской доктрины международного права. Разумеется, решение этой проблемы не может быть предпринято в рамках данной статьи. Отметим только, что толкование прежде всего должно осуществляться в полном соответствии с основными принципами современного международного права, что любое толкование должно быть добро-советским.

В принятой в 1970 году Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН сформулировано важное положение о том, что при толковании и применении принципы международного права являются взаимосвязанными и каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех других принципов. Это имеет особо важное значение для любого толкования в международном праве.

Известно, что все суверенные государства должны соблюдать *jus cogens* при определении своего поведения. Толкование не является исключением. *Jus cogens* действует и в области толкования. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые, признавая этот факт, одновременно стараются ограничить сферы действия *jus cogens*, утверждая, что *jus cogens* "ограничивает свободу толкования".¹⁶

¹⁶ См., например, *Sur.S., op.cit., p.177-181.*

Толкование в международном праве не сводится только к толкованию международных договоров. Оно касается различных сфер международного права, так как международный договор не является единственной формой согласования воли государств. Поэтому теоретические вопросы толкования в международном праве требуют дальнейшей разработки.

Учитывая всю сложность взаимоотношений между правом и политикой, выяснение различных аспектов толкования может во многом содействовать решению проблемы реализации норм действующего международного права.

Бабаев С.Ф.
НИИП Госплана ЛатвССР
Перто М.А.
ЛГУ им. П.Стучки

**НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ
В БУРЖУАЗНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ**

Методологические основы научного подхода к исследованию буржуазного государства и права на современном этапе его развития заложены в глубоко основательной и принципиальной оценке, данной XXV съездом КПСС политико-юридической надстройки капиталистического общества. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев в отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии подчеркнул: "Усилился идейно-политический кризис буржуазного общества. Он поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы."¹ Исторический форум советских коммунистов вновь подтвердил правоту и непоколебимость выводов марксизма-ленинизма о неизбежности гибели буржуазного общества, его характеристике как общества лишнего будущего.

Вместе с тем XXV съезд КПСС предостерег от каких-либо упрощенных и поспешных выводов относительно протекания процесса разложения и гибели капитализма: "Коммунисты далеки от того, чтобы предрекать" "автоматический крах" капитализма. У него есть еще немалые резервы".²

¹ Брежнев Л.И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г., Политиздат, 1976, с.34

² Там же, с.35

Это положение в полной мере применимо и к характеристике политико-правовой надстройки современного буржуазного общества. Империалистическое государство и его аппарат власти и управления при несомненной их исторической ограниченности, все еще сохраняют известную жизнеспособность в практическо-политическом отношении, которую при исследовании политико-юридических явлений современного капиталистического общества не принимать во внимание нельзя. Более того, перед учеными-юристами, изучающими проблемы современного буржуазного государства и права в полном объеме встает актуальная и весьма значимая в политическом и идеологическом отношении задача научного анализа выявления комплекса мер, предпринимаемых капиталистическим государством для своего упрочения. В числе таких мер несомненно важную роль на нынешнем этапе играет применение современной информационной технологии, основанной на использовании электронно-вычислительной техники и выступающей в качестве основы предпринимаемого в настоящее время совершенствования структуры и процессов государственного управления в развитых капиталистических странах.³ Следует учесть, что в связи с проходящей научно-технической революцией совершенствование систем государственного управления, основанное на создании и использовании современной информационной технологии стало обязательным во всех индустриально развитых странах, независимо от их общественно-политического строя.

3 Management and automation in the Petroleum industry, London, 1971; W. Hartman, H. Matthes; A. Proeme, Information systems handbook. Analysis, requirements, determination. Design and development. Implementation and evaluation. Apeldorn, The Netherlands, 1968; Lermite Pierre, Le pari informatique d'après une Etude du 9 conseil Economique et sur les conséquences prévisibles du développement de l'automatisation des question de entreprises, Paris, 1968 etc.

Однако, было бы неверно не учитывать то обстоятельство, что процессы создания и использования электронных систем обработки информации в государственном аппарате капиталистических и социалистических стран при всей их внешней схожести технологически и по некоторым иным признакам и показателям, глубоко отличаются друг от друга по своему социально-политическому характеру, по своей социально-политической сущности, по формам протекания, по социальным и политическим последствиям, по результатам и выводам, вытекающим из них.

Между тем, в настоящее время исследование процессов создания и применения современной информационной технологии в государственном управлении современных индустриально развитых капиталистических странах советскими учеными проводится, в основном, в техническом, информационном, и, частично: организационном аспектах.⁴ Несмотря на то, что советские философы и социологи, изучающие социальные проблемы научно-технической революции на Западе, касаются в какой-то мере некоторых социально-политических вопросов использования современной информационной технологии в буржуазном государственном управлении,⁵ политико-правовые аспекты этой проблемы до настоящего момента надлежащей разработки еще не получили.

4 См. например Горбан К.Л., Модин А.А., Прохожев А.А., Применение ЭВМ в управлении (опыт Японии). М., "Экономика", 1972, с.48-53. Иньков Ю.И. США: Информационные системы в промышленных фирмах. М., "Наука", 1976, с.172-189, и др.

5 См. Коломийцев В.Ф., Технократия в изображении буржуазной социологии. - "Вопросы философии", 1967, №4; Осипов В. Технический прогресс и общество управляющих. - "Коммунист", 1959, № 9; Дворкин И.Н. Реакционная сущность мифа об "обществе управляющих". - "Вопросы философии", 1954, № 2

В условиях же обострения идеологической борьбы двух противоборствующих социальных систем капитализма и социализма проблемы научно-технической революции, вообще, и использования современных технических средств обработки информации, в частности, приобретают особо важное социально-политическое и идеологическое значение.⁶ В этой связи представляется весьма актуальной попытка определить некоторые политико-правовые вопросы, которые возникают в процессе создания и использования современной информационной технологии в государственном управлении в индустриально развитых капиталистических странах, а также наметить основные направления в их исследовании. И здесь прежде всего возникает необходимость остановиться на вопросе о целях и границах использования систем электронной обработки данных в аппарате управления современного империалистического государства. Его важность определяется главным образом тем обстоятельством, что в ряде работ буржуазных специалистов наряду с трезвым анализом проблем социального свойства, возникающих в процессе совершенствования систем государственного управления на основе электронно-вычислительной техники,⁷ большое распространение получают апологетические измышления и разного рода аргументация происходящей по их мнению в пользу коренной модификации аппарата буржуазного государственного управления, превращения управления в центральную функ-

6 Мишин М.Б. Проблемы современной идеологической борьбы. Критика социологических и социально-политических концепций. М., "Наука", 1976, с.244 и сл.

7 См. напр., Дейл Э. Воздействие компьютеризации на организацию управления и занятость, в сб. Современные тенденции в управлении в капиталистических странах. М., "Прогресс", с.153-178; Фейгенбаум А.В. Системы управления и системы обеспечения информации для управления, там же с.153-178.

цию деятельности капиталистического общества,⁸ имеющие своей конечной целью защитить капитализм, теоретически обосновать якобы имеющую место его трансформацию в "новое", уже некапиталистическое общество, преодолевающее традиционные пороки буржуазного строя, но базирующееся по-прежнему на частной собственности. Разумеется было бы нелепо отрицать реальные достижения в сфере использования современной электронно-вычислительной техники в аппарате государственного управления развитых капиталистических государств. За последние 20 лет ЭВМ превратились из средства бухгалтерского учета в универсальное средство автоматической обработки информационных данных, в мощный инструмент, используемый в различных сферах и отраслях буржуазного государственного управления. В США, например, применение вычислительной техники в государственном аппарате, начавшееся в сфере государственной статистики, постепенно охватило многие структурные подразделения аппарата управления, ответственные за те или иные отрасли государственного управления: министерство финансов, торговли, сельского хозяйства, здравоохранения, просвещения и социального обеспечения, внутренних дел, транспорта, труда, Главное управление по общему обслуживанию правительственных учреждений, Управление по делам ветеранов и др.⁹

⁸ "Business Week", February 9, 1974, p. 50.

Достаточно отметить, что американское правительство ежегодно тратит на автоматическую обработку данных от 4 до 6 млрд. долларов.¹⁰

Использование электронно-вычислительной техники в государственном управлении Японии началось в 1958 году, когда первая ЭВМ была освоена Метеорологическим управлением. В последующие годы использование современной информационной технологии в системе государственного управления этой капиталистической страны постепенно расширялось. По данным агентства административного управления Японии, основным потребителем ЭВМ среди государственных ведомств являются управление национальной обороны, министерство транспорта, министерство внешней торговли и промышленности.¹¹

Количественные изменения в скорости и мощности выполнения счетных и логических операций в процессе решения управленческих задач, привносимые применением электронно-вычислительной техники, естественно, должны привести и приводят к определенным изменениям в качестве управленческой деятельности, осуществляемой аппаратом государственного регулирования капиталистической экономики они, например, находят свое воплощение в увеличе-

9 Об области информационного обслуживания с помощью электронно-вычислительной техники представление дает таблица, приведенная в кн. Мартин Дж. Системный анализ передачи данных, т.1, М., "Мир", 1975, с.175

10 "Computer decisions", август 1973, р.6.

11 Горбан К.Л., Модин А.А., Прохоров А.А., указ. работа, с.48

нии возможностей для антикризисного регулирования. Империалистическое государство стало своевременнее и точнее анализировать процессы, имеющие место в капиталистическом хозяйстве, межотраслевые связи, заранее выявлять стихийно возникающие тенденции, обнаруживать назревающие изменения и вводить в действие резервы, способные по мнению государственного аппарата, помешать возникновению и развитию нежелательных для капиталистической экономики явлений. Это стало возможным в результате скоростной обработки огромных массивов информации, характеризующей положение в области национального производства, капиталовложений, налогов и построения моделей на базе этой информации.¹²

Например, информация, записанная на магнитных лентах в Службе внутренних доходов министерства финансов США о налоговых поступлениях, служит основой планирования американским правительством налоговой политики, сложная информационная система административного и бюджетного управления позволила выполнять этому ведомству функцию главного государственного инструмента раннего предупреждения о возникающих в экономике опасных явлениях.¹³

Подтверждает ли все это концепции буржуазных идеологов о том, что современное империалистическое государство превратилось в государство "всеобщего благодеяния", в "исполнительный комитет технoструктуры",¹⁴ а его

¹² См. Петраков Н.Я., Иоффе В.М. Модели социально-экономического прогнозирования развития Японии. М., "Наука" 1975

¹³ Иньков Ю.И. Указ. работа, с. 230-231

¹⁴ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, с. 40

аппарат управления, все более опирающийся на разного рода профессиональных управленцев использующих электронно-вычислительную технику, осуществляет независимую от политики всеобъемлющую программу всеобщего благосостояния в экономической, социальной и духовной областях? — Разумеется нет! — "Государство, — писал Ф.Энгельс, — в целом является лишь выражением в концентрированной форме, экономических потребностей класса, господствующего в производстве..."¹⁵ Капиталистическое государство и в настоящий момент своей эволюции продолжает оставаться наиболее мощным и действенным оружием классового господства в руках властвующей буржуазии. Более того, его роль в буржуазной политической организации несколько не меняется, и постоянно возрастает, поскольку наблюдается развитие государственно-монополистического капитализма во всех империалистических странах, усиливается активность империалистического государства в политико-идеологической области, в которой государство выступает орудием подавления и обмана трудящихся.

Располагая представленными научно-техническим прогрессом мощными современными техническими средствами управления, капиталистическое государство проявляет определенные тенденции к централизации управления экономикой в национальных масштабах. Однако стремление монополистического капитала, интересы которого и представляет современное империалистическое государство, добиться с помощью электронно-вычислительной техники рационализации использования ресурсов и координации экономики с целью уско-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.21, с.30

рения роста эффективности общественного производства весьма ограничена, и осуществляется практически в относительно узких рамках. У буржуазного государства нет ни экономической основы, ни экономических стимулов, позволяющих воздействовать на процесс капиталистического производства и на всю общественную жизнь в целом. Отдельные промышленные фирмы используют современную электронно-вычислительную технику исключительно в целях создания преимуществ для борьбы со своими конкурентами, обеспечения роста прибыли, поскольку у них появляется возможность проанализировать возможные варианты борьбы с противником с помощью моделирования на ЭИМ, использовать данные, имеющиеся в информационных системах и далее принимать необходимые решения. Именно эти цели и вызывают их заинтересованность в расширении сведений о национальной экономике путем включения в общегосударственную информационную систему, поскольку без таких информационных данных в настоящее время практически невозможно построить модели окружающей экономической среды, сформулировать цели долгосрочных планов функционирования промышленных фирм. Буржуазное государство, в свою очередь, заинтересовано в экономической деятельности фирм, которая позволит более точно познавать процессы, происходящие в национальной экономике, так как в этом случае оно смогло бы осуществлять свои регулирующие функции более эффективно. Это свидетельствует о действительной заинтересованности обеих сторон в обмене экономической информацией. Однако, несмотря на возрастание потребностей во взаимном обмене экономической информацией по мере ускорения процессов обобществления экономики и усиления динамичности развития, этот обмен осуществляется в ограниченном масштабе. Промышлен-

ные фирмы не желают раскрывать информацию, отражающую механизм своей предпринимательской деятельности. Вследствие этого органы буржуазного государственного управления получают лишь общедоступную экономическую информацию о деятельности промышленных фирм, а последние, в свою очередь, далеко неполные сведения о государственных регулирующих мероприятиях. Капиталистическое государство было и остается инструментом политического господства буржуазии, оружием защиты ее интересов. Соответственно это определяет и социальное назначение аппарата государственного управления буржуазного государства — системы органов буржуазного государственного управления. Даже по признанию самих буржуазных авторов, основное назначение исполнительной власти — осуществление организованного государственного принуждения.¹⁶ В сфере буржуазного государственного управления и создаются, преимущественно, информационные системы, базирующиеся на современной электронно-вычислительной технике. Представляя по существу разновидность технических систем, они являются лишь своеобразным оружием органов буржуазного государственного управления, создаются в рамках этих органов и характеризуют информационную, техническую сторону их управленческой деятельности. Несмотря на то обстоятельство, что на высших ступенях развития информационных систем электронно-вычислительная техника постепенно включается в процессы принятия управленческих решений,¹⁷ последние не только

¹⁶ Ведель Ж. Административное право Франции. М., "Прогресс", 1973, с.26-27

¹⁷ C. Orville Elliat, Robert S. Wasley. Business Information Processing Systems, Homewood, Illinois, 1968, p. 426.

адресуются людям, осуществляющим свою деятельность в условиях капиталистического строя, воздействуя прежде всего на человеческое сознание, но и принимаются людьми служащими буржуазного государственного аппарата. Так, в Министерстве обороны США, сосредоточившем практически всю исследовательскую работу по использованию электронно-вычислительной техники в государственном управлении, и в широких масштабах использующем информационно-вычислительные комплексы в практической управленческой деятельности в целом склоняются к тому, что ЭМ и количественные методы могут служить только вспомогательными аналитическими средствами. "Ввиду существования большого количества факторов, не поддающихся количественной обработке, подобная методика никогда не сможет заменить творческое мышление специалиста..."¹⁸, - отмечалось в докладе Управления оборонных исследований, который был представлен сенатской комиссией по иностранным делам. Это означает, что управленческие решения, принимаемые в различных звеньях аппарата исполнительной власти буржуазного государства в любом случае является социальным актом политического характера. В окончательном своем варианте они зависят от принимающих их должностных лиц, которые выступают от имени буржуазного общества и государства и осуществляют "не свою личную (или групповую или кружковую) волю, а волю этого общества"¹⁹ Этим объясняется и тот факт, что

¹⁸ Себостьян Ив. Планирование внешней политики в США - "Международные отношения", М., 1974, с.153
¹⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Изд-во 5-е, т.24, с.36

государственные служащие, занимающие ключевые посты в аппарате управления экономикой, армией, дипломатией, разведкой и другими сферами и образующие управленческую элиту, в интересах властвующей олигархии в процессе принятия решений зачастую руководствуются не разработанными с помощью ЭВМ оптимальными их вариантами, а интересами монополистического капитала, который они представляют. По утверждению начальника отдела политических исследований корпорации "РЕНД" Д.Шлезингера при подготовке управленческих решений Министра обороны США лишь незначительная их доля основывается на научном анализе. "Большее половины решений, — говорил он, — определяется вмешательством на высшем политическом уровне — звонком из Белого дома, интересами влиятельных членов военных комиссий конгресса, членами конгресса или военно-промышленными комитетами. Еще в тридцати процентах случаев решения связаны с престижными соображениями руководителей вооруженных сил и только в 20% случаев научный анализ оказывается полезным и способствует повышению качества решения".²⁰

Значит буржуазное государственное управление как деятельность аппарата исполнительной власти и в условиях широкого использования современной информационной технологии есть прежде всего властная политическая деятельность. Цели применения электронно-вычислительной техники в аппарате управления современного капиталистического государства, а также границы в ее использовании определяются прежде всего социально-политическими

²⁰ Цит. по кн. Кливленд Д., Кинг В. Системный анализ и целевое управление. М., "Советское радио", 1974, с.17

особенностями системы буржуазного государственного управления.

Как видно, значительные результаты в совершенствовании средств и методов обработки информации в государственном управлении современных капиталистических государств, свидетельствуют прежде всего об изменениях в технологии управления, подготовленных научно-технической революцией. В концепциях же буржуазных ученых этот факт получает явно односторонне гипертрофированное отображение. Изменения в технологии буржуазного государственного управления не приводят и никогда не приведут к перемене его сущности. Буржуазное государственное управление по-прежнему является политической деятельностью исполнительной власти, осуществляемой от имени капитала и в его интересах. Сказанное конечно не означает, что современная информационная технология не ведет к социально политическим изменениям в механизме государственного управления государством монополистического капитализма. Такие изменения, безусловно имеются. Правда, в значительно меньшей мере, чем это предполагается считать у буржуазных специалистов по управлению.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Плотникоз А.А. Общая теория права в
1929-1931 гг.: развитие, дискус-
сии, консолидация 3
2. Плотникоз А.А. Теоретическая разработка во-
просов законности в период стро-
ительства основ социализма в СССР ... 34
3. Эндзинь А.А. Социалистическое правосознание
и общественное мнение 84
4. Эглитис В.В. Потребность как основа индиви-
дуального правосознания116
5. Фогелс А.Г. Развитие идеологий и некоторые
вопросы толкования в международ-
ном праве130
6. Бабаев С.Ф., Пертс М.А. Некоторые политико-
правовые вопросы современной ин-
формационной технологии в буржу-
азном государственном управлении146

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ
Республиканский межвузовский сборник
научных трудов

Редактор Р. Довгоплова
Технический редактор М. Пертс
Корректор М. Пертс

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1977

Подписано к печати 29.12.1977. ЯТ 12442. Зак. № 1761.
Бумага №1. Ф/б 60x84/16. 10,0 физ. печ. л.; 7,0 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Цена 70 к.

Отпечатано на ротапринтере, Рига-50, ул. Гейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки